

Clan Novel 6 — Lasombra

Новелла Клана 4 — Ласомбра

*Посвящается Бенджамину и Эстер Чердак, а также памяти
Джозефа и Сары Дански. Спасибо вам за вашу любовь,
поддержку и ободрение во всех моих начинаниях, даже в тех, в
которых были зазубрины, орудия разрушения и вещи, которые
стучали в ночи. Это для вас.*

Часть первая: Менуэт

Пятница, 16 июля 1999, 10:04 PM
Два Логан Сквер
Филадельфия, штат Пенсильвания

До самой последней секунды своего существования Морти так и не понял значения термина — мясистый стук, и не то чтобы это знание принесло ему большую пользу. В конце концов, удар был вызван тем, что его тело ударилось о поросший сорняками бетон тротуара, а мясо — ну, чем меньше об этом говорить, тем лучше.

С высоты тридцати семи этажей Люсита бесстрастно смотрела на край здания, ее длинные черные волосы развевались на сильном ветру. Ветер трепал ее свободные рукава и леггинсы, но не так сильно, и прохлада воздуха не вызывала мурашек на ее оливковой коже. Когда-то такой ветер вызвал бы слезы на ее глазах, но теперь нет. Она посмотрела через край на брызги, образовавшиеся от удара бессмертных кишок Морти, и усмехнулась про себя. Это было грязно, слишком грязно. Она становилась неряшливой в свои преклонные годы.

Морти был просто разминкой, даже не оплачиваемой работой. Он просто пересекся с Люситой год или около того назад, когда она в последний раз была в Филадельфии, и вызвал у нее глубокое раздражение. Люсита гордилась тем, что в эти ночи сохраняет ровный тон (ее отец, Сатана, поджаривший свою дряблую, покрытую струпьями душу, постоянно твердил о ее вспыльчивости, как о том, что когда-нибудь ее убьют), но все же существовало несколько способов вывести из себя единственного ребенка ужасного Монкады.

Один из них называл ее куколка, сладкие щечки или любое другое подобное “ласкательное” слово.

Другой вариант — попытаться быстро полапать, хотя одному Богу известно, зачем вампиру это нужно.

И третий — прибегнуть к грубым оскорблениям, связанным с этнической принадлежностью Люсита.

Морти сделал три по три за тридцать секунд, что должно было стать своего рода рекордом даже среди тех низкопробных грязнуль, с которыми Люсита встречалась в эти ночи. В результате его переклассифицировали, переместив из списка имбецилов, которых можно игнорировать в практику.

Две ночи назад Люсита согласилась на новое задание. Сородич, который организовал сделку, был тихим типом, который, казалось, находился в горьком отвращении от всего этого соглашения. Тем не менее, он был вежлив и профессионален, и она не нашла причин отказываться от предложения. Цена была подходящей, сроки — приемлемыми, а она, если не сказать больше, заскучала.

Но она уже давно не бралась за задания такого уровня, и ей не очень хотелось сразу же погружаться в работу. Вместо этого она чувствовала себя ржавой. Она чувствовала себя неподготовленной. Она чувствовала себя как ...ему нужна практика.

И вот так получилось, что Трехпалый Морти, один из самых злобных сукиных сынов, когда-либо бегавших стаей по улицам Филадельфии, оказался кровавым пятном на тротуаре у пивного паба.

Люсита вздохнула и обняла себя, скорее в знак беспокойства, чем для защиты от непогоды. Разминка с Морти едва ли стоила

таких усилий. Теперь ей предстояло охотиться за более крупной добычей, более сильной, более умной, и уж точно более осведомленной о ее методах работы, чем какой-нибудь уличный бандит.

— Вот этот, — сказала она никому конкретно, — — выглядит так, как будто он действительно может работать. Затем, не оглядываясь назад, она открыла дверь на лестничную клетку и спустилась в ее тени, собираясь оставить город позади.

Время игр, как и Морти, закончилось. Ей нужно было работать.

Суббота, 17 июля 1999 г., 10:12
Президентский отель
Вашингтон, округ Колумбия.

Саша Викас сидела на краю безупречно заправленной кровати в своем номере и сердито рассматривала написанное от руки письмо. Письмо ждало ее сегодня вечером, когда она вышла из заявленного ею убежища. Раньше в Президентском отеле проживал Маркус Вител, свергнутый князь Вашингтона, округ Колумбия, но после того, как он бежал из города, а Викас был утвержден архиепископом, узурпировать дом Витела показалось столь же естественным, как и узурпировать его владения. Она также снимала номер в отеле Hyatt Regency Capitol Hill, который, как это ни странно, Шабаша превратил в свой полевой штаб в столице страны, чтобы вести дела в стиле гардероба на ходу; но когда она могла, она проводила свои дни, дремля в комнатах Витела. Это было безопаснее, если не сказать больше. В конце концов, кроме ее личных гулей и телохранителей, никто не знал, где именно она укрывается. Теоретически.

Именно поэтому присутствие конверта креарнового цвета, запечатанного сургучом винного цвета, стало таким неприятным сюрпризом. Никто из ее бдительных гулей не видел никаких посторонних в течение дня или раннего вечера, но письмо лежало на пороге ее дома, аккуратно уложенное, без единого пятнышка пыли. Она знала, кто отправил это послание. Но подобные послания должны были передаваться заранее оговоренным курьером. Ее убежище, конечно же, не входило в число таких отправок, а это могло означать только плохие новости.

Записка была от ее источника внутри

Камарилья, подписавшись — Луций, как обычно, по причинам, которые, предположительно, умерли вместе с Цезарем на Форуме. В коротком послании не было хороших новостей. В нем говорилось, что конференция старейшин Камарильи в Балтиморе была поддержана властями Старой Страны. В частности, Эш, Витель и другие получили в качестве подкрепления Яна Пьетерсуна, венстру, имеющего определенную репутацию стратега и интригана. Викос был достаточно хорошо знаком с работой Пьетерсуна, если не с самим человеком; хотя он и не был такой угрозой, как член Внутреннего Круга или один из их приближенных, он все же был силой в своем собственном праве.

Остальная часть письма была не столь зажигательной, в ней -подробно описывалась реакция различных членов конференции на скорое прибытие Пьетерсуна. Там были обычные для Камарильи придирки и протесты благородного самопожертвования, но вкратце можно сказать, что большинство делегатов металось между негодованием по поводу того, что им придется разделить заслугу, если им случится одержать победу, и тайным облегчением по поводу столь необходимой помощи.

Вздохнув, она снова сложила письмо и вложила его обратно в конверт. И тут она заметила, что перстень, которым запечатывали сургуч, оставил отпечаток в форме анки Камарильи. Это был забавный штрих, которого она никак не ожидала от — Люциуса. Либо у шпиона развито чувство юмора, либо это напоминание о том, что ее местонахождение известно, и это знание может быть передано другим в любой момент. Все это было ужасно, неоправданно сложно, но, поразмыслив, Викос пришла к выводу, что большинство каинитов ее возраста и старше просто не знали другого пути. Простые и прямые умирали простой и прямой смертью; только хитрые и неуловимые выживали.

Небрежно бросив письмо на пол, Викас вздохнул. Появление Пьетерсуна было, мягко говоря, неожиданным осложнением. Она нахмурилась, скрестила ноги, потом разжала их и обнаружила, что беспокойно ерзает. Этого нельзя было допустить, ведь военный совет должен был возобновить свои так называемые обсуждения в течение часа.

Внезапно почувствовав нетерпение, она дважды хлопнула в ладоши. Дверь номера открылась, и вошел один из ее гулей, щеголеватый худой мужчина с топорным лицом и рыжеватой бородой, которую лучше всего описать как редкая.

— Да, госпожа?

— Кевин, мне нужно, чтобы ты сделал для меня телефонный звонок.

— Телефонный звонок, госпожа? — Лицо и тон гуля отразили его удивление. — Конечно. Кому я должна позвонить и с какой целью!

— Ты будешь звать меня, и будешь делать это, когда того потребуют обстоятельства. Кевин все еще выглядел озадаченным, и Викас внутренне сомневался, правильно ли она поступает, доверяя ему даже эту простую задачу. Он не проявлял признаков активного неповиновения, но и компетентности тоже было мало.

Викас вздохнул. Даже если Кевин не понимал, что он делает или зачем он это делает, его выражение лица должно было быть выражением восторженного внимания, отражая определенное доверие к тому, что все, о чем Викас может попросить его, будет объяснено ему должным образом. Смущение, если смотреть с этой точки зрения, было проявлением недоверия, а недоверие было формой нелояльности.

Она решила, что сделает все возможное, чтобы выражение лица Кевина больше никогда не беспокоило ее, если ему удастся в точности выполнить свои указания. В противном случае она выразила бы свое недовольство более категорично и более постоянно.

Затем она рассказала Кевину, что он должен сделать, и когда, и почему, и наблюдала, как на его лице загорается огонек узнавания. Викос отметила, что это была, возможно, одна из самых раздражающих вещей, которые она когда-либо видела.

— Конечно, госпожа, — сказал он, поклонился и вышел из комнаты.

Викосу потребовалось, наверное, всего три секунды, чтобы решить, что, независимо от того, насколько хорошо Кевин выполнил свою задачу, он не увидит утра.

Жизнь, даже вечная, была слишком коротка, чтобы мириться с подобными вещами.

А в вентиляционном отверстии нечто, почти в точности напоминающее кошку, выгнуло спину, затем повернулось и унеслось прочь.

Пятница, 16 июля 1999, 10:48 вечера (местное время)
Iglesia de San Nicolás de los Servitas
Мадрид, Испания

Сердцем церкви была огромная, почти пустая комната с каменным полом. В ней на простом деревянном табурете сидел толстяк, размышляя над шахматной доской. Немногочисленные белые фигуры, включая горстку пешек и одного слона, были выведены из игры. Несколько черных пешек тоже были убраны, но это было все. Белые сделали рокировку и сосредоточились на создании прочной защиты, а черные вели наступление, но выглядели странно неорганизованными, и один из их коней находился в непосредственной опасности.

— Это похоже на отставку.

Кардинал Амбросио Луис де Монкада поднял глаза от доски, на его лице появилась блаженная улыбка.

— А, сэр Талли. Рад видеть вас во плоти, сын мой. Вы здоровы? Путешествие было не слишком тяжелым? Вы сыты?

Талли, как называл себя храмовник, кивнул в ответ на все вопросы хозяина.

— Ваше гостеприимство, Ваше Преосвященство, как всегда безупречно. Он опустил свою длинную фигуру на табурет напротив Монкада. Талли был костлявым и угловатым, с лицом, как у гончей, которая только что увидела, что лиса исчезла раз и навсегда. Его волосы были белыми, хотя по чертам лица он казался не старше тридцати лет. Его руки были его самой примечательной чертой: Они были длинными и тонкими, а четвертый палец на каждой из них был длиннее среднего. При жизни Талли однажды обвинили в том, что он оборотень, из-за этих замечательных рук; имея дело со многими из них, Талли не

раз сталкивался с тем, что в его жизни было много люпинов в свое время, сейчас воспоминания показались ему забавными. На нем был угольно-серый костюм, явно сшитый вручную кем-то, кто знал, как подчеркнуть чистые линии человека-хищника.

В отличие от него, Монкада был одет в простую рясу священника и сандалии, которые хлопали по полу, когда он постукивал ногой, обдумывая свой следующий ход. — К сожалению, дон Ибрагим, мой противник в этой игре, из тех упрямец, которые будут сражаться до последней злобной пешки. Он поднял голову с выражением насмешливой озабоченности.

— И ты сам садишься на его место! Воистину, сын мой, я думал, что ты на моей стороне в этом деле.

Талли встал и поклонился.

— Простите меня. Я, конечно, немедленно перейду на вашу сторону и прошу смиренных извинений за мое вероломство.

Монкада хихикнул, густой, влажный звук.

— Нет, нет. Сиди. Я просто нахожу, что слишком много молодых в наши дни имеют ужасную тенденцию заикливаться на шахматных метафорах. Это ленивое мышление.

Талли не сел, а наклонился и поднял черного ферзя.

— Ммм. Учитывая шахматную доску, я не удивлен, что привилегированные немногие, которые ее видят, приходят от нее в бешенство. Люсита? — сказал он, указывая на фигуру, которую держал в руках.

Монкада протянул к нему пухлую руку.

— Конечно. Сам набор был подарком от Викоса. Он делает чудесные работы, вы не согласны?

— Он?

Кардинал многозначительно пожал плечами.

— Он, она, оно — оно меняется по своей прихоти. Я впервые встретил Викоса, когда у него была его первоначальная форма, и таким я его знаю. Он оказывает мне любезность, возвращая его, когда приходит в гости.

— А. Если это все равно, я избегу этого вопроса и сохраню эту форму в обозримом будущем.

Монкада восхищенно рассмеялся.

— Ваша любезность высоко оценена, и я верю, что вы сохраните лицо, которое больше всего подходит тому, кого называют Гончей. — Он посмотрел на шахматную фигуру, затем поставил ее на доску. — Жаль, что она так неохотно позировала для этого. Кхм. — Он поднял голову. — Вы хотели бы знать, почему вы здесь, да? Удовольствие от вашего общества, хотя я и не получаю его в достаточном количестве, не является достаточным основанием для того, чтобы вызывать вас.

Талли сохранял невозмутимое выражение лица.

— Надеюсь, не на исповедь? Боюсь, что за столетия, прошедшие с тех пор, как Джеффри впервые привел меня сюда, я накопила немало грехов; должна признаться, что я была немного небрежна в своем воцерковлении.

— Мы должны найти время для этого в ближайшее время, моя маленькая гончая. Я верю в то, что ты без вреда

выполнишь задачу, которую я перед тобой поставил, но еще больше я верю в другое. Бог милостив, но только если мы пользуемся этой милостью. И тем из нас, кто безвозвратно проклят, надлежит внимательно следить за тем, как мы ухаживаем за своими душами. Мы прокляты по какой-то причине в Божьей схеме вещей, но это не освобождает нас от необходимости повиноваться тем Божиим законам, которые Он оставил нам.

Талли неловко сдвинулся с места. В отличие от большинства архиепископов и кардиналов Шабаша, Монкада действительно был архиепископом при жизни и столпом Церкви в те годы, когда вера была ощутимой вещью. Как ни странно, его вера не покинула его в Объятиях, вместо этого она обвилась вокруг невыразимой веры в собственное проклатие. Это была любопытная, но действенная комбинация, и Монкада умел...

Его способность использовать силу своей веры была одной из причин того, что его так сильно боялись даже те, кто ему служил. Тем не менее, преданность кардинала секте мало способствовала тому, чтобы каиниты, не имеющие или имевшие мало веры, чувствовали себя рядом с ним спокойно. К счастью, Монкада проводил все свое время в сердце своего огромного, похожего на лабиринт собора. Кардинал не выходил в мир; мир, когда он в нем нуждался, приходил к нему смиренно и на коленях.

Вдалеке раздавался звон колоколов.

— Так, так, — неожиданно сказал кардинал. — Я верю, что ты сохранишь свое тело в достаточной безопасности, чтобы вместить душу до твоего возвращения, а потом мы тебя острижем. А пока есть работа, которую нужно сделать.

Талли кивнул. Он был почти так же стар, как Монкада, несомненно, быстрее и, возможно, сильнее. Но от кардинала

исходило присутствие, аура отцовской мудрости и огромной силы, которая заставила Талли снова почувствовать себя ребенком — смертным мальчиком. Он почувствовал потребность в одобрении Монкады, в поиске убежища и безопасности под благосклонным взглядом кардинала. Скорее всего, это был трюк, побочный эффект какой-то силы, которую кардинал даже не осознавал, что использует, но воздействие было разрушительно реальным.

С другой стороны, по словам прадеда Таили, Букефоса, Монкада обладал этим даром еще при жизни. Это, по словам древнего грека, стало решающим фактором в принятии Монкады, даже несмотря на протесты мусульманских членов клана, которые были связаны с другой стороной Реконкисты. Теперь те же самые каиниты обращались к нему за советом по вопросам мирским, если не духовным.

— Так что же это за работа у вас для меня? Талли

пришлось заставить себя оторваться от созерцания кардинала, и было ясно, что Монпда знает о его рассеянности. Я работаю лучше, когда знаю, что я должен делать.

— Думаю, вам это понравится. Это немного меняет дело. Тебе не придется никого выслеживать и убивать, не придется ходить по земле, подниматься и спускаться по ней.

— Мне не нужно никого убивать? — Тон Талли стал тоном насмешливого возмущения. — Тогда зачем звать меня?

— Потому что я решил, что пришло время расширить твой репертуар, помимо прочих причин. Как ты смотришь на то, чтобы защитить некоторых из моих слуг от покушения?

— Скучно, вообще-то. Почему ты хочешь, чтобы я это сделал?

— У меня есть свои причины. Это было сказано со всей законченностью.

Талли нахмурилась.

— Мне это не нравится. Кого я должен охранять?

— Архиепископ в нашей маленькой эскападе в Америке. Мне рассказать вам всю историю?

Брови Талли поднялись вверх.

— Пожалуйста.

Монкада медленно покачал головой.

— Увы, рассказывать особо нечего. Американский план идет успешно, хотя в руководстве операции есть разногласия. Можно сказать, расколото. Сейчас, после возвышения Викоса, на месте находятся три архиепископа, и я уверен, что Букефос рассказал вам о том, что происходит с подобными соглашениями о разделении власти. Один или несколько из трех обычно падают на обочине с кинжалом в ребрах.

— Или обратно, — беззлобно добавила Талли.

— Или обратно. — Монкада кивнул. — И в этом случае, кажется, что колеса уже в движении. Кто-то решил убрать одного из моих архиепископов. Кто-то решил быть очень уверенным в том, что этот архиепископ будет смещен. Кто-то пошел на очень большие расходы, чтобы нанять убийцу, который расправится с одним из тех, кто исполняет мою волю. Естественно, я не одобряю такие вещи.

— Что случилось с Вальехо? В последний раз, когда я встречался с Les Amies Noir, мне сказали, что он уехал за

границу, чтобы следить за Викосом. Почему бы просто не расширить его задание?

— Мой дорогой Талли, — устало сказал Монкада, — ваше недоверие к моим суждениям разочаровывает, чрезвычайно разочаровывает. Я хорошо знаю трудности, присущие этому делу; именно поэтому я послал за моей Гончей, чьего сердца и умения достаточно, чтобы преодолеть их.

— А теперь тише, и слушайте. Архиепископ — цель убийцы, да. Знаю ли я, кто именно? Нет; достаточно того, что я знаю, что охота началась. Меня волнует, кто именно? Нет; хотя я был бы очень огорчен, потеряв любого из трех моих способных и талантливых слуг. Конечно, предпочтительнее было бы предотвратить убийство, но даже это не самое главное.

Талли барабанил пальцами по столу, стараясь не потревожить шахматную доску.

— А. Понятно. Значит, я должен вмешаться в эту маленькую игру, защитить того из архиепископов, который кажется наиболее вероятным для устранения, и вручить вам голову убийцы на серебряном блюде? Раны Христовы, кардинал, это шутка! Защищать три потенциальные цели, все из которых высокомерны, как Аид, и, без сомнения, полны решимости доказать, что я им не нужен? И это не то, чтобы я был каким-то телохранителем. Найди кого-нибудь, чьим делом является забота о других.

Кардинал на мгновение закрыл глаза и глубоко вздохнул. Из теней в углах огромной камеры доносились шорохи, а сами камни пола вдруг стали холодными от страха. На секунду Талли испугался, что зашел слишком далеко, но если так, то было уже поздно отзываться сказанные им слова. Было также поздно спасти свою жизнь: собор был смертельной ловушкой для всех, кто не пользовался благосклонностью кардинала.

— То, что я хочу от тебя, очень просто. Я хочу, чтобы ты сказал мне, кто замышляет эту глупость; Вальехо пробыл там слишком долго и может быть скомпрометирован. Скажи мне, кто считает, что он выше моих приказов и необходимости продолжать войну с Камарильей, выше требований секты и Бога. Я считаю такое высокомерие -нетерпимым, и я узнаю его автора, если это будет стоить жизни сотне архиепископов. Если дело дойдет до этого, я пошлю армии, чтобы разоблачить этого предателя. А ты, — сказал он, наклоняясь ближе, — ты будешь моим орудием, моей гончей по следу тех, кто меня предал. Отправляйся в Америку, Талли. Наблюдай за архиепископами и за тем, как они следят друг за другом. Посмотри, кто сделает первый шаг. Посмотри, кто упадет. Глаза Монкада были открыты, черные, как тени, которыми он командовал, и Талли не мог отвести взгляд. — Используй уловки — мне все равно, скажешь ли ты им, что ты здесь для того, чтобы присматривать за младшим жрецом стаи или за операцией в целом. Я уже послал архиепископу Полонию весть о твоём скором прибытии. Они будут удивляться, почему я сообщил Полонию, а не Викосу, который во всем этом воспринимается как мой кошачий паж. Посмотрим, что они из этого сделают; несомненно, некоторые предприимчивые души увидят в этом, что я отказываюсь от своей благосклонности к Викосу; вместо этого, это клин, вбитый в землю между ними, чтобы посмотреть, как они реагируют на мелочи.

— И я не жду, что ты “поймаешь” убийцу, Талли. Если вы попытаетесь, один из вас или оба окажутся сильно разбитыми, и я бы предпочел, чтобы вы не рисковали, пока я не позабочусь о состоянии вашей души и души моего ребенка. Если случится худшее, просто сделайте заявление моей дорогой Люсите, что она не может просто так решить опрокинуть фигуры на моей маленькой шахматной доске.

Талли моргнула. Дважды.

— Люсита?

Монкада кивнул.

— Люсита. Теперь ты понимаешь, почему я не хочу, чтобы ты “получил” ее. Я, — горестно вздохнул он, — слишком люблю вас обоих. Кардинал обратил свое внимание на шахматную доску, нахмурившись. — Все, что вам нужно, ждет вас с Идальго, в голубой комнате. Вы помните дорогу?

Талли мрачно кивнул.

— Хорошо. Вы свободны.

Темплар молча встал, молча повернулся и молча пошел к двери.

— Талли? — Голос кардинала был спокойным и размеренным. — Талли, если вы увидите дона Ибрагима на пути к выходу, вы можете повторить свой совет относительно его игровой позиции. Хотя я не думаю, что он примет его. Я вообще так не думаю.

Суббота, 17 июля 1999 года, 11:15 PM
Hyatt Regency Capitol Hill
Вашингтон, округ Колумбия.

Мобильные телефоны были тем технологическим чудом, к которому старейшины Шабаша относились с недоверием. Разумеется, старейшины Камарильи не доверяли этим проклятым штукам точно так же, но упоминание об этом четырехсотлетнему Цимисхию с переменным количеством рук было верным способом превратить себя в вампирический эквивалент ириски с соленой водой. Соответственно, молодые члены секты вежливо не использовали эти штуки рядом с теми из своих начальников, кто мог обидеться, и старались не насмехаться над старыми пердунами, считая их ископаемыми, до тех пор, пока те не окажутся в безопасном месте.

Вот почему его так потрясло, когда из складок куртки Викоса раздался звонкий щелчок. Военный совет проходил в своей обычной манере (то есть два мелких “сановника” уже были убиты, а третий посажен на кол и помещен на склад, поскольку между Полонией и Викосом все еще шли споры о конечной полезности этого человека), с большим количеством ударов в грудь и малым количеством реальной стратегии, когда зазвонил мобильный телефон.

Мгновенно в комнате воцарилась смертельная тишина. Викас посмотрела налево, посмотрела направо и сунула бледную руку в пиджак своего консервативного синего костюма, чтобы извлечь тревожно пикающий мобильный телефон.

Все взгляды в этом месте были устремлены на нее. Она признала это воздушной волной, открыла телефон и поднесла его к уху.

— Да? Ее звонкий голос разнесся по комнате, и каждый присутствующий вампир вдруг сделал все возможное, чтобы посмотреть в другое место, притвориться незаинтересованным и подслушать все, что ему было нужно. — Вы говорите, он прибыл? Очаровательно, но не совсем неожиданно. Наступила пауза, в ответ на которую Викос дважды кивнул. — Отлично. Я ожидаю регулярных обновлений о его местонахождении, контактах и тому подобном. Последовала еще одна пауза, и раздался взволнованный писк, из которого сидящие ближе всех к Викосу (“ближе” в данном случае было относительным термином) смогли разобрать несколько дразнящих слов. Викос слушала, хмурилась и барабанила тонким остроносым пальцем по столешнице. Наконец, она прервала его. — Нет. Это не твоя миссия. Я ясно выражаюсь? Прекрасно. Я жду от вас ответа завтра.

С этими словами Викос аккуратно сложила телефон и убрала его. Оглядев комнату, она заметила, как пристально за ней наблюдают другие присутствующие, и позволила себе небольшую улыбку.

— Я ужасно сожалею, что прервала вас, архиепископ.

Она склонила голову, как бы в знак раскаяния, в неопределенном направлении Полонии. Архиепископ сделал небольшой жест, как бы прощаясь с прерванным разговором, и почти поддался искушению закатить глаза. Вокруг него остальные ерзали, двигались на своих местах или громко ворчали. Однако никто не осмелился встретиться с Викосом взглядом и не набрался смелости высказать претензии. Старейшина Цимисхи чуть не захихикал, но сдержался. То, как все они были на взводе из-за телефонного звонка, было бесценно. Они все так стремились спасти любой клочок информации, чтобы получить хоть малейшее преимущество перед своими соперниками, что готовы были на все, лишь бы узнать, что она слышала.

Действительно, она подозревала, что большинство с радостью убили бы за то, чтобы узнать, что говорил собеседник на другом конце линии. В конце концов, зная этот маленький кусочек, можно было наверняка разгадать загадку Викоса, узнать секреты веков, правду обо всех заговорах Викоса и, возможно, цвет любимой рясы кардинала Монкада. Поразительно, какое значение молодые и амбициозные люди придавали каждой мелочи, которую им предлагали. Забавно было и то, что ими можно было так легко манипулировать, доводя до настоящего исступления. Здесь были две дюжины лучших военачальников, которых мог предложить американский Шабаша, закоренелые убийцы и тактики, которые проложили себе путь по восточному побережью с восхитительной, как у акулы, эффективностью. И все же они были здесь, встревоженные, как школьники, пытающиеся прочесть записку через плечо одноклассника.

Это, размышляла про себя Викос, тот самый момент, который ставит все на свои места. И самое приятное, что я собираюсь разбить яблочный ящик и сказать им то, что они все равно хотят знать. Они будут так разочарованы.

— О, я должна объяснить, что это было, не так ли? Она одарила хмурого Борхеса победной улыбкой и была вознаграждена плохо замаскированным фырканьем отвращения. Вокруг стола другие наклонялись вперед в своем нетерпении или сидели, изображая незаинтересованность с глубоким отсутствием актерских способностей. Только Полонию, казалось, удавалось сохранять стоическое спокойствие; вполне возможно, что ему было все равно.

С другой стороны, вполне возможно, что он уже знал, что собиралась открыть Викос.

— Кажется, у меня есть кое-какие новости, информация о перемещениях. Ян Пьетерсун находится в Балтиморе.

Реакция на ее заявление дала Викосу прекрасную возможность оценить уровень обстановки в комнате. Боргес и несколько других проявили различную степень тревоги, интереса и озабоченности, хотя по капюшону Боргеса, скрытому смещающимися тенями, как никогда трудно было понять, что это за человек. Почти никто из присутствующих Цимисхи не показал даже проблеска узнавания. А подавляющее большинство присутствующих, которым было меньше ста лет, выглядели в разной степени растерянными, скучающими или просто раздраженными.

— Что, блядь, такое “Зевон Пеккенум”? Голос доносился с дальнего конца конференц-стола, секции, которую Викас однажды слышал, как Полония называла — детским столом, и принадлежал он грузному, вечно недовольному на вид вампиру по имени МакЭллен.

К тому времени, как Викас взглянул в ту сторону, мужчина уже наполовину поднялся со стула и положил костяшки пальцев на стол, придавая ему особенно симулянтский вид, который ничуть не рассеивали его полная черная борода и запавшие глаза. Он был вожаком какой-то бродячей стаи, которая выполняла тяжелую работу по зачистке сопротивления Камарильи в захваченных городах, и считал, что это дает ему право высказывать свое мнение по поводу общей стратегии. Хотя этот человек был громким, несносным и нарочито грубым, на него как на лидера смотрели и несколько других странствующих — командиров — по всему среднеатлантическому региону. Он также был конкурентом Болона, командира боевых гулей Цимисхи, который сейчас защищал последние очаги сопротивления в новых южных городах Шабаша, в борьбе за преемственность покойного Аверроса на посту главы Коалиции кочевников. Поэтому его стоило сохранить жизнь как способ контроля над своими предполагаемыми последователями и как рычаг давления на конкурентов.

Иначе это было бы соревнование на то, кто первым за столом сможет выпотрошить его, как рыбу.

Однако у этого человека были камни. Даже когда Викас перевел на него ожидающий взгляд, он почти не дрогнул.

— Я серьезно. Мы сидим здесь, засунув большие пальцы в задницы, весь вечер, Шеймус превратил свою голову в чертову настольную принадлежность, когда перебил кого-то другого, и что происходит? Мисс Маннерс звонит по телефону, останавливает все это дело и объявляет, что какой-то фриц-крысолов, о котором никто никогда не слышал, находится в Балтиморе. Большое, блядь, дело. Мы все заедем к нему на крабовые пирожки, а потом пойдем смотреть аквариум. Замечательно, блядь. — МакЭллен агрессивно выпятил вперед челюсть и оскалился. Его лицо покраснелось, а на лбу блеснул слабый блеск кровавого пота.

И снова Викасу пришлось сдержать желание рассмеяться. МакЭллен не представлял угрозы ни для нее, ни для всех присутствующих на собрании, но если она не отнесется к нему со всей серьезностью, он может наделать глупостей, и совет превратится в бунт. Это означало бы потерю ночей, пока будут разбираться с потерями, -искать замену и так далее. Это было бы ужасно неудобно, и, вероятно, не стоило бы удовольствия разжижать шею этого идиота.

К счастью, Полония выбрал этот момент, чтобы вмешаться.

— Мистер МакЭллен, — тихо сказал он, хотя эффект, произведенный на зал, был подобен удару хлыста. Сторонники МакЭллена, которые хлопали его по спине и доводили себя до различных антиобщественных поступков, замолчали. Несколько человек тайком отодвинули свои стулья от того места, где сидел он.

Сам Макэллен издал небольшой звук в горле, когда кровь заметно отхлынула от лица крупного мужчины. Он хотел набрать очки у больших шишек, а не вступать в конфронтацию. Теперь он получил больше, чем рассчитывал, а отрубленная голова, принадлежавшая убитому горем Шеймусу и теперь служившая центральным экспонатом, служила неммым напоминанием о том, что могло произойти.

Викос, довольная тем, что ей не пришлось марать руки, разбираясь с младшей Ласомброй, сидела и наблюдала.

Полония уже был на ногах и медленно обходил длинный стол против часовой стрелки по направлению к месту, где стоял МакЭллен.

— Позвольте мне проверить, правильно ли я понял вашу позицию. Вы считаете, что, приняв телефонный звонок, который сообщил нам о том, что в сферу нашего влияния вошел мощный и чрезвычайно компетентный враг, уважаемый архиепископ Викос прервал это совещание, в которое вы внесли свой вклад, повторяя крики “Убейте этих ублюдков”? Я правильно понял?

МакЭллен поднял голову: к тому времени, как Полония закончил свою речь, он уже стоял рядом с ним. Старший Ласомбра был ниже своего противника, но Викос мог сказать, что состязание воли было глубоко неравным. У МакЭллена не было ни единого шанса. У Полония был пятисотлетний опыт командования людьми и вампирами, в то время как его противник мог задирать всякий сброд. В этот вечер архиепископ отказался от формальной одежды своего кабинета, выбрав простой черный костюм и рубашку с белым воротничком, но носил он их с военной четкостью. МакЭллен, напротив, был одет в небрежный черную кожаную куртку с явно пожеванной молнией, относительно чистые джинсы и

футболка Skynyrd, которая явно видела лучшие ночи десятилетия.

Кроме того, у Полония было преимущество: он точно знал, что делает, а МакЭллен просто пытался поднять шум. Викос на секунду задумалась и решила, что описание ситуации как кошка с мышкой было бы уместным только в том случае, если бы кошка была ягуаром, а мышка — очень маленькой. Внезапный шум вернул ее к картине: очевидно, МакЭллен заговорил.

— Я... Не говорю, что она не важна, но, черт возьми, мобильный телефон посреди военного совета? Эти штуки прослушиваются легче, чем бочка. И...

Полония прервал его.

— Я совершенно уверена, что архиепископ Викос принял адекватные меры предосторожности для обеспечения безопасности как ее сообщений, так и этого совета, МакЭллен. Хотя я ценю вашу заботу о благополучии всех присутствующих здесь, — по залу прокатилась волна насмешливого смеха, — возможно, вам стоило бы выбрать другой способ выразить свою заботу. Он улыбнулся, дружелюбной, открытой улыбкой, которую учитель мог бы подарить ученику, не являющемуся необратимо глупым.

МакЭллен потеплел.

— Ну, да, я вижу это, но знаете, я просто пыталась, я имею в виду...

— Потому что, — продолжал Полония, опуская левую руку на сжатый правый кулак Макеллена, — если вы еще раз прервете разговор или еще раз предположите, что избранный представитель нашего любимого кардинала настолько глуп, я

буду вынужден продемонстрировать свое недовольство. Ничуть не изменив выражения лица, Полония начал сжимать. Глаза МакЭллена вылезли из черепа от внезапного давления, и он начал бороться, чтобы разорвать хватку архиепископа.

Голос Полония оставался ровным, его тон — размеренным.

— Я уверен, что если бы я сломал тебе все кости в руке в качестве наглядного урока вежливости по отношению к старшим и высшим, ты бы со временем смог залечить повреждения, если бы я не раздробил ни одной кости. Я делал это в прошлом, к моему ужасу, вы видите. Это вопрос контроля, а когда я... раздражен, мой контроль иногда ослабевает. При этом его лицо приняло насмешливо-унылое выражение, что вызвало титры по всей комнате.

Лицо МакЭллена снова стало красным, затем фиолетовым, затем синим. На его лбу вздулась вена, когда он пытался направить свою кровь в силу, необходимую ему, чтобы разорвать хватку Полония. Это ничего не дало: ни рука архиепископа, ни его тон не дрогнули.

— Действительно, когда твоя рука заживет, я думаю, ты станешь еще более ценной частью этого военного совета, МакЭллен. — Из-под руки Полонии слышались звуки, похожие на попискивание, и МакЭллен хныкнул. — Однако в данный момент ты — грубый, шумный, неотесанный ребенок, который заслуживает места за этим столом не больше, чем прогулка на пони. — Хлопки превратились в щелчки, а хныканье МакЭллена перешло в низкий вой. На его губах выступила кровавая пена. — Знай это точно, МакЭллен. Причина, по которой я раздавливаю именно твою руку, а не голову, в том, что твоя глупость еще не перевесила твою полезность. Как только это изменится, я с радостью превращу твой череп в чашу для питья и позволю Викос выколоть твои глаза для украшения; мне говорили, что она неплохо украшает

себя. Если кто-нибудь из твоих последователей попытается вмешаться, — и я лично разберусь с ними, а все, что останется, отправлю в Мадрид в маленькой коробочке с белой лентой в подарок Его Высокопреосвященству кардиналу. Я ясно выразился?

Никто из последователей МакЭллена не встретился взглядом с Полонием. Архиепископ кивнул, и слабый намек на хмурость пересек его лицо. Треск, похожий на выстрел, расколол комнату, и Макеллен рухнул, издавая тарабарщину. Его рука представляла собой кровавое, бесформенное месиво, а осколки кости торчали во все стороны. Полония улыбнулась и присела на корточки, чтобы погладить МакЭллена по голове.

— Итак, мы закончили интерупцию? Замечательно. — Архиепископ выпрямился и поймал взгляд Викоса. — Итак, наш почтенный друг, я полагаю, вы собирались объяснить всем нам, почему именно герр Пьетерсун нас беспокоит, да? Он грациозно занял покинутое место МакЭллена и подпер ногами упавшего вожака стаи. — Пожалуйста, слово за вами.

Напряжение ушло из комнаты, как вода. Внезапно снова послышалась фоновая болтовня и звук тел, поправляющих себя и стулья, на которых они сидели. Викос зааплодировала бы, если бы она была из тех, кто аплодирует. Она встала и обратилась непосредственно к Полонию.

— Ян Пьетерсун — вентру солидного возраста и с весьма впечатляющей родословной. Он, если мои источники говорят мне правду, один из выводка Хардестада, причем один из самых старых и опасных представителей этой линии. Он не немец, как предположил Дуктус МакЭллен, а голландец. И он, как я подозреваю, не трахает крыс. Пьетерсун коварен, эффективен и более чем достаточно искусен, чтобы превратить большую часть населения этой комнаты в ряд изящных кучек пепла. Его присутствие может означать только то, что

Внутренний Круг собирается принять. Мы уже некоторое время с тревогой ожидаем развития событий. Нет нужды говорить о том, что его донесения государю и его достойным коллегам будут иметь большое значение для того, какого рода реакции мы можем ожидать. Поэтому нам следует устранить его как можно скорее, пока он не сделал слишком пагубный доклад или не воспользовался возможностью вмешаться в наши планы более прямо.

Через стол Борхес нахмурился.

— Он в Балтиморе, а это значит, что он в клетке, как крыса. Север — это Филадельфия, юг — это то, где мы стоим, а запад ведет его в никуда. Я говорю, пусть сидит в Балтиморе и делает все отчеты, какие захочет. Челюсти ловушки вот-вот сомкнутся, и я, со своей стороны, хотел бы забрать этого голландца к себе домой. Дон Медина Сидония, без сомнения, будет очень признателен за такой подарок. Он уже очень давно ждет голову Пьетерсуна на блюде. По комнате прокатился гул одобрения.

Викос развела руки в примирительном жесте.

— Если бы был другой способ, я бы с радостью позволила вам захватить его, но у нас просто нет такой роскоши. Если мы позволим Пьетерсуну укрепиться, освоиться, то он станет самым грозным противником, и его будет труднее подчинить, чем ты думаешь. Подумайте о том, как оставшиеся вампиры Камарильи сплотятся вокруг него. Подумайте о личных ресурсах, которые он может задействовать. Подумайте об этом, и вы поймете, что мы должны уничтожить его, пока он еще неуверен, пока он еще выведен из равновесия, пока...

Один из приверженцев МакЭллена воскликнул:

— У меня реактивное дыхание!

Полония взглядом заставил его замолчать, но ритм речи Викоса был нарушен. В комнате переросло в кричащий хаос. Между членом одной из бродячих стай и членом свиты Борхеса вспыхнула драка; архиепископ Майами обратился, чтобы разобраться с этим по-своему, по-зверски. Всякая надежда на поддержание порядка исчезла.

Викос поймал взгляд Полонии и вопросительно поднял бровь. Ласомбра покачала головой и, смирившись, встала.

— Думаю, небольшой перерыв не помешает. Те из вас, кто чувствует необходимость убить друг друга в этот момент, в подвале есть бетонный пол, так что персонал сможет легко собрать ваши останки. Что касается остальных, мы соберемся через два часа.

Вампиры и редкие гули устремились к двойным дверям, ведущим в коридор, их выход сопровождался громким щелкающим звуком, когда Борхес занялся своими делами. Через несколько секунд в комнате не осталось никого, кроме двух из трех архиепископов и все еще хрипящего МакЭллена. Полония вздохнула.

— Было ли это последнее увечье действительно необходимым?

Борхес пожал плечами и демонстративно вытер пыль с рук.

— Не особенно, но это было приятно.

— В любом случае, ваш приятель МакЭллен был прав.

— Хм? — Полония пнул ногой неподвижно лежащего вожака стаи, чтобы убедиться, что он никуда не делся.

— Принимать звонок во время встречи было немного демонстративно. Кочевники по отдельности невелики, но когда все они направлены в одну сторону, они становятся грозными, а постоянное противодействие им, когда в этом нет реальной необходимости, означает, что все они в конечном итоге могут быть направлены на питомца кардинала. Разумеется, я подозреваю, что она могла бы разобраться с ними без особых усилий, но это же гораздо полезнее, когда они выполняют приказы, не так ли!

Полония сделала вид, что задумалась, встала и потянулась. — Возможно. С другой стороны, им нужна дисциплина, если они собираются стать настоящей боевой силой, а не сбродом. Одолеть какого-нибудь изоляциониста-тореадора, который уединился в Эшвилле, чтобы заняться плетением корзин — это одно. Иметь дело с городом с реальной обороной, с городом, у которого было время на подготовку — МакЭллен и его друзья будут основаны и разбиты, и я не могу позволить себе бросить их всех на произвол судьбы.

— Ты не можешь, — повторил Борхес, наполовину про себя. — Конечно. Я склонюсь перед вашим превосходным знанием защитных систем Камарильи, ведь вы провели столько лет, анализируя их в Нью-Йорке, да? Я уверен, что вы уже очень хорошо в них разбираетесь.

Если Борхес надеялся, что Полония поднимется, то он был разочарован. Другой ласомбра сцепил пальцы и кивнул. — Действительно. Я знаю их довольно хорошо, поэтому уважаю то, на что они способны, независимо от того, чего мы достигли до сих пор. Если бы ты когда-нибудь потрудился встретиться с ними в поле, вместо того, чтобы спускаться Майами по одному блоку змеям Сетита, ты бы тоже испытывал к ним уважение.

Борхес покраснел при этом, и на мгновение Полонии показалось, что младший архиепископ перепрыгнет через стол

и набросится на него. Затем ярость прошла, и Борхес сумел слабо улыбнуться.

— Тронут архиепископ. Я с нетерпением жду возможности приобщиться к вашей мудрости. — Он отвесил безупречный поклон, повернулся и вышел из комнаты. Единственным свидетельством противостояния была помятая и искореженная спинка стула, за которым стоял Борхес.

Во время дебатов Макэллен перестал шуметь. Единственным звуком в комнате был гул кондиционера, который показался Полонию неожиданно раздражающим. Он поджал губы. Борхес был дураком и хвастуном, но он был прав. Маневр Викоса был рассчитан на то, чтобы разозлить кочевников и других, менее организованных типов, и в который раз за всю свою жизнь Полония не знал, почему.

— Мой кардинал, — прошептал он, почти как молитву, — я искренне надеюсь, что вы точно знаете, что делаете, посылая мне этого изверга. Дайте мне руководство, дайте мне силы и, если это безумие продолжится, дайте мне возможность объясниться после того, как я оторву голову каждому идиоту, с которым меня заставляют здесь работать.

Набожность была удовлетворена, Полоний прошел через двойные двери палаты. За ним потянулась тень, чтобы закрыть их с аккуратным щелчком. А под столом, все еще сжимая в руке свою развалину, МакЭллен ничего не заметил.

Суббота, 17 Июль 1999, 12:09 AM
Iglesia de San Nicolás de los Servitas
Мадрид, Испания

Дон Ибрагим никогда не чувствовал себя вполне комфортно, входя во внутреннее святилище Монкада. Отчасти это было связано со взрывом портретов святых, которые украшали стены почти каждого коридора; иконография глубоко тревожила консервативную душу Ибрагима. Кроме того, каждый участок стены, не покрытый нарисованными изображениями, был украшен зеркалами, мимо которых Ибрагиму было неприятно проходить. Монкада объяснил последнее, отметив, что они позволяют ему видеть большинство посетителей в идеальном ракурсе, не позволяя при этом тем видеть его; но даже в этом случае их количество угнетало.

Кроме того, оба каинита неоднократно пытались убить друг друга еще в начале двенадцатого века, когда Монкада еще был священником, чьи слова приводили в движение тысячи верующих, а Ибрагим был клинком в руках принцев таифма. Конечно, с тех пор оба они не раз клялись, что прошлое осталось в прошлом, что было сделано, то было сделано и так далее. Однако истина заключалась в том, что политика Шабаша сделала их союзниками, и если кто-то из них все еще жаждал мести, то у него просто не было достаточно других союзников, чтобы позволить себе потакать им.

Века, с горькой улыбкой заметил Ибрагим, создают непростые постельные связи. Затем он вошел в святилище кардинала.

Монкада был на ногах, всегда любезный хозяин.

— Дон Ибрагим, как хорошо, что вы пришли. Ибрагим отметил, что каменный пол был устан коврами богатого

плетения, а сам кардинал был босиком; и то, и другое было выражением уважения. — Я бы предложил кофе, но мы оба знаем, что лучше.

Ибрагим отвесил безупречный поклон.

— Рад снова видеть вас, кардинал.

— И вы, мой друг. Должен признаться, я уже некоторое время жду вашего возвращения.

Ибрагим целеустремленно подошел к столу, на котором стоял шахматный набор, и уселся на табурет за черными фигурами.

— О? Только не говори мне, что ты так изголодался по разговорам.

Кардинал вежливо рассмеялся и уселся в кресло напротив. — Вовсе нет. Просто у меня есть новая стратегема, которая, как мне показалось, может оказаться эффективной против вашей защиты. Мне не терпелось опробовать ее.

— Действительно? — ответил мавр, его взгляд скользнул по доске. — Вы настолько уверены в победе, что можете позволить себе экспериментировать?

Монкада почти смущенно пожал плечами. По правде говоря, мой последний гость выразил некоторые сомнения в устойчивости вашей позиции.

Ибрагим поджал губы, его завивающаяся борода почти касалась кончиков пальцев короля и королевы.

— О, несомненно. Но уверены ли вы, что ваш гость не сказал это, чтобы успокоить вас?

— Я сомневаюсь в этом, — спокойно ответил Монкада. — Это был Талли.

— Талли!

Кардинал кивнул.

— Талли. Вообще-то, он должен был кое-что упомянуть вам по дороге. Хм. Ваш ход, я полагаю?

— Талли... — Мавр обдумал свою позицию и, поразмыслив, продвинул пешку на одно место. — Почему, если позволите спросить, Гончая осчастливила вас своим присутствием?

— Потому что я попросил его об этом, конечно. Талли лучше знает, что не стоит приходить ко мне без приглашения. Думаю, его первый визит напугал его слишком сильно, чтобы он мог чувствовать себя комфортно рядом со мной. Грузный мужчина задумчиво обсосал кончик пальца, затем подался вперед. — У меня есть для него работа.

— Конечно, да. — Еще одна пешка двинулась вперед, блокируя чистую линию слона на пешке, защищающей ладью. — Какую услугу может оказать вам уважаемый англичанин Талли, которую не смог бы оказать один из ваших других, менее известных слуг?

— Ты уверен, что хочешь сделать этот ход? Я позволю тебе отказаться от него, если хочешь. Ибрагим просто уставился, и через мгновение кардинал передвинул ладью на более или менее чистый файл. — Кхм. Я хочу, чтобы Талли был в Америке. Кое-что там меня не устраивает.

— О? Я взял в руки белую ладью, посмотрел на нее. — Было бы глупо с моей стороны не заметить раньше, как ловко эта фигура подражает вашему дорогому темплару?

— О, совсем нет, совсем нет. Большинство моих партнеров вообще ничего не замечают, как и другие лица.

Ибрагим хрюкнул в знак благодарности и продолжил рассматривать сервис новыми глазами.

— Этот ублюдок Медина Сидония, Шарден, Мюнц... а это Скандербег? Хм... И почему Люсита теперь моя королева? Когда мы начали играть, ее лицо было на твоей половине доски. Почему такая перемена?

Кардинал издал небольшой, почти смущенный звук.

— Когда Викос сделал набор, я попросил его сделать две королевы. Должен признать... момент слабости с моей стороны. На чьей стороне она играет, зависит от моего настроения и от того, какие у меня есть последние сведения о ее подвигах. Иногда, — и он разразился хохотом, — она выступает на обеих сторонах.

Дон Ибрагим поднял свою королеву и внимательно осмотрел ее. Люсита между его пальцами была высокой и стройной, с высокими скулами и высокомерным выражением лица. Ее платье было длинным и струящимся, что, по мнению Ибрагима, вряд ли она когда-либо носила в жизни, а руки были скромно сложены на талии. — Сходство поразительное, — сказал он. — Почему она теперь присоединилась к числу твоих врагов?

— По той же причине, по правде говоря, мне нужен был Талли.

— Только не говори мне, что ты натравливаешь Гончую на своего ребенка. Конечно, она не могла сделать ничего такого ужасного. — Ибрагим заменил ферзя на два ряда вперед. — И твой слон под угрозой.

— Да, так и есть, — ответил кардинал, переместив его на одно место назад. — И Люсита, очевидно, втянула себя в нечто, что может помешать ходу кампании, которую ведут Викос и Вальехо. Мне сообщили, что кто-то считает убийство подходящим способом расправиться с неугодным архиепископом, а я категорически не одобряю такие вещи. На данный момент Люсита является орудием тех, кто работает против моих интересов. Я отправил Талли защищать ее потенциальные цели. О, я не жду от него успеха — ни он, ни Люсита не имеют явного преимущества в этом вопросе, — но сам факт его присутствия должен послужить достаточной причиной для того, чтобы тот, кто стоит за наймом Люситы, возможно, подумал дважды. Я тоже могу отправлять убийц, когда это необходимо. На мгновение воцарилось молчание, затем

Кардинал добавил:

— И я получу твоего ферзя через три хода, мой друг.

Ибрагим уставился на доску.

— Я так не думаю, — мягко сказал он. — Ты возьмешь ее за три хода ладьей, но ты не хочешь, чтобы она была у Талли.

Монкада сидел, недоумевая.

— Возможно, нет.

Ибрагим перевел своего ферзя обратно в безопасное место, за экран пешек.

— У вас есть идеи, кто может стоять за этим осложнением?

— Ни одного. Я подозреваю, конечно, всех. Рыцарь сделал осторожный шаг вперед. В этой игре заинтересовано

множество игроков, дон Ибрагим, и некоторые из них вполне могут скрывать свою истинную преданность. Лучшее, что я могу сделать, это двигаться, защищая свои интересы и интересы Шабаша. А дальше — как Бог пожелает.

— Бисмлах. Тем не менее, Аллах помогает тем, кто помогает себе сам. Ты много вложил в это дело. Не слишком ли ты себя обделяешь?

— С Божьей милостью все будет хорошо.

— Вы, конечно, знаете больше, чем говорите.

— Конечно. Приходите. Я приготовил для нас трапезу. Вы разделите со мной трапезу, ведь мы теперь друзья?

— Конечно. В зал мы вернемся к игре после того, как закончим?

— Безусловно. Игра будет всегда.

Ибрагим поднялся.

— Увы, друг мой, боюсь, ты совершенно прав.

Воскресенье, 18 июля 1999 г., 12:29 AM
Хаятт Ридженси Капитол Хилл
Вашингтон, округ Колумбия.

Комната была небольшой, с деревянными панелями и толстым ковром на полу. Мебель была из красного дерева и удивительно хорошего качества для гостиницы. Когда судьба заставляла ее посетить Северную Америку, Викос предпочитала останавливаться в подобных местах, по крайней мере, когда не было более солидного жилья. На каком-то смутном уровне ей все еще было не по себе от абсолютной новизны всего этого места, но, по крайней мере, окружение компетентных мастеров позволяло ей не думать о быстротечности большинства построек на континенте.

Встреча, конечно же, потерпела фиаско. Она и не ожидала иного. После нескольких первых легких побед Коалиция кочевников (она едва могла думать об этом названии без смеха) стала почти полностью неуправляемой. К сожалению, их по-прежнему приглашали на каждое заседание совета. Если не считать этого, они не выходили на улицы по несколько часов в сутки, и она согласилась с мнением Вальехо, что если они будут бегать без присмотра в одном городе неделю подряд, то, вероятно, нанесут больше вреда операции по глупости, чем Камарилья сможет нанести упорным сопротивлением. Комендантский час, установленный в городе, был достаточным доказательством того, что отсутствие осмотрительности имеет свои последствия; не было необходимости подливать еще больше керосина в этот огонь.

Тем не менее, общение с кочевниками и другими представителями их племени было для нее утомительным.

В дверь осторожно постучали. Это было странно. Она дала гулю, стоявшему на страже во внешней комнате апартаментов,

строгие указания не беспокоить ее. С другой стороны, убийцы — за исключением ее дорогого Парменида, но он в любом случае был в отъезде, помогая осаждать Тремерскую капеллу — редко были достаточно вежливы, чтобы постучать.

— Да?

Полония заговорил снаружи.

— Тысяча извинений за вторжение, но я хотел спросить, не могли бы мы сговориться на минутку, прежде чем собрание возобновится? — Этот человек был вежливым и безвредным, как нож в почке. Конечно, лучше было узнать его мысли до начала собрания, чем в противном случае.

— Конечно. Я надеялась, что вы зайдете. Заходите.

— Вы слишком милостивы, — ответил архиепископ, и дверь распахнулась сама собой. Полония вошел внутрь, заметил, что Викос расположился в большом кресле за письменным столом, и принял решение остаться стоять. Позади него еще больше усиков тени задвинули дверь, а у его ног бесшумно зашевелился клубок непроглядной тьмы, подозрительно похожий на кошку.

— У меня сложилось впечатление, что в отеле действует правило — без домашних животных, архиепископ.

— Это просто маленькая игрушка тени, которую я иногда беру с собой. Я нахожу ее успокаивающей. Кроме того, она очень эффективно ловит мышей.

— Мыши?

— Я оговорился: паразиты. Мыши, всевозможные виды. Кроме того, если мы будем придерживаться политики — Никаких домашних животных, где тогда останутся ваши гули?

Викос позволила себе призрачную улыбку на губах.

— В могиле. Но я не могу не приютить бездомных.

Полония хихикнул.

— Для целей, которые ты не сразу разделяешь, без сомнения. Но пусть это пройдет, пусть пройдет. Как дела с осадой? Тремеры уже сочли нужным поднять белый флаг?

— Никаких изменений. Это просто вопрос времени. — Викос сделала отбрасывающий жест и вяло потянулась. Это не произвело никакого впечатления на Полония, который наклонился, чтобы почесать свою тeneвую кошку за ушами.

— Полагаю, в этом есть какой-то смысл. Пожалуйста, держите меня в курсе, когда будет прогресс.

— Конечно.

Полония снова выпрямился.

— Я ценю вашу вежливость. Что касается других вопросов, то мне любопытно, почему ты так старался раздражать МакЭллена. Я действительно не в настроении играть в воспитателя с непослушным ребенком, Викос, и мне бы не хотелось думать, что ты намеренно ставишь меня в такую ситуацию.

— Цок-цок, мой дорогой архиепископ. Вы ранили меня. Звонок был важным, вы знаете.

— Я вполне осознаю его важность, и то, кто такой Пьетерсун, и то, насколько велико число моих знакомых в советах моего клана...

— Les Amies Noir? — Викос небрежно бросила это имя, зная, что никто, не наделенный кровью Ласомбры, не должен знать о существовании Les Amies.

Если она надеялась, что Полония поднимет на нее руку, то уловка не удалась. Мужчина полностью проигнорировал ее междометие.

— Любой номер с удовольствием разобрал бы этого человека по косточкам. Мне также известно, что вы получили письмо из неизвестного источника еще до начала военного совета и знали о прибытии Пьетерсуна в Балтимор. — Его голос был мягким, почти ругательство. — Вы намеренно пытаетесь усложнить мне задачу?

— Вовсе нет. МакЭллену просто нужно было еще немного поднапрячься, чтобы дойти до точки, где вы почувствовали бы себя обязанным подтвердить его место в... как бы это сказать... пековом порядке.

— Я бы предпочел не убивать их всех, Викос. Я знаю, что Маленький Портной прилагает все усилия, чтобы возместить наши потери в Атланте, но мы с тобой оба знаем, что все, что он придумает, будет не так эффективно, как то, что мы потеряли. Если мы потеряем еще и всех наших опытных иррегуляров, это отодвинет сроки реализации всего проекта, и я как-то не вижу, чтобы такая перспектива радовала уважаемого кардинала.

— Возможно. Хотя мы с тобой оба знаем, что тебе не придется убивать МакЭллена. Причина, по которой он жив, а Аверрос нет, в том, что МакЭллен отступит, когда его превзойдут. А вы, дон де Полония, превосходите МакЭллена так же явно, как солнце превосходит меньшую из двух лун Марса.

Полония рассмеялся, несмотря на себя. '

— Я разочарован в тебе, моя дорогая. Я слышал, что вы лучше льстите. — Он кашлянул, один раз. — На самом деле, я думаю, что просто разозлил его настолько, что он молча ненавидит меня, вместо того, чтобы больше не мешать Совету. Он будет искать возможность выместить свой гнев на одном из своих последователей, просто чтобы потешить свое самолюбие. Тем не менее, в любом случае, на собрании станет на пару раздражителей меньше.

Викос кивнула.

— Действительно. Раздражителей стало меньше. Я очень рад, что могу быть полезен в этом деле.

Полония улыбнулся, без юмора.

— Ваша помощь, как всегда, очень признателен. Если позволите? — Викос не стала возражать, и Полония пошел к двери. Кот последовал за ним несколькими неторопливыми шагами. Архиепископ положил руку на дверную ручку, затем приостановился и повернулся. — О, чуть не забыл. Я подумал, что должен предупредить вас. Камарилья не единственная, кто получает немного больше компании из Старой страны.

— О? — В этом слове было больше удивления, чем хотелось бы Викасу.

Полония кивнул.

— Да. Видимо, кто-то обеспокоился безопасностью наших лучших генералов, или что-то в этом роде. Ходят слухи о покушениях и тому подобных глупостях. В результате мы получим телохранителя. У этого человека довольно внушительные полномочия и интереснейшая родословная.

— Действительно. — Самоуверенность Викоса вернулась на место, плавно. — И когда же прибудет этот парагон?

Архиепископ демонстративно посмотрел на часы.

— Примерно через полчаса, если движение будет хорошим. У меня будет достаточно времени, чтобы представить вас ему до того, как возобновится военный совет. — И с этими словами он повернулся и вышел. Кот, высокомерный, как и его хозяин, последовал за ним.

Воскресенье, 18 июля 1999, 1:07 AM
Hyatt Regency Capitol Hill
Вашингтон, округ Колумбия.

Тон военного совета полностью изменился, когда Полония вновь собрала его. Во-первых, у Макеллена стало меньше сторонников, но те, кто его поддерживал, объединились в угрюмый гад, который они направили через весь стол туда, где сидел автор его унижений. Борхес выглядел взволнованным, но не говорил, вместо этого беспрестанно барабанил пальцами по темному дереву. За ним сидел Вальехо, который отсутствовал ранее, сидел прямо и излучал явное презрение к толпе справа от него. Викас был, как всегда, неразборчив и невозмутим, хотя Полонию показалось, что он уловил некоторое удовольствие от дискомфорта Борхеса. А справа от него сидел худой, чрезвычайно скучающий Талли. Этот человек явно перенес неудобное путешествие и ожидал оставшейся части встречи со всей радостью монахини, столкнувшейся с фильмом Тарантино. Ай да я, подумала Полония. Чем быстрее я начну, тем быстрее все закончится, и я смогу пожелать спокойной ночи этому ходячему призраку.

— Друзья мои, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Мне выпала большая честь, а именно: представить самое выдающееся дополнение к нашим усилиям. Кардинал Монкада, — и железный контроль Викаса на мгновение заметно дрогнул, — счел нужным оказать нам честь присутствием еще одного гостя, самого уважаемого Сеньора Талли, который имеет высокий ранг темплара среди слуг кардинала. Он здесь, чтобы обеспечить успех нашей работы, защищая тех из нас, кто наиболее подвержен риску подлого убийства.

Викас нахмурилась. Полония заметил это, но решил продолжить.

— У нас уже была одна такая попытка, на нашем любимом Викосе. Никто из нас не хочет снова рисковать потерями такого масштаба, и мы не хотим, чтобы кто-то еще стал второстепенной целью. Вы не согласны, архиепископ Борхес?

Архиепископ Майами резко кивнул с видом человека, которому говорят, что его сын ему не родной.

— Конечно. Мы должны принять все меры, чтобы защитить Викоса от еще одного подобного нападения.

Полония безучастно улыбнулся. Ловушка вот-вот должна была захлопнуться.

— О, я сообщил кардиналу, что Викос не нуждается в дополнительной защите, — сказал Вальехо. — Талли здесь, чтобы защитить всех нас, мой дорогой архиепископ.

Борхес, с некоторым удовлетворением отметил Полония, сейчас имел выражение лица человека, который обнаружил, что ни один из его детей ему не принадлежит, а его жена с трудом помнит его имя. Мало того, что ему сказали, что за ним будет очень пристально следить чрезвычайно могущественный вампир, похожий на подогретую смерть и не терпящий никаких глупостей, его поставили в такое положение, что его отказ принять эту слежку будет расценен как нелояльность.

А если он отказывался, и происходил несчастный случай, лишивший операцию его услуг, что ж, *que pasa, sepa*, или как там поется в этой проклятой песне.

Борхес заикался о чем-то совершенно непонятном, а в конце стола сторонники Макеллена аплодировали от удовольствия, видя, как один из высокопоставленных и могущественных лиц для разнообразия получает по подбородку.

— Достаточно. — У Талли был низкий голос, шепот, который заглушал все остальные голоса, с которыми он соприкасался. — Архиепископ Борхес, мой кардинал в знак своего уважения ко всем собравшимся командирам поручил мне служить защитой для некоторых из вас. Кардиналу стало известно, что на одного из собравшихся здесь архиепископов может быть совершено покушение, как способ сорвать наши операции, пока Камарилья выигрывает время для укрепления своей обороны. Я здесь, чтобы убедиться, что эти попытки не удались.

— То, что вы привлекли мое внимание, не означает, что именно вы были специально выбраны для чего-то другого, кроме моего присутствия на вечер. Если мой разговор вам неприятен, будьте уверены, я скоро перейду к кому-нибудь другому. В противном случае, не читайте в этом ничего больше, чем вам необходимо, и помните, что я не добился своего нынешнего титула, будучи менее эффективным в выбранных мною задачах. Он окинул взглядом комнату. — Итак, все, что я слышал, говорит о том, что операция проходит исключительно гладко, и я верю, что встречи по планированию были такими же гладкими. Милорд Полония, я с нетерпением жду возможности понаблюдать. Однако вы должны простить меня, если я покину это почетное место и вместо этого займусь своими обязанностями. Кардинал очень настаивал, чтобы я приступил к работе немедленно. Он встал и подошел к сидящему Борхесу, раскрасневшемуся и сердитому. — Пожалуйста, ваше превосходительство. Сделайте вид, что меня здесь нет.

Встреча, по мнению Полонии, проходила вполне удовлетворительно. Присутствия Талли было достаточно, чтобы нервировать Борхеса, что удерживало его от слишком много шума. Викос по-прежнему не выглядела обрадованной присутствием темплара, но Полония списал это на то, что она была недовольна тем, что новость дошла до него первой. А сам

Талли? Этот человек с таким же успехом мог быть предметом мебели или скульптурой.

Дела продвигались с удивительной быстротой, и теперь на повестке дня оставалось только два вопроса: присутствие проклятого Пьетерсуна, с которым он решил повременить до сих пор, до конца совета, и еще один вопрос, требующий большой деликатности. Первое будет крайне неприятным, поэтому он решил начать с него и покончить с этим. гули принесли угощения и убрали мусор. Неприязнь Полония к этим существам была гораздо менее выраженной, чем у большинства его сородичей; он просто искренне ненавидел их и все, что они олицетворяли. Глава злополучного Шеймуса уже давно ушел, оставив на столе лишь кровавое пятно, но Полония предпочитал относительно чистую рабочую зону для совета. В конце концов, меньше разбросанных частей тела означало меньше отвлекающих факторов для голодных.

— Мы почти закончили с ночным планированием, я очень рад сообщить. Я знаю, что многие из вас чувствуют себя беспокойно, и я буду так же счастлив, как и вы, когда мы закончим. Теперь, я полагаю, вопрос о герре Пьетерсуне следующий. Викос?

Викос встала, как всегда грациозная. Некоторые из сидящих за столом Цимисхи скандировали ее имя, но это были полусерьезные усилия; по правде говоря, все чертовски устали. В один из редких светлых моментов Вальехо заявил, что, по его мнению, военные советы в три раза тяжелее, чем настоящая битва, и что он уверен, что он надоест до смерти задолго до того, как Камарилья найдет способ его усыпить.

— Как я уже говорила ранее, я бы предложила Совету немедленно разобраться с герром Пьетерсуном. Как мы все видим, — она изящным пальцем выделила Талли из толпы, — ставки только что стали выше. Мы просто не можем позволить

себе больше ждать, чтобы разобраться с ним, чтобы он не сплотил силы Камарильи против нас.

Борхес недовольно ворчал.

— Ты уже говорила это, Викос. Не думаю, что за последние несколько часов ситуация так уж сильно изменилась, — он взглянул на бесстрастного Талли, — так что объясните, зачем нам нужен этот ублюдок. Так что объясни, почему и как нам нужно поймать этого ублюдка. Сделай хорошую работу, и я с тобой.

— Что ж, архиепископ, благодарю вас за слова поддержки. — Голос Викоса понизился до опасного каламбура: — Теперь подумайте, почему Талли был послан сюда. Он здесь потому, что Европа вступила в борьбу, и потому, что убийство стало допустимым оружием. Очевидно, что одним из наших больших преимуществ, помимо воли и жестокости, которые вы, солдаты Шабаша, проявили, является небольшой вклад, внесенный мной, командором Вальехо, Маленьким Портным и другими. Мы здесь. Мы здесь. Мы являемся неотъемлемой частью всего, что будет сделано. Позволяя Пьетерсуну выжить, мы позволяем ему урезать наше преимущество. И если он закрепится здесь, сколько времени пройдет, прежде чем он приведет союзников? До того, как наше продвижение замедлится? Нет, мы должны сохранить наше преимущество — любой генерал в любую эпоху скажет вам это. Нарсес, будь он здесь, посмеялся бы над нашей нерешительностью.

Затем она повернулась и встретила взглядом с Талли.

— Что касается другой причины... они думают, что могут прибегнуть к кинжалу, потому что меч их подвел. Если мы повернем кинжал обратно к ним, они откажутся от него. Если архитектор их кампании по убийству — и не заблуждайтесь, это вонь Пьетезона — тогда их собственные усилия рухнут. И я

уверен, что это мнение разделяют все, кто находится в этом зале и может стать мишенью для убийц Вентру.

— Итак, что мы будем делать? Устраним ли мы Пьетерсуна, пока он не стал еще большей угрозой — ведь он уже таковой является, и с каждым часом становится все больше, — или же позволим нашему врагу набрать силу, пока мы будем сидеть сложа руки и ждать ножа в темноте? Что же делать?

Рев одобрения вырвался из десятков глоток. Викос купался в нем, упивался поклонением, превозносил его. Даже Борхес выглядел убежденным. Только Полония, Вальехо и Талли казались непоколебимыми. Полония покачал головой. Решение было принято.

Потребовалось десять минут, чтобы рев утих, поскольку Викас, казалось, не спешила дать всему успокоиться. Наконец, Полония прервал его.

— Что ж, предложение, похоже, принято, Викас. Теперь, как мы будем выполнять волю народа, — он махнул рукой, чтобы окинуть взглядом зал, — народ?

Викас ядовито улыбнулась.

— К стыду своему, мой дорогой архиепископ. Это ваша ответственность. Вы командуете; я лишь принимаю это соглашение в силу того, что являюсь архиепископом города. Я не посмел бы узурпировать вашу власть. Я оставляю все дело в ваших надежных руках.

Полония долго смотрел на Викаса, пока неловкую тишину не нарушил доселе молчавший член военного совета:

— Я сделаю это. Я и мои парни — мы возьмем это.

Воскресенье, 18 Июль 1999, 2:01 AM

Подземный грот

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Что-то выглядело иначе. Калекброс пристально смотрел на распечатку из SchreckNET, которую Умберто передал ему несколько минут назад. Слова на бумаге — реальное физическое проявление мысли — были четкими и ясными. Калекбросу это не понравилось. Он вспомнил, как Умберто говорил что-то о замене маргаритки лазерным принтером — или о какой-то подобной чепухе; для Калекброса все это не имело большого значения. Он предпочитал солидный вес своей пишущей машинки. Умберто мог оставить себе свои космические примочки. Может быть, мир, размышляя Калекброс, был бы лучше, если бы люди до сих пор пользовались перьевыми ручками и чернильницами. Он пожал плечами. Может, и нет.

Форма сообщения, конечно, менее значима, чем его содержание. Сообщение от Курьера содержало несколько важных сведений. Если бы только у него был доступ к самому залу военного совета Шабаша! Калекброс вздохнул. Этому не суждено было случиться. Кроме того, экстраполяция может раскрыть многое из того, что было скрыто. Время покажет остальное.

Калекброс потратил несколько минут на интеграцию этих новых знаний с теми, которые он уже знал, а затем потянулся за своей верной Smith Corona.

18 июля, 1999

Re: Балтимор/Вашингтон, округ Колумбия,

Курьер сообщает - Талли прибыл в США на встречу с военным советом Шабаша.

Балт., Колчестер сообщает - Я. Пьетерсун рассматривает возможность использования "специалиста"; присутствие Талли может повлиять на это решение и окончательный выбор.

*Я знаю подходящего кандидата, кажется
обновить файл: Талли*

Воскресенье, 18 июля 1999 г., 2:11 AM
Sheraton Inner Harbor Hotel
Балтимор, Мэриленд

Люсита сидела, скрестив ноги, в своем гостиничном номере и раскладывала перед собой бумаги, которые ей предоставил клиент. Досье на ее цель было удручающе полным, охватывая все — от наблюдаемых проявлений сверхъестественных способностей, любимого оружия, компаньонов, предпочтений в гардеробе и связанных с ними гулей до музыкального вкуса, распространенных оборотов речи и предпочтений в питании. Также в досье была включена серия фотографий, начиная от раздражающе размытых снимков с камер наблюдения и заканчивая снимками вблизи, которые по всем правилам должны были убить фотографа.

Она покачала головой, длинные черные волосы раскачивались взад-вперед. Одетая в простую черную пижаму, она задумчиво смотрела на часы на тумбочке. До рассвета оставалось довольно много времени, так что было достаточно времени, чтобы ознакомиться с деталями цели. Сегодня вечером она запомнит весь материал и уничтожит все улики.

Конечно, комната уже была защищена от света — шторы заклеены, дверь защищена от проникновения и уборщиц и так далее. Она также закрыла длинное зеркало на стене напротив кровати, повесив на него простыню; чем старше она становилась, тем меньше ей хотелось видеть пустые зеркала там, где должно быть ее лицо. Люсита ненадолго задумалась о том, чтобы поспать в ванне — эту тактику обычно использовали молодые вампиры в дороге, — но отбросила эту мысль. В конце концов, если беда придет за ней, то это будет не ее остановит хлипкая дверь в ванную. Если уж на то пошло, то и каменные стены не помогут против такого сопротивления, с которым она обычно сталкивалась. Наступало время, когда нужно было

просто перестать беспокоиться и заняться своими ночными делами. Это был урок, который так и не усвоил старый добрый папаша, все глубже и глубже погружаясь в свою ядовитую могилу в Мадриде.

Он пытался сделать так, чтобы это была и ее могила. Он позвал ее домой и сообщил ей о ее долге верного ребенка. Рассказал ей, как он ожидает, что она останется рядом с ним на протяжении веков. Объяснил, как она будет помогать ему во славу Бога и клана.

И тогда он сказал ей, как сильно, очень сильно он любит ее, своего единственного ребенка.

Тогда она набросилась на него — тенью и сталью. Он со смехом подчинил ее, легко выхватив кинжал, который, как она думала, станет ключом к ее свободе. Затем он взял ее за руку и насмешливо похлопал по ней, словно давая понять, какая она умница.

Она едва не вырвала руку из гнезда, чтобы убежать. Он не стал ее преследовать, не послал за ней ни своих слуг, ни теневых зверей. Все, что сопровождало Люситу в ночи, — это его смех и веселое прощание.

По его словам, он с нетерпением ждал новой встречи с ней.

Она поклялась никогда не возвращаться назад, но каждое столетие или около того что-то тянуло ее обратно в Мадрид, к мрачному каменному зданию, куда стекались как верующие, так и проклятые. Одно время она боялась, что это ловушка, что в один из ее приездов “домой” ее будет ждать секта, в которую она попала. Но казалось, что Монкада все еще любит свое дитя и защищает его от гнева своей паствы.

Последний раз она возвращалась сюда семьдесят лет назад. К ее удивлению, ее отец был не один. С ним был старый знакомый и иногда враг, Цимисхи Саша Викос. Викос даже был одет в свою прежнюю кожу, ту самую, которую она помнила с их первой, довольно неприятной встречи. Тогда она начала призывать тени к себе, но вмешалась Монкада. Викос был здесь по его приглашению, сказал архиепископ, выполняя для него особое поручение. Монкаду, видите ли, нужен был шахматный набор, очень особенный шахматный набор.

И ему нужна была Люсита, чтобы выдать себя за черную королеву.

— Я покину комнату, конечно, моя дорогая малышка. Скромность не позволяет мне остаться. — Он повернулся и ушел, оставив ее наедине с Цимисхи.

— Если тебе угодно, Люсита, — это все, что сказал Викос, а затем до конца ночи не было ничего, кроме тишины и шороха ткани.

Люсита рискнула уйти на рассвете, когда работа была закончена, вместо того чтобы рисковать провести день под крышей своего отца. В свое время она убила сотни, если не тысячи. Она купалась в крови и упивалась смертью, она разрывала врагов тенью и предавала их детей пламени. Но что-то в доме ее отца — и ощущение холодных глаз, устремленных на нее, когда она позировала, — заставляло ее чувствовать себя нечистой.

Люсита вынырнула из задумчивости.

— Сосредоточься, Люсита, сосредоточься. Ты же профессионал, помнишь? — бормотала она про себя, собирая папки, чтобы продолжить учебу. Она хотела быть готовой погрузиться в работу первым делом на следующий вечер.

На тумбочке рядом с кроватью весело пискнул ее мобильный телефон.

— Проклятье! — сказала она и потянулась за ним. — Да? Что?

Она сразу же узнала голос на другом конце линии. Это был вампир, который не так давно обратился к ней по поводу ее текущего контракта. Она не была уверена, на кого работал этот человек, хотя у нее закралось подозрение, что это был один из предполагаемых союзников ее цели.

— Что это? — спросила она, вкладывая в вопрос меньше тепла, чем чувствовала.

— Мой покровитель попросил, чтобы я поддерживал с вами контакт по вопросу наших деловых отношений. Мне показалось, что звонок будет менее тревожным, чем визит. Не ошибся ли я?

Люсита сдержала свои первые три ответа: “Да”, “Никогда больше не разговаривайте со мной” и “Если бы вы постучали в мою дверь, я бы вас сразу убила”. Вместо этого она просто сказала:

— Мне не нравится вмешательство в мою работу. Расписание для цели составлено. С ним разберутся в срок и так, как мы договорились. Теперь, вы просто пытаетесь произвести на меня впечатление тем, что нашли мой номер, или у вас действительно есть что добавить?

На другом конце линии возникла пауза.

— Тысяча извинений. Я, конечно, ничего не знаю о такой работе. — Последовала еще одна пауза. — Если вам интересно,

у меня есть информация, которая может помочь вам в решении вашей задачи.

— Да?

— Мы находимся в процессе организации... ситуации в вашу пользу, чтобы у вас был четкий прицел на цель. Дата и время будут сообщены вам по мере приближения к завершению. Вампириша

Люсита подозревала, что он считает, что его заставляют смотреть на любителя.

— Я понимаю. Есть ли еще что-нибудь, что я должен знать?

— Не в это время. Приятных снов, мадемуазель. Удачной охоты.

Она повесила трубку, ничего не ответив, внезапно устав от идиотских игр и бессмысленного фехтования. Все эти танцы вокруг, завуалированные угрозы и двойные встречи, а в итоге все равно все сводилось к ее мастерству, скорости и теням, вырывающим жизнь у очередного невезучего ублюдка. В этом-то все и заключалось. Отбросьте формальности, ритуалы и колкие уколы, чтобы все знали, кто умнее. Все это были лишь способы защиты ее рода от собственной дикости.

В эти ночи она предпочитала бой разговору. Так было честнее, а честность была одной из немногих добродетелей, сохранившихся у нее после стольких лет.

Через несколько часов информация в файле была запомнена, а компоненты уничтожили себя, она легла на кровать и закрыла глаза. Начиная дремать, она почувствовала смутный дискомфорт, а затем поняла, что перевернулась на мобильный телефон. Она подняла его и с любопытством посмотрела на

него. Ее клиент воспользовался этим телефоном, чтобы найти ее. Следовательно, теперь он был под угрозой. С минимальным усилием она обхватила пластик рукой, и в ответ раздался треск. Фрагменты устройства каскадом посыпались на пол, бесшумно упав на толстый ковер.

Закрывая глаза для дневной дремы, Люсита улыбнулась.

Воскресенье, 18 июля 1999 года, 2:19 AM
Hyatt Regency Capitol Hill
Вашингтон, округ Колумбия.

У Питера Блейна было множество прозвищ, но ни одно из них не было комплиментарным. Самым добрым было — Ларч, за его невероятное сходство с комическим дворецким, и это было единственное, на которое он отвечал чем-то меньшим, чем непристойность. К сожалению, он не помогал себе в этом: у него было пристрастие к строгим, консервативным черным костюмам и туфлям, в которых можно было бы открыть собственный бизнес по уничтожению насекомых. Тот факт, что его лицо, плечи, стрижка и общее телосложение выглядели как работа ленивого скульптора с пристрастием к прямым линиям, не помогал делу.

Блейн был одним из бедных кузенов Шабаша, антитрибу Вентру, само наследие которого вызывало насмешливые возгласы у “истинных” кланов секты. Кроме того, он не обладал ни инстинктивной грацией Ласомбры, ни мощью или деликатностью Цимисхи, поэтому всякий раз, когда он оказывался в компании представителя одной из этих достойных линий, он чувствовал себя медлительным. Глупым. Неуклюжим. Неуклюжим. В полевых условиях, когда были только он и его стая (в которой было по одному представителю Большой Двойки, но, опять же, он знал, как держать в узде Санни и Терренса), он чувствовал себя хозяином положения; но стоило ему приблизиться к большим мальчикам, как его личность падала ниц.

По правде говоря, антитрибу были низшим средним классом Шабаша. Беженцы от тирании Камарильи или ее потомки, они были относительно немногочисленны и неорганизованны по темпераменту. Если бы все антитрибу собрались вместе и потребовали равного обращения, то, конечно, их было бы

достаточно, чтобы создать разницу. Но антитрибу из Гангрела были слишком заняты тем, что огрызались на антитрибу из Брухи, в то время как Тореадор старался игнорировать всех и смущать своих кузенов из Камарильи, а Вентру из всех сил старались убедить остальных членов Шабаша в том, что они действительно принадлежат им. Тем временем Цимисхия и Ласомбра просто смеялись над всем этим и отправляли антитрибу умирать, когда им вздумается.

Честно говоря, от всего этого у Блейна начинала болеть голова, когда он слишком много думал об этом. Он перешел в Шабаша добровольно, чтобы уйти от удушающей классовой системы Камарильи. Медленно, но верно он начинал подозревать, что попал если не в огонь, то в сковородку.

Возможно, именно поэтому он заговорил в холодном молчании, когда Викос и Полония устроили поединок. Или, возможно, он просто хотел убраться из военного совета — он видел множество других мелких военачальников, над которыми издевались, на которых нападали и которых обезглавливали, и решил, что не хочет быть следующим.

В любом случае, в тишине, наступившей после вызова Викаса, первым прозвучал голос Блейна.

— Я возьму это. Я и мои мальчики — мы возьмем это.

Архиепископ Борхес рассмеялся.

— Большое спасибо, капитан...

— Блейн. И я, и мои, мы возьмем это.

— Вайл, капитан Блейн, это не детский сад. Мы не берем сюда добровольцев для важных дел. — Он жестко рассмеялся, и несколько его последователей рассмеялись вместе с ним.

Блейн заметил, что ни Полония, ни Викас не смеялись, а они, по его мнению, имели значение. Может быть, сам он и не был на вершине лестницы, но у Блейна был хороший нюх на то.

Поток власти, и сейчас было очевидно, что власть и Борхес имеют мало общего друг с другом в этом конкретном совете. И это знание дало ему смелость рискнуть.

— Я сказал, ваше превосходительство, что возьму своих людей и разберусь с этим. Вы не знаете меня, вы не знаете мою стаю, и вы ни черта не знаете о Пьетерсуне. А я знаю. Ты не знаешь, как он выглядит; я работал с его детьми и встречался с ним. Я знаю, как он говорит, как ходит, и без каких дурацких штук ему некомфортно. — Уголкем глаза Блейн увидел, как Полония медленно кивнул в знак одобрения, а лицо архиепископа стало бесстрастным.

— Ба. Вы говорите, что знаете его ребенка? Замечательно. Они опознают твой труп. — Голос Борхеса приобрел насмешливый, плаксивый тон. — О, Перси, это Как-его-там-зовут-Блейн. Он мертв. Разве это не смешно? — Борхес откинулся на спинку кресла, нахмурившись. — Мы посылаем тебя, с таким же успехом мы можем никого не посылать.

— Я нахожу вашу оценку способностей капитана Блейна интригующей, — плавно вмешалась Викас. — И я уверен, что у вас есть отличные основания для такой оценки, да, архиепископ? Вы видели стаю капитана Блейна в действии, да? — Борхес покраснел. — Что? Нет? Тогда вы, конечно, слышали что-нибудь о его неэффективности? Нет, опять? Боже мой, на чем вы основываете свое суждение?

Из разных частей комнаты доносились кашель и тонкие смешки. Борхес дико оглядел своих мучителей, затем поднял глаза на Талли, словно ожидая, что тот что-то предпримет.

— Я не обязан терпеть это! наконец прорычал Борхес. — И я не позволю ему все испортить, этому выскочке, этому предателю, этому...

— Антитрибу? — тихо произнес Блейн.

— Да, высокомерный антитрибу-всезнайка, который думает, что раз он однажды лизал сапоги какого-то старейшины, то знает, как вырвать сердце этого старейшины!

Полония, заметил Блейн, перестал кивать. Земля, по которой он ступал, только что стала опасной.

— Возможно. Или, возможно, я знаю то, чего не знаете вы, могу то, чего не можете вы, и мне не нужен спасатель со всего мира, чтобы обеспечить мою безопасность в моем собственном гостиничном номере. Бойтесь обслуживания номеров, милорд?

— Ах ты, маленький сукин сын! — Борхес попытался вскочить со стула, поднялся на ноги, но тут же рухнул обратно в кресло, и рука Талли опустилась на его плечо, как свайка.

— Пожалуйста, садитесь, ваше превосходительство, — приятно сказал Талли. — Кардинал Монкада попросил меня оградить вас от всех угроз, включая те, которые вы навлекаете на себя сами.

Талли повернулся к Блейну.

— Не то чтобы вы были полностью бесповинны; будьте благодарны, что архиепископ Борхес на самом деле не был серьезно расстроен. — Его голос приобрел певучий тон учебной инструкции. — Итак, если бы Его Превосходительство оказался за столом, что бы вы сделали?

Блейн показал зубы в беззлобной улыбке и встал.

— Если бы он зашел через стол, он был бы идиотом, потому что по всем правам он должен был бы использовать тень, а не подставлять себя под удар ради этого. — Говоря это, он потянулся вниз и отломил переднюю правую ножку стула. Неудивительно, что кусок дерева имел зазубренный острый край. — Я работал над этим без перерыва весь совет. Подумал, что это может пригодиться.

Талли хмыкнул.

— Интересно. Что еще?

Антитрибу устроил представление, начав переключать кол из руки в руку.

— Да мало ли что, кроме того, что мои люди завалили бы архиепископа собаками, если бы мне не удалось остановить его с первого выстрела. А у нас тут много ножек от стульев.

Талли поднял бровь и кивнул.

— Грубо, но потенциально эффективно. Однако вам лучше проявить больше уважения к человеку с властью и положением архиепископа.

Полония смотрел на дисплей, поджав губы и прочистив горло.

— Проходимо, — сказал архиепископ Нью-Йорка. — Я одобряю вашу предусмотрительность. Хм. Итак, капитан Блейн, вы искренне считаете, что у вас и вашей стаи есть все необходимое, чтобы справиться с этим Пьетерсуном?

Блейн колебался секунду. Он все еще мог уйти, он знал. Пьетерсун был хитрым сукиным сыном. С другой стороны,

возможность посмотреть, как корчится этот пузатый ублюдок Борхес...

— Мы можем это сделать. Какие сроки?

— Как можно скорее. — Это была Викос. — Я желаю вам удачи, капитан Блейн. Мои сотрудники подготовили все необходимое для проведения операции. Я полагаю, вы сможете обеспечить себя оружием и транспортом?

Антитрибу кивнул.

— Конечно. — Он сделал паузу, посмотрел на своих товарищей. — Завтра в полночь ты получишь голову Пьетерсуна на блюде. — Он посмотрел на Борхеса. — Ты можешь пойти с нами и посмотреть, если хочешь, мой господин.

— Нет, спасибо, — жестко сказал Борхес, и предупреждающая вспышка Полонии сообщила Блейну, что он немного перестарался.

— Верно. Если бы вы могли сказать мне, где у ваших сотрудников есть информация...? — Его голос прервался, когда он посмотрел на Викоса. — Пожалуйста.

— Материал ждет вас за пределами комнаты, капитан Блейн.

Блейн кивнул один раз и вышел. Его товарищи по группе, с нервной развязностью в походке, последовали за ним. Трехногий стул, который держал один из них, на мгновение покачнулся и рухнул на пол.

Никто не пошевелился, чтобы поднять его.

Двери закрылись за последним членом стаи Блейна, громоздким моноцероидным боевым гулем, который провел большую часть вечера, пытаясь вырезать свое имя на потолке комнаты своим рогом. По самым приблизительным подсчетам, его звали — Джем.

— Итак, это все, что у нас есть на сегодня? — Борхес потянулся и с тоской повернул голову в сторону двери.

— Почти. — На коленях у Полония каким-то образом оказалась черная кошка, сделанная из тени, и он рассеянно погладил ее.

— Есть еще один вопрос, на который нужно ответить, прежде чем мы сможем откланяться.

Стоны и жалобы раздавались по всей комнате.

— О, Боже.

— Что теперь?

— Это, блядь, не может подождать?

Полония подождал, пока все перекричат друг друга и станет ясно, что он, по крайней мере, никуда не денется. — Это простой вопрос, на самом деле, и на него можно ответить через мгновение, при условии, что все будут сотрудничать.

— Так и есть, да? — Борхес был явно недоволен.

— Считайте это простым экспозиционным произведением, архиепископ Борхес. Итак, Викас, можешь ли ты ответить на этот вопрос?

Викас выглядел неувлеченным.

— В меру моих возможностей, конечно. Хотя я бы предпочла, чтобы мы поторопились. Мне нужно сделать звонок, — и она слегка улыбнулась, — телефонный звонок.

— О, это не займет много времени. Я просто хотел бы знать, как именно вы получаете всю эту чудесную инсайдерскую информацию о герре Пьетерсуне и ему подобных. В конце концов, мы, по крайней мере, временно держим нашу стратегию на вашем телефоне, — слова прозвучали с легким укором, — и прежде чем мы отправим в глубинку еще несколько талантливых ребят, я бы предпочел знать, по чьей указке они действуют. Он положил кошку на стол; она сидела там неподвижно. — Блейн, может, и не архиепископ, но он и его коллеги — несомненно, стоящее приобретение. Мне бы не хотелось думать, что мы отбросили их в сторону из-за ложной информации.

— У меня есть свои источники, — тихо сказала Цимисхи. — Они довольно точны.

— Ах, но вот в чем проблема. У тебя есть свои источники. У меня, — Полония бросил взгляд на кота, — свои. У архиепископа Борхеса — свои. У всех нас есть свои источники. — Архиепископ начал вышагивать. — Я бы даже поспорил, что у благородного МакЭллена есть несколько собственных. Однако это не означает, что все эти источники точны. Некоторые из них могут быть лучше других. А ваши кажутся исключительно удачно расположенными, что заставляет меня задуматься. С кем ты говоришь, Викос?

— Действительно ли это имеет значение, если информация хорошая?

— Если вы мне не скажете, я не смогу узнать, хорошая ли информация, не так ли!

— Кардинал...

— Кардинала здесь нет. Я здесь. И вот что я тебе скажу, мой византийский друг: ни одна стая, ни один гуль, ни одна пуля, ни один вздох не выйдет отсюда по твоей информации, пока ты не раскроешь свои источники. Я моложе тебя, но я достаточно стар, чтобы понять, когда что-то полностью слишком удобно. Слишком удобно, что вы первым узнали о прибытии Пьетерсуна; слишком удобно, что вы так быстро получили достаточную информацию, чтобы передать ее ударной группе, которая вам просто необходима для немедленной работы. Мне не нравятся такие совпадения. Я ясно выражаюсь?

Викос осмотрела комнату. В воздухе чувствовалась какая-то новая острота, слабый заряд. Полония зарядил энергией даже самых усталых. Она мысленно пересчитала союзников и с неохотой пришла к выводу, что в этом конкретном вопросе у нее недостаточно сил.

— Я прекрасно понимаю, архиепископ. Лучше, чем вы думаете. Однако я не думаю, что раскрытие имени моего источника столь многим — любого из которых могут схватить и заставить раскрыть то, что он узнал — это обязательно мудрая тактика.

Полония отвесил глубокий поклон.

— Конечно. Я совсем об этом не подумал. Тогда, может, отпустим остальных достойных, и ты просто расскажешь, скажем, моему коллеге архиепископу, его телохранителю и мне? Нет смысла подвергать риску кого-то еще. — Он скрестил взгляды с Цимисхи, и, что невероятно, Викос первым отвел глаза.

— Очень хорошо. Уведите остальных отсюда.

Остальные, к всеобщему удивлению, ушли. Чтобы очистить комнату, потребовалось на удивление мало времени. Через несколько минут остались только Талли, Борхес, Викас и сам Полония. Вальехо ушел после степенного взгляда Викаса; Полония и Талли задались вопросом, что именно там произошло.

— Итак, что у нас есть, Викас? — Голос Борхеса был усталым, хотя он бы боролся до последнего, чтобы избежать исключения. — Поделись

Викас намеренно сложила руки на столе.

— Я не назову вам имя моего источника. — Она подняла одну руку, чтобы отвести бурю протеста. — Имя неважно, и если я назову его вам, это принесет больше вреда, чем пользы.

— К чему эта шарада? — Тихий голос Талли, как обычно, проникал в самую суть вопроса. — Я весьма разочарован после всего этого.

— Потому что, честно говоря, у меня нет сил разбираться с очередным бунтом. И я, конечно, расскажу вам все, что вам нужно знать.

— Что именно? — Борхес был настроен скептически.

— Что заключается в том, что мой источник, как было сказано, является членом Камарильи, который осведомлен о планах обороны против нас. Она, или он, работает над тем, чтобы создать окна возможностей для нас, а также передает мне информацию, которую он, или она, в состоянии передать. Кроме этого, я не могу сказать вам больше, и я предупреждаю вас не полагаться в значительной степени на добрую волю моего источника. Преданность, как мы все знаем, вещь хрупкая. — Она переводила взгляд с одного лица на другое. —

И с этим, господа, вы должны быть удовлетворены. Прошу меня извинить. — Она встала и вышла из комнаты. Борхес последовал за ней, как и Болталивый. Остались только Полония и кот, вновь появившийся из какого-то уголка тени.

— Боюсь, я совсем не удовлетворен, — пробормотал он. — Но это должно послужить, по крайней мере, сейчас. И с этим он поднялся и вышел. Позади него метнулась тень и погасила свет в конференц-зале.

Кошка, брошенная своим хозяином, издала свой первый и последний звук — жалобный вопль. Секунды спустя она растворилась в темноте комнаты, так же основательно, как будто ее никогда и не было.

Воскресенье, 18 июля 1999, 2:28 AM
Hyatt Regency Capitol Hill
Вашингтон, округ Колумбия.

Лифт двигался вниз с равномерной скоростью, его ход сопровождался ровным гулом. Кто-то отключил потолочный динамик примерно через пять минут после того, как военный совет въехал в отель. Теперь было слышно только ровное жужжание механизмов и шипение кондиционера.

Пять монстров и одна манильская папка были его единственным содержимым. Один из них, Ласомбра по имени Санни (на самом деле Сантьяго, но никто не хотел его так уважать), изо всех сил старался заглушить шум лифта, проклиная синюю полосу.

— Господи, Блейн, во что, черт возьми, ты нас втянул? Если половина историй — Когда я был скаутом в Камарилье, которые ты продолжаешь рассказывать нам, чтобы держать нас в узде, правда, то этого парня Пьетерсуна будет сложнее прижать, чем любого из мудаков наверху, и это включает в себя мисс Фрики Лики Цимисхи.

— Шимишай, — сказал Терренс, высокий и долговязый, носивший бабушкины очки в стиле Джона Леннона, которые он так и не смог очистить от крови. — Это произносится как — Шимишай.

Сонни набросился на него с яростью, присущей только очень низкорослым и стеснительным людям.

— Мне плевать, как она будет называться — Цимисхи, Гольдфарб или Твоя Мать, она — гребаный фруктовый пирог, а ты, Блейн, — гребаный тупой фруктовый пирог, раз втянул нас в это самоубийственное задание, хотя чем больше я об этом

думаю, тем больше предпочитаю самоубийство еще одной ночи, проведенной, слушая этих придурков из Нью-Йорка и Майами переругиваются друг с другом и время от времени превращают одного из малышей в чертовски вкусную закуску из крови на триски...

— Сонни, — приятно сказал Блейн, — заткнись нахрен.

— Но Блейн...

— Ничего не говори. Так ты застрахуешься от того, что скажешь что-то еще, что выведет меня из себя. Эта операция будет достаточно сложной без того, чтобы я запихивал тебя в почтовый ящик до того, как мы начнем.

Санни погрузился в суровое молчание. Минуту никто не разговаривал, и вдруг на двенадцатом этаже открылись двери. Пожилая женщина стояла там, нетерпеливо нажимая на кнопку Вниз. Она сделала шаг вперед, когда двери открылись, а затем ее глаза расширились от страха. На нее ухмылялся возвышающийся над ней боевой гуль Джаммер, его единственный рог взметнулся вверх, едва не задевая потолок. Она сделала шаг назад, издала нечто, что можно было бы назвать “О мой сладкий Иисус”, и тяжело упала на дальнюю стену. Раздался крик “О Боже! Бабушка!” слышался из коридора, когда двери с шепотом закрылись.

Ласомбра удвоилась от смеха.

— Черт, это было прекрасно!

Остальные присоединились к истерике, и даже Блейн ухмыльнулся.

— Вы видели, как расширились ее глаза, когда она увидела Джаммера? О Боже, Боже, спаси меня от лифта, полного зла!

Он совсем потерял дар речи, хрипел от смеха, когда лифт выпустил их на нижний уровень гостиничной парковки.

Фургон стаи, сильно модифицированный “Додж” с некоторыми интересными новшествами, которые не были легальны на улицах большинства штатов Союза, зловеще присел на корточки у дальней лестницы. Он был черный, с толстыми черными шинами из твердой резины, и сильно тонированными стеклами. Блейн подумывал избавиться от него, потому что статисты разработали профиль серийных убийц, который заставлял их обращать внимание на подозрительно выглядящие фургоны. Ситуация пока не была опасной, но это была заноза в заднице, а Блейн в глубине души любил избегать заноз в заднице.

Кроме, конечно, тех, с кем он работал.

— Есть ли у нас хоть один шанс в аду, Блейн?

Это снова был Терренс. Санни все еще был слишком занят, подражая новому трупу на двенадцатом этаже, и остальные смеялись вместе с ним.

— Честно? Да, мы можем это повернуть. Я встречался с Пьетерсуном. Он страшный. Холодный. Хитрый, ты не согласишься. Но он также подлый ублюдок, и он ненавидит сражаться сам с собой. Это значит, что он будет искать выход из положения, когда ему надо было бы напасть на нас с головой, а это, в свою очередь, дает нам небольшое окно возможностей. Что, — сказал он, дойдя до фургона и открыв водительскую дверь, — это лучший шанс, чем мы имеем с этими ублюдками наверху.

Они забрались внутрь, Терренс взял дробовик, а остальные забрались на заднее сиденье. Санни ругнулся на Джаммера за то, что тот сел на его ружье, а потом начались обычные

разборки. Блейн передал Терренсу пакет, который он получил от гуля Викоса наверху.

— Там должна быть карта, — сказал он.

Цимисхи порылся в бумагах и извлек одну.

— Вы поверите ААА?

— В этот момент я готов поверить во что угодно, — пробурчал Блейн и включил передачу. Что-то, возможно, колчан арбалетных болтов от грохота, упало, когда он это делал. — Сейчас я просто хочу, чтобы мы добрались до Балтимора и устроились там до рассвета. Затем ночью мы беспокоимся о том, как уничтожить Яна Пьетерсуна и дюжину или около того йесменов, которые попытаются нас остановить.

— Есть мысли по поводу стратегии?

Терренс опустил окно и облизал пальцы, чтобы почувствовать дуновение ветерка. Он делал это перед каждой поездкой, и Блейн находил это странным образом успокаивающим.

Антитрибу кивнул.

— Джаммер и Локс поднимают шум и отвлекают его прикрытие. Мы с тобой пробираемся внутрь и отвлекаем его секунд на десять, и в какой-то момент в течение этих десяти секунд появляется Санни со своей штурмовой винтовкой, которой он так гордится, и сносит сукину сыну голову.

Он сказал все это очень тихо, чтобы Сонни не подслушал и не перевозбудился снова.

Фургон с ревом выехал из гаража и повернул на север, направляясь к въезду на шоссе 1-495. Терренс моргнул.

— Есть план получше?

— Честно? Пока нет. Если это то, что я все еще хочу сделать завтра, тогда можешь начинать волноваться.

— Если для тебя это все равно, я начну сейчас.

Блейн усмехнулся.

— Будь моим гостем. Кстати, мы собираемся остановиться в, как его там, Чесапик Хаус, за бензином и уборщиком. Убедись, что ты не слишком голоден, прежде чем мы начнем завтра. У нас не будет времени на охоту, так что это лучшее, что я могу сделать.

Терренс кивнул.

— И вы заявляете права на кровь Пьетерсуна? — спросил он, его голос звучал почти шепотом.

Конечно, знаю, подумал Блейн, Думаешь, я тебя или смеющегося мальчишку сзади когтями зацепил? Я, в конце концов, долбаный стайный дукт. Но он лишь сказал:

— Пусть выжившие побеспокоятся об этом, когда мы уничтожим цель. До тех пор нет смысла спорить.

— Конечно, — сказал Терренс. — Без всякого смысла.

Часть вторая: Троя

Четверг, 29 июля 1999 г., 9:12 PM

Sheraton Inner Harbor Hotel

Балтимор, штат Мэриленд

Сообщение на стойке регистрации было оставлено неким мистером Шреком, что заставило Люситу закатить глаза. Шрек по-немецки означает — ужас, а также это имя актера, сыгравшего оригинального вампира в фильме “Носферату” 1922 года. Короче говоря, записка была просто слишком милым способом канализационной крысы сказать, что он хочет связаться с ней, и что он не против, чтобы она знала, что он Носферату.

Люсита милостиво приняла от портье листок бумаги, сделала вид, что читает его — Я буду позже — и затем разорвала его в клочья, направляясь к открытому лифту. Она бросила обрывки в пепельницу, когда вошла в кабину лифта, в которой, к счастью, кроме нее никого не было.

Поездка на ее этаж была милосердно короткой, что Люсита посчитала небольшой услугой. Тот факт, что носферату объявил о своем присутствии, означал бизнес — ну, или это, или невероятное высокомерие, но это была не та черта, которой обладают большинство долгоживущих носферату. Хотя она уже работала над контрактом, который с каждой ночью становился все сложнее, поскольку наступление Шабаша накрыло убежища и конспиративные квартиры, на создание которых она потратила десятилетия, она была отнюдь не против получить дополнительные заказы. С другой стороны, может оказаться, что у ее коварного собеседника есть информация для продажи, что вполне могло бы упростить ее нынешнюю работу.

Лифт замедлил ход и остановился, и Люсита вышла на четырнадцатый этаж. Ее комната выходила на север, что обеспечивало максимальную защиту от солнечного света, а на дверной ручке по-прежнему висела бирка — Не беспокоить. Она отперла дверь и проскользнула внутрь. В комнате было безупречно чисто, она сняла туфли и легла на слишком мягкий матрас в ожидании неизбежного контакта с Носферату. Мысль о ловушке она отбросила почти сразу. В данный момент у Камарильи были проблемы посерьезнее ее, и им просто не имело смысла тратить ресурсы, которые потребовались бы для ее нейтрализации. Люсита давно и точно оценила количество людей, необходимых для ее устранения; вывод такой силы с передовой стоил бы секте как минимум еще одного города. В то же время у Шабаша были более серьезные проблемы. Она получила информацию о том, что ее мессир проявляет очень личный интерес ко всему американскому делу, и это было еще одной гарантией ее безопасности, по крайней мере, со стороны тех вампиров, которые ему подчинялись. Кардинал Монкада не стал бы смотреть доброжелательно на того, кто уничтожил его дитя.

Люсита понимала, что такая логика не защитит ее от нападения глупцов, невежд или самоубийц, но она была уверена в своей способности защитить себя от любого из них.

А если она ошибается? Он и раньше ошибался, очень редко, и терпел. Она переживет и это.

Ровно через три минуты раздался стук в дверь.

— Мисс? Обслуживание номеров, — раздался приглушенный звонок.

— Конечно. Я сейчас приду. — Люсита встала с кровати и открыла дверь, не глядя в глазок. Она прекрасно знала, кто ждет ее по ту сторону.

Молодой человек с тележкой выглядел явно неуютно в своей униформе.

— Заказанный вами ужин, мисс, — только и сказал он, вкатывая тележку в комнату. Люсита улыбнулась без всякого удовольствия.

— Пожалуйста, снимите эту нелепую маскировку, мистер Шрек? Я бы предпочла, чтобы вам было удобно, если мы собираемся вести дела.

Белихоп сделал шаг назад от подноса и поклонился в пояс. Когда он встал на ноги, это был уже не молодой человек с приятным лицом, а бородатый, лысый мужчина с телосложением, как у полузащитника. На нем все еще была форма владельца гостиницы, которая сидела на нем как нельзя лучше, а на лысой и покрытой шрамами патине бойко сидела обязательная фуражка.

— Не хотел пока пугать гостей, мисс. Могу поспорить, что вы говорите это всем посыльным.

— Те, от которых мне придется избавляться позже, да. Вы добровольно согласны? — Люсита села в большое кресло у раздвижной двери на балкон, оставив своего “гостя” метаться в поисках места, где бы присесть. Люсита слишком поздно сообразила, что существо может сесть на ее кровать и испортить ее, но это не имело значения.

— Нет. Вовсе нет. И я не Шрек. Я просто работаю на него. — Эрзац-посыльный опустил на пол, скрестив ноги. — Однако я уполномочен вести переговоры от его имени.

— Приятно слышать. Итак, как долго вы ждали меня в лифте?

Носферату был невозмутим.

— Около часа. Потратил слишком много времени, используя старую добрую хибби-хиби, чтобы напугать стадо, чтобы убедиться, что не упущу тебя. — Он сделал секундную паузу и моргнул. — Просто чтобы удовлетворить мое профессиональное любопытство, как вы узнали?

— Лифты, находящиеся в состоянии покоя так долго, обычно не с широко открытыми дверями, например. Грязные отпечатки на ковре были еще одной подсказкой. И еще запах. Тебе придется стать лучше в этом, если ты надеешься выжить.

Другой вампир задумчиво потер свой бугристый подбородок.

— Хм. Я не подумал об угле наклона двери, а тележку я припрятал здесь, чтобы не загромождать клетку. Вы удивитесь, как часто люди игнорируют другие вещи, однако. В любом случае, — и он прочистил горло, — я здесь, чтобы поговорить о делах. Я просто подумал, что вы можете оценить любезность персонального лифта. — Он ужасно усмехнулся. — В конце концов, именно такие мелочи помогают заключить сделку.

Люсита сделала изящный жест свободной рукой. Конечно. Но вы здесь не для того, чтобы играть для меня в оператора клетки. Что может предложить господин Шрек?

— Шесть миллионов американских, копия двух страниц Фрагмента Саргона, все необходимые вам ресурсы, лучшая защита от репрессий, которую он может предложить, транспорт в виде как воздушного транзита в удобное для вас время, так и транспортного средства по вашему выбору, инциденты, расходы, оборудование и другие мелочи, которые есть в балансе, но не стоят упоминания здесь, и, если я правильно прочитал мелкий шрифт, сто бесплатных часов на AOL. Последнее, конечно, можно обсудить.

Единственным признаком того, что Люсита хотя бы смутно заинтересовалась, было легкое поднятие правой брови.

— Фрагмент Саргона? Интересно. Господин Шрек, конечно, категорически хочет, чтобы я взяла это задание. Что он хочет, чтобы я сделала?

Носферату пожал плечами.

— То, что ты делаешь лучше всего. Вернуть несколько человек в то состояние, в котором мертвые люди должны находиться естественным образом.

— Люди?

— Наши люди.

— А. Конечно. Тем не менее, господин Шрек, похоже, не жалеет средств. Осмелюсь спросить, в чем подвох?

К его чести, Носферату отказался быть бесхитростным и спрашивать, что могла иметь в виду Люсита.

— Мистер Шрек считает, что достаточно крупное предложение произведет на вас впечатление серьезности его намерений и исключит из этого, цитирую, “хлопотного торга”, который он считает неприятным.

Люсита встала и начала рассказывать.

— Прекрасный ответ, и он полностью обходит вопрос. Так в чем же подвох?

— Нехватка времени, с одной стороны. Качество целей, с другой стороны.

— Плата не столь впечатляющая для нескольких целей.

— Мистер Шрект знает о ваших обычных расценках, а также отмечает, что предложение не ограничивается наличными. Он также считает, что вам может понравиться одно или два из этих заданий.

Люсита повернулась и встретилась взглядом с Носферату. Часть ее отметила, что он умен; намеренное сидение со скрещенными ногами в незащитном месте было примерно такой же хорошей работой, какую сородич мог проделать, чтобы сказать — я безобиден. Он также выбрал пол, а не кровать или любое другое место, которое она могла бы использовать, и не стал комментировать зеркала. В общем, он был гораздо выше обычного посыльного, с которым она имела дело, и поэтому она, по крайней мере, была готова выслушать его предложение.

— Кто?

— Четыре цели. Один архиепископ, стоимостью \$3,4 млн. лев и текст. Еще один высший вождь, которого, как я понимаю, вы когда-то встречали. Два младших военачальника, которые показывают некоторый потенциал. Они стоят по полмиллиона каждый. Нам просто нужно, чтобы они были сделаны быстро.

— К стыду своему. Ты никогда не должен сообщать своим художникам, что у них поджигают сроки, маленький Носферату. Вам также следует научиться лучше использовать эвфемизмы. Кто-нибудь, подслушивающий, скажем, с помощью направленного микрофона, вполне может все это уловить и найти применение этой информации.

Носферату почти незаметно покачал головой.

— Вообще-то, у меня есть друг на крыше, который держит голубей на взводе прямо за вашим окном. Это должно сбить с толку любого, у кого есть направленная связь, а также

испортить микроволновое подслушивание. Вы удивитесь, насколько эффективна стена из перьев для таких вещей. Но я приму ваш совет к сердцу и благодарю вас за него. Итак, вы заинтересованы?

Люсита поджала губы.

— Конечно, да. Но я не собираюсь сразу брать на себя обязательства. Я бы хотела получить немного больше информации, чтобы принять взвешенное решение.

Внутри Люсита уже сделала свой выбор. Фрагмент Саргона был тем, за чем она охотилась уже очень долгое время, и возможность получить еще две страницы из него была не из тех, от которых она могла легкомысленно отказаться. Кроме того, она уже заключила контракт на работу с одним архиепископом; к чему еще один? И никакая добыча, кроме архиепископа, ее не волновала. Гонорары по крайней мере за трех из четырех будут найдены, но никогда не помешает узнать больше.

В ответ носферату встал, вытянув руки ладонями наружу, чтобы подчеркнуть, что он не представляет угрозы. Он сделал два шага к тому месту, где забытый десять тележек с обедом стояли и поднимали крышку с металлического подноса, на котором обычно хранилось какое-нибудь лакомство, приготовленное на кухне. Вместо этого под ним лежало несколько папок, скрепленных толстыми резинками. Он поднял поднос и поставил его на кровать.

— Здесь все, что вам понадобится, включая условия оплаты, ресурсы, которые господин Шрек предоставил в ваше распоряжение, и графики передвижения известных врагов. Потратьте несколько часов. Прочтите все это. Если вы решите, что вам это интересно, спуститесь в вестибюль и сядьте в кресло напротив лифта. Кто-нибудь придет и проведет вас к

месту, где вы сможете встретиться с моим начальством. Оознавательный знак прост: Мой человек спросит вас, читали ли вы последний номер Blackwood's. Поскольку журнала нет уже несколько десятилетий, это не та вещь, на которую можно наткнуться.

Люсита нахмурилась.

— Я бы предпочла другую позицию. Это кресло стоит перед некоторыми... декорации... которые делают мое состояние довольно очевидным.

Носферату усмехнулся.

— Нам тоже нужны наши доказательства, мисс Люсита. Не волнуйтесь, мы вас быстро соберем. Кстати, на втором уровне повозки для вас стоит графин с обедом, если хотите. Мистер Шрек любит, чтобы людям было удобно. — Он поставил контейнер на комод, поклонился и сказал: — А теперь, если позволите?

— Конечно. — Люсита помахала ему рукой и вывела за дверь с тележкой, даже когда он снова переоделся в свою маскировку. Ее внимание уже было приковано к папкам.

Внезапно ее так называемая тарелка оказалась очень полной.

Четверг, 29 июля 1999, 11:08
Подвал, здание Уэслиан Билдинг
Балтимор, Мэриленд

Вопреки ожиданиям, собрание проходило не в канализации. Однако она проходила в подвале, где протекала труба, поэтому бетонный пол был обильно забрызган лужами. Люсита предположила, что это сделано для того, чтобы хозяева могли следить за ее передвижениями по издаваемым ею звукам. Либо они знали о трюках, которые она переняла у Фатимы, и просто играли на своем стереотипе. Ее проводник привел ее сюда, предупредил, чтобы она ждала, и исчез. Люсита, вероятно, могла бы выследить этого человека, но решила играть по правилам клиента. Поступить иначе было бы невежливо.

В самой комнате царилась кромешная тьма. Однако она уже имела дело с этим Носферату и была уверена в его искренней заинтересованности сохранить ей жизнь. Тем не менее, всегда стоило быть осторожной. Она шагнула вперед.

— Шрек?

Голос, который ей ответил, был грубым и низким, но безошибочно женским.

— Господин Шрек был неизбежно задержан и выражает свои сожаления. Однако он хочет, чтобы вы знали, что четверть вашего гонорара уже переведена на ваш счет на Кайманах, согласно вашим стандартным инструкциям, в знак его доброй воли. Если необходимо, я могу предоставить доказательства этого.

— Я доверяю господину Шреку, хотя должна сказать, что разочарована в нем.

Наступила пауза.

— Господин Шрек — занятой человек. Однако я пользуюсь его полным доверием и авторитетом.

Люсита рассмеялась.

— К черту посыльного. Мистер Шрек вполне свободен с этим.

Ответ был немного натянутым, и Люсита поняла, что выиграла очко.

— Мистер Шрек доверяет своим ценным подчиненным. Итак, дела?

— Бизнес. Разумеется. Значит, вашему господину Шреку нужен архиепископ? Это довольно сложная задача.

— Да, нам нужен конкретный архиепископ, хотя если вы решите пожадничать и завалить нескольких, мы не сильно расстроимся.

— Вы не стремитесь к малому, не так ли?

— Мы стремимся к необходимым целям, независимо от размера. Приемлема ли цена?

— Для всех четверых? Едва ли.

— Это больше, чем тебе заплатили за последние шесть вместе взятые, Люсита. К тому же, я полагаю, что по крайней мере один из этих четверых — человек, которого ты собиралась избавить от страданий безвозмездно.

— Достаточно верно. Кстати, отличные досье.

— Спасибо. Мы гордимся такими вещами. Ходят слухи, что у нас это хорошо получается.

— Слухи действительно ходят. Что-нибудь еще?

— Несколько. Мы организовали транспорт, который, как мы надеемся, придется вам по вкусу, и он ждет вас у входа, через который вы вошли. О бумагах, конечно, позаботились. Теперь он ваш. Ваш проводник ждет у входа в эту комнату и проведет вас туда с должной скоростью. Когда мы получим больше информации о местонахождении и обстоятельствах ваших целей, вы можете быть уверены, что мы передадим ее вам.

— Сроки первого убийства?

— Как можно скорее.

Люсита нахмурилась.

— Это довольно неопределенно и немного неожиданно.

Ее собеседник горько рассмеялся.

— Поверьте, мы бы и сами предпочли дать вам больше времени, но обстоятельства изменились очень неожиданно. Великие дела идут полным ходом; каждый военачальник Шабаша, ушедший сегодня, — это наступление, которое нам не придется отражать завтра. И каждый жрец стаи, который смотрит в тень ради вас, не отвлекается от своей работы. Это дает нам время. Купите нам достаточно, и вы увидите, что наша признательность стала осязаемой.

— При таких сроках я не могу ничего обещать. Где-то в темноте на мелководье плескалась крыса.

— С Богом и удачной охоты, Люсита.

— Ты говоришь так же, как мой отец, когда говоришь это. Это не внушает доверия.

Из дальнего конца комнаты послышалось тихое хихиканье.

— Мы все делаем ошибки.

Затем раздался звук удаляющихся шагов по мокрому бетону, и Люсита снова осталась одна в темноте.

Она подождала, пока в комнате воцарится абсолютная тишина, а затем повторила свой путь. Как и обещал представитель Шрека, ее бывший проводник ждал за дверью в палату и любезно провел ее через лабиринт туннелей и темных коридоров. Люсита чувствовала, что, вероятно, сможет найти дорогу обратно без посторонней помощи, но приняла помощь в том духе, в каком она была предложена.

После бесконечно долгого получасового путешествия пара оказалась у огненной двери. Носферату открыл ее для Люситы, а затем снова скрылся в темноте. Снаружи на городской улице стояла машина, которая явно предназначалась для нее; она не могла придумать никакой другой причины для того, чтобы BMW 32% был припаркован именно здесь. Ключи были внутри, а двери были заперта, но это не составило труда. Она просто направила свою волю на пятно тени в салоне купе. Она подкралась и отперла дверь, затем сняла засов и толкнула ее. Люсита проскользнула внутрь и закрыла за собой дверь. На пассажирском сиденье лежала еще одна папка с легендой, написанной черным магическим маркером. Люсита не обратила на это внимания: это будет ее чтение на ночь. В бардачке обнаружилась толстая пачка купюр с надписью — На расходы.

Люсита взяла секунду, чтобы обдумать ситуацию.

Это было не то, что она выбрала бы, но это было то, с чем ей приходилось работать. Зарплата была достаточно хорошей, а клиент звучал достаточно отчаянно, и она, несомненно, могла добиться дополнительных уступок. В общем, все было далеко не так плохо.

Хронометр на приборной панели показывал 12:34. У нее было достаточно времени, чтобы прочитать дополнительные материалы брифинга до восхода солнца. Ее работодатель даже был настолько любезен, что предоставил два вида аудиоподборки: брифинги по всем ее целям и обширную подборку классической музыки. Она вставила один из прежних дисков (записанный в домашних условиях, с надписью той же рукой, что и на папке) в проигрыватель и завела машину.

Пятница, 30 июля 1999, 12:53 AM
Подвал, здание Уэслиан Билдинг
Балтимор, Мэриленд

— Подвал?

Ряды флуоресцентных ламп замерцали, когда лифт остановился и его двери открылись. Ян Пьетерсун, потомок благородного рода Вентру и выживший после неудачного покушения Шабаша почти две недели назад, вышел, моргая от внезапного резкого света, и оказался прямо посреди лужи застоявшейся воды. Рядом с ним его проводник-носферату скрытно кудахта.

— Вообще-то, под-подвал, герр Пьетерсун. Боюсь, это то, что ожидается от наших деловых операций. — Говоривший был невысоким, приземистым носферату, которого Пьетерсун принял за женщину, хотя, по правде говоря, он не мог быть уверен. — Вода на полу добавляет необходимый оттенок канализационного шика, который, похоже, требуют люди, когда имеют дело с нашим маленьким консорциумом. Правда, жаль, что здесь нет месье Рафина; он дает прекрасное представление.

— Да, да. Замечательно. Но подвал?

Носферату пожал плечами.

— Это безопасно, это так же надежно, как добродетель твоей младшей сестры, и это помогает нам заставить вторую сторону расслабиться, потому что она имеет дело с “типичным” Носферату. Они думают, что знают, с чем работают, и расслабляются. И им не приходит в голову искать игрушки вроде вращающихся пушек с перекрывающимися полями огня, которыми управляет Найджел. Вон тот парень за

односторонним стеклом на южной стене; он помешан на видеоиграх и обладает такой быстротой, что вы не поверите. Пули — птичья дробь, подвешенная в тефлоне со стальной Пули представляют собой птичью дробь в тефлоновой оболочке со стальной оболочкой — тот же эффект, что и при вскрытии грудной полости, наведении ружья с зарядом №10 на грудину и вытягивании пули. курок. Даже ваш основной крутой военный упырь замедляется, когда в нем дырки размером с колпак.

— А. Очень умно. — Пьетерсун исследовал пределы практически голой комнаты, стараясь не наступать в лужи. — Это единственная мера предосторожности?

Проводник Пьетерсуна захихикал звуком, который Ян инстинктивно ассоциировал с терминальной стадией потребления.

— Ну, нет. Но я бы не хотел утомлять вас подробностями.

Вентру закрыл глаза и молился о силе. У него просто не было времени на подобные вещи, да еще с Шабашом, который надвигался на побережье, как чума на плоть. У него было много дел, и умные и наглые носферату не входили в этот список.

— Замечательно, — наконец, произнес он. — Так что, встреча, по крайней мере, прошла хорошо?

— О, прекрасно, — беззаботно сказал Носферату. — Она вошла, дала устное согласие на сделку, призналась, что прочитала пакеты, которые Клод оставил у нее, и ушла по своим делам. Очевидно, информация ее удовлетворила, хотя она была немного раздражена сроками.

— Гм. Да, ну, ничего не поделаешь. У нас просто не хватает сил на поле боя в данный момент — где Парма, когда он так

нужен? Не то чтобы мы не могли использовать здесь еще одного стратега, чтобы сделать все по-другому.

— Неважно. — Отвратительное существо пожало плечами или сделало что-то приблизительное. — Не спрашивайте меня; я боюсь их всех. Но я могу обещать вам вот что, герр Пьетерсун: Если они когда-нибудь попадут сюда, они не выйдут обратно. Она (он был почти уверен, что это была “она”) омерзительно улыбнулась и постучала по бетонной стене бесформенным пальцем. — Мы готовы.

Пьетерсун сумел слабо улыбнуться.

— Замечательно.

Суббота, 7 августа 1999 11:48

Лорд Балтимор Инн

Балтимор, штат Мэриленд

Это была напряженная ночь для вампиров Камарильи, особенно для тех, кому посчастливилось (или не повезло) оказаться в Балтиморе, нервном центре сопротивления секты Шабашу. Сородичи и гули повсюду разбегались по делам большей или меньшей важности. Прозвучавшая накануне вечером угроза Гангрела Юстициара Ксавьера о том, что его клан порвет с сектой, была одновременно и секретом, который нельзя было хранить, и событием, которое требовало внесения в стратегию Камарильи некоторых изменений. Уединившись в своих личных апартаментах, Ян Пьетерсун обсуждал с Марстоном Колчестером, союзником Носферату, новую чрезвычайную тактику, а также другие отчаянные планы, которые уже были разработаны.

Во всем остальном городе укрепление оборонительных сооружений продолжалось даже без непосредственного наблюдения Тео Белла. Архонт клана Бруха лично направлялся для решения вопросов в Буффало — город, наиболее пострадавший от дезертирства Гангрела. Ни один род не был затронут ужасным поворотом событий.

В разгар неистовых приготовлений один из родственников удалился на ночь, сославшись на ужасную головную боль. Остальные отнеслись к этому с пониманием и позволили каиниту удалиться, оставив лишь несколько более или менее неискренних пожеланий доброго здоровья.

Оказавшись — дома, вампир сел за стол и составил короткое письмо на необычайно дорогой канцелярской бумаге, набросав всю стратегию Камарильи по защите северной части Нью-Йорка, южной части Новой Англии и так далее. Стратеги

секты после громких споров решили, что удержать все города невозможно. Тогда они решили, что лучше всего будет сконцентрировать оставшиеся силы. Это означало эвакуацию городов, в первую очередь Буффало, и оставление заслонов из новых Обнятых сородичей и гулей для создания видимости сильной обороны. Если повезет (и если время от времени на публике будут появляться высокопоставленные сородичи), блеф продержится достаточно долго, чтобы задержать наступление Шабаша и связать ресурсы Шабаша. Это позволит Камарилье выиграть время, чтобы отступить, перевооружиться и, в конце концов, вернуть утраченные территории.

Кроме этого, письмо содержало несколько несущественных подробностей о последнем малапропизме Пьетерсуна и было подписано — Люциус. Каинит сложил письмо, вложил его в конверт и запечатал, написав снаружи — Саша. Такая небрежная неформальность могла вызвать раздражение у адресата. Подобные вещи доставляли слишком много удовольствия в эти ночи.

В целом, размышляя предатель, Камарилья придумала хороший план. Он мог бы выполнить кое-что из того, что предполагалось — если бы его детали не были переданы врагу в течение нескольких часов после его разработки. Вампир на секунду сосредоточился, протягивая руку, чтобы вызвать надежного курьера. Тот прибудет в считанные минуты, а затем доставит письмо в Вашингтон. Там оно, несомненно, окажет весьма интересное влияние на план боевых действий Шабаша в Буффало.

Сородич, рассеянно теребя вытянутые крылья булавки на лацкане, откинулся в кресле и с некоторым удовлетворением размышляя о предстоящей бойне.

Воскресенье, 8 августа 1999 года, 4:13
Hyatt Regency Capitol Hill
Вашингтон, Округ Колумбия

Полония ненавидел паркинги. Они были шумными, вонючими, переполненными, эстетически неприятными и, как правило, влажными от шумных разливов. С практической точки зрения, они были освещены так, что практически невозможно было уловить полезную тень; они порождали эхо, которое делало невозможным определение расстояния по звуку; и всевозможные идиоты считали их прекрасным местом для засады. На самого Полония не раз, не два, а трижды за последний год нападали предприимчивые молодые каиниты. Ни одно из нападений не увенчалось успехом, но эти дела все равно оставили во рту архиепископа неприятный привкус.

Поэтому Полония с некоторым отвращением, хотя и без особого трепета, вышел из лифта на парковку под отелем. К счастью, этот уровень был в основном пустынным. Лишь несколько разбросанных машин были припаркованы тут и там, а напротив дверей лифта стоял фургон, который МакЭллен и его компания занимались погрузкой. Ящики, подозрительно пузатые свертки и различное огнестрельное оружие были расставлены полукругом вокруг задних дверей фургона, а МакЭллен и невысокий грузный вампир со стрижкой чашей и руками, похожими на свинцовые трубы, с удивительной аккуратностью загружали различные предметы.

Вскоре Полоний подумал о том, чтобы подойти к остальным, но решил не делать этого. МакЭллен был достаточно зол, чтобы рискнуть сделать глупость, и в любом случае это было бы ниже его достоинства. Пусть человек сам придет к нему.

Не прошло и нескольких минут, как один из других каинитов, расположившихся вокруг фургона, заметил Полония,

который стоял, скрестив руки, в ожидании у лифта. Пронзительный свист привлек внимание всех его товарищей, включая МакЭллена. Крупный мужчина с нескрываемой ненавистью в глазах уставился через всю площадку, а затем начал скакать по бетонному покрытию. Несколько человек двинулись за ним.

Полония позволил себе роскошь улыбнуться.

— У меня для вас приказ, — сказал он, когда МакЭллен подошел достаточно близко, чтобы слышать. — Важный.

МакЭллен сплюнул.

— Чертовски здорово. Нам что, теперь приказано скакать за остальной армией с метлой и лопатой? И это все?

— Напротив, операция ваша. Вся.

На мгновение МакЭллен потерял дар речи, затем жесткая настороженность скрыла его черты.

— Это, должно быть, подстава. Почему такая перемена?

— Новая информация. — Полония потянулся к своему пиджаку и достал небольшую пачку аккуратно сложенных листов бумаги. — Это для вас. Здесь подробно описана операция, ваши цели и ресурсы. Под твоим командованием будет еще одна стая, Эйнара, и ты будешь отвечать за нападение на Буффало.

— С двумя упаковками? — МакЭллен ахнул. — Ты в своем уме?

— Как я уже сказал, — холодно ответил Полония, — есть новая информация. Буффало — ваша цель; она будет слабо

защищена. Камарилья выводит все силы сопротивления, кроме символических. ИИ1, с которыми вы столкнетесь, будут новообращенные вампиры, не подозревающие о своем потенциале, и случайные гули. У вас не должно возникнуть трудностей.

— Откуда эта информация, от крота Викоса?

— Из лучших источников. Ответы на все остальные ваши вопросы, — и он протянул пачку бумаг, — находятся здесь. Без слов МакЭллен взял пачку и разорвал ее. Остальные столпились вокруг него, чтобы посмотреть на хромые плечи. Полония не обратил на них внимания и спокойно потянулся за спину, чтобы нажать кнопку вызова лифта.

— У вас будет полная автономия на поле боя, МакЭллен. Я ожидаю полного и быстрого успеха, учитывая калибр оппозиции, с которой вам придется столкнуться. Если вы потерпите неудачу, можете не возвращаться. Я найду вас, чтобы обсудить вашу работу.

Как раз в этот момент двери лифта открылись. Полония повернулся на каблуке и шагнул в кабину; закрывающиеся двери скрыли его в считанные секунды.

МакЭллен смотрел, как он уходит, со смесью ненависти и страха. Вокруг него члены его стаи орали и ликовали, передавая от одного к другому весть о том, что они возглавят удар Буффало. Но МакЭллен не был уверен, что это хорошо.

— Сукин сын, — сказал он, в основном про себя. — Это подстава. Так и должно быть. В своем сознании он мог видеть эту схему: Сформировать новую — разведку, вычислить стайного дуктуса, который становится слишком шумным и опасным, сообщить ему новости и отправить его в мясорубку. Остальные члены его стаи, да и Эйнара тоже, будут принесены

в жертву, лишь бы избавиться от него. У Викоса, вероятно, даже не было настоящего шпиона.

Но единственным выходом из ловушки, как он понял, будет войти в нее и попытаться выбраться с другой стороны. Он не мог бежать, иначе обе секты были бы ему после его яиц. Черт, да половина его стаи, наверное, набросилась бы на него, если бы он предложил уйти сейчас, только ради возможности стать его заменой. Нет, ему придется нырнуть в то, что его ждет, и надрать ему задницу. Состроив челюсть с мрачной решимостью, он вернулся к погрузке фургона, немного более тщательно, чем раньше.

Понедельник, 9 августа 1999, 1:34 AM

Гарантийное здание

Буффало, Нью-Йорк

— Значит, я должен покинуть город? Ладислас, князь Буффало, Ниагары и прилегающих регионов, был слегка недоволен. — Сто шестнадцать лет я держал это место свободным от Шабаша, нарушений Маскарада, вторжений люпинов и канадского доллара, а теперь я просто сверну палатку и покину свой дом? Белл, ты опасно близок к тому, чтобы переступить через свои границы. Ладислас был мужчиной среднего телосложения, с коротко стриженными светло-русыми волосами, которые еще не определились, как они относятся к вдовьему пику. Он был одет в костюм, который выглядел так, словно его сшили в магазине Маршалла, и который был явно маловат в плечах. Тем не менее, он был принцем, и он действительно делал гораздо лучше, чем в среднем, работу по обеспечению бесперебойного функционирования своего домена.

И это, в двух словах, было причиной, по которой Тео Белл еще не поставил ему часового. Кроме того, Ладислас был Бруха, а принцы Бруха были настолько редки, что Тео не особенно хотел упустить этот случай. Ладислас был выходцем с мясокомбинатов, ветераном Гражданской войны и первым организатором труда. Он поднялся на пост принца с метеоритной быстротой, сначала как компромиссный кандидат безнадежно зашедшего в тупик совета первородных, а затем благодаря собственной силе.

Короче говоря, Ладислас был крепким парнем и хорошим солдатом, и Беллу очень не хотелось отнимать у него город. Вот почему он был вежлив. Именно ему, Тео Беллу, назначенному засранцу и носителю плохих новостей для всей проклятой Камарильи, предстояло получить Ладисласа, его прародитель,

дети, прихлебатели и личное имущество из города. Если все пойдет по плану, то Буффало фактически останется неповрежденным, а силы Ладисласа будут более эффективно использованы в другом месте. Конечно, Ладислас не собирался спокойно уходить в случае нападения, которое “может” произойти, поэтому Тео был готов немного подтасовать, или даже больше, если потребуются, подчеркивая неизбежность нападения.

Тео театрально вздохнул. Егохватило еще на один раунд — Мистера Милого Вампира, а потом Ладисласа вынесут отсюда, как полупустой мешок с дерьмом, которым он и был. — князь Ладислас. В последний раз повторяю, Камарилья знает и ценит твою службу, и очень высоко оценивает проделанную тобой работу. Именно поэтому мы эвакуируем вас и ваших подданных, вместо того, чтобы оставить вас здесь, чтобы Шабаша использовал вас в качестве гребаной пииты. Теперь, если вы хотите остаться, то всегда пожалуйста, и когда мы вернемся и освободим это место, я обязательно поставлю небольшой памятник прямо над жирным пятном на чертовом полу, где было все, что мы смогли найти о вас. Я ясно выражаюсь? Когда появится Шабаша, у вас не будет ни единого шанса против той силы, что была собрана в Атланте. Теперь вы собираете своих людей, выводите их, и делаете это тихо.

Ладно, подумал про себя Тео. Может быть, он не так уж и хорошо себя чувствовал.

Ладислас просто сидел с широко раскрытыми глазами. Он несколько раз открывал и закрывал рот, ничего не говоря. Очевидно, мужчина был на грани какого-то приступа.

— Не спорите? — помог Белл. — Мне нравится это в принце. Я собираюсь разведать окрестности и хорошенько изучить местность. Когда я вернусь, мы сможем обсудить, как мы будем

заниматься логистикой и какие средства защиты вы оставите. О, и ради всего святого, купите костюм получше.

Лладислас еще ничего не понял, когда Тео ушел в ночь.

Несколько часов спустя Белл обнаружила Лладисласа в церкви. Точнее, князь находился возле епископального собора Святого Павла, глядя на здание с грустной улыбкой. Внутри светился единственный фонарь; несомненно, уборщик совершал утренний обход.

— Я буду скучать по этому месту, Белл, — сказал Лладислас, не поворачиваясь. — Они построили его, когда я был еще мальчиком. Я помню, как все были так взволнованы, так или иначе. Это означало работу для многих мужчин. Это означало многое. Но это было чертовски давно. Жаль, что это до сих пор ничего не значит.

— Прощаетесь? — Белл всегда испытывал смутный дискомфорт от подобных моментов сентиментальности; он полагал, что после смерти тебя это уже не должно так сильно волновать. С другой стороны, тоска Лладисласа по церкви была просто мелочью по сравнению с некоторыми маниями, которые он видел в Европе. Все уравнилось, решил он. Все уравнилось, князь рассмеялся, в котором не было ни капли юмора. — Более или менее. Либо так, либо я взбешусь, назову тебя мудаком и позволю своему нраву нарисовать меня так, что мне придется остаться и убиваться заново. О, ты прав. Нам нужно уехать. Но не жди, что я буду этому рада.

Белл дошел до угла Черч и смотрела, как вечерняя легкая дымка создает ореол вокруг уличных фонарей. Мимо периодически проносились машины, и лишь немногие при торможении из-за скользких улиц.

— Никто не ждет, что ты будешь счастлив, Ладислас, за исключением пары настоящих отморозков в совете, которые, без сомнения, захотят, чтобы ты целовал их сапоги, потому что они заметили твою маленькую проблему и послали меня ее решить.

Ладислас криво усмехнулся и посмотрел на архонта, который стоял в силуэте света позади него.

— Они могут быть кучкой правильных ублюдков, не так ли? — Белл кивнул в знак согласия. — Но на этот раз они правы. У меня здесь восемь, может, девять Сородичей, которые хоть что-то значат, плюс около сорока гулей. Мы бы устроили бой, но у нас просто нет людей. Черт, даже не останется никого, чтобы сообщить в соседний город, что мы отстояли последний рубеж. Он сплюнул кровь в канализационную решетку. — Мы должны идти.

Белл потянулся, периодически раздававшийся в его спине хруст свидетельствовал о том, что он слишком долго находился на ногах.

— Я знаю. Хотите верьте, хотите нет, но мне жаль. Ты хорошо поработал здесь.

— Недостаточно хорошо.

Тео закатил глаза.

— Хватит жалеть себя — ты говоришь, как один из новорожденных в гвоздике и накидке. Давай поговорим о том, как мы собираемся вывести отсюда твоих людей.

— Уже позаботились. — Тон принца был заметно ровным. — Как ты и предлагал, мы собираемся взять пару наших самых молодых сородичей, обнимающих небольшое стадо доверчивых

идиотов, которые будут сражаться, чтобы удержать город как заслон против нашего ухода. Ценные гули будут эвакуированы. Мы уже начали организовывать переводы, предложения работы в других городах, переезды, должности визитеров и тому подобное. Один из моих телохранителей настаивает на том, чтобы остаться. Его зовут Харашти, и он будет координировать оборону, как она есть.

— Упрямый. Не самое лучшее качество для гуля.

Лладислас кивнул.

— Почти фанатик. Большую часть времени он занимается спортом — я видел его по телевизору во время матчей — Биллз. Он один из тех идиотов, которые любят красить себя в синий цвет. Но он чертовски меткий стрелок. князь начал прогуливаться по Перл-стрит. Через мгновение архонт последовал за ним. Они составляли странную пару: князь был необычайно бледен и формально одет, а его спутник был настолько темнокожим, насколько позволяло состояние Сородич, и одет в свободную куртку поверх красной футболки и джинсов. У архонта был массивный пистолет в наплечной кобуре и пистолет поменьше, пристегнутый к ноге, и оба они время от времени освещались светом тошнотворных шаров на фонарных столбах. Пистолеты мало что давали против Сородич, но они делали мясные куски из большинства гулей, даже гулей войны Цимисхи.

Лладислас был безоружен. В конце концов, он все еще был здесь князем.

— Есть идеи, когда они прибудут сюда? — спросил он.

Белл кивнул, хотя на самом деле он понятия не имел. Надеюсь, что никогда, но “надежды” имеют свойство быстро

превращаться в гадость, так что Тео решил, что лучше все подготовить как можно быстрее.

— Максимум неделя. Мы провели линию на Белтвее, более или менее, так что они застряли там. Это значит, что они начали разворачиваться на запад — через Уилинг, мимо Питтсбурга, а потом сюда.

— И сколько территории мы собираемся им отдать?

Они проходили мимо уличных фонарей, почтовых ящиков, припаркованных машин. Ничто их не беспокоило. Вдалеке, над достижения певчая птица выпустила на волю первые хрупкие ноты дня. Белл колебалась, прежде чем ответить. 'Это зависит от совета. Там, как обычно, сплошная херня. Вот почему мне нравится работать в поле. Там чище. Он вдруг усмехнулся. — Я бы отдал правый орех, чтобы Парма была здесь, или кто-то из настоящих тяжеловесов из Европы. Или, может быть, мой босс мог бы просто оторвать свою задницу и убраться отсюда, пока крыша не обрушилась. Оба посмеялись над этим. Они прошли мимо здания окружного суда, справа от них возвышался полуразрушенный конференц-центр.

— Хорошая ли это идея — продолжать сдавать позиции?

Белл на мгновение задумался.

— Да. Да, это так. Посмотри на это с другой стороны: При нынешнем положении дел нам нужно покрыть большую территорию. Это значит, что мы разбросаны по земле. Скажем, у нас сто Сородичей на тысячу квадратных миль, и десять городов, которые мы должны защищать. Это по десять Сородичей на город, так? И вот, допустим, приходит Шабаша с пятьюдесятью Сородичей. Если бы мы собрали всех наших ребят в одном месте, мы бы смогли их взять, верно? Мы бы превзошли их числом два к одному, и на этом бы все

закончилось. Но вместо этого у нас все идет по принципу — десять на десять, что означает, что вместо этого у нас целая куча стычек — пятьдесят на десять. И, поскольку в каждой схватке мы сильно уступаем в численности, они не несут ни малейших потерь. Так что мы теряем все сто человек, все десять городов и всю территорию.

— Теперь, вместо этого, мы берем всех наших ребят, отводим их к дальним границам этой тысячи миль и размещаем в двух городах. Конечно, мы потеряем немного территории, но теперь у Шабаша будет выбор честных боев. Еще лучше, если они ударят по одному городу всем, что у них есть — что в этот момент станет единственный шанс, который у них есть — мы можем вытащить половину Сородичей из другого города и всадить заточку прямо в их коллективную почку.

Лладислас кивнул.

— Солидно.

— Лучше бы он был надежным, черт возьми. Это единственный план, который у нас есть, и если он провалится, никто не будет беспокоиться о том, чтобы стать принцем нигде. Не останется места, где можно быть принцем. Не на Восточном побережье.

Лладислас разразился смехом.

— Черт, Тео, мне все равно негде будет быть принцем, когда все это закончится. Думаешь, они позволят мне вернуться? Ты получишь десять, когда они передадут мой город какому-нибудь сопляку из Вентру — в награду за оказанные услуги, а я уйду на задницу.

— Я не могу ничего обещать, Лладислас, но я замолваю за тебя слово. Но это будет завтра, если вообще будет. У нас есть более важные дела, например, эвакуация.

— Правда. Есть мысли?

— Несколько. Когда начнете приносить новорожденных, чтобы они впитывали пули, убедитесь, что они четырнадцатого поколения, в лучшем случае тринадцатого. Сейчас заманчиво сделать эту работу самому, но ты оставляешь своего ребенка позади, какой-нибудь засранец из Шабаша превратит его в свой личный шестипалый мешок, а мы предоставили помощь и комфорт врагу. Нет смысла позволять им есть больше, чем они поймают сами. Хм. Еще один момент. Держите в качестве пушечного мяса Бруха или Носси. Кто-нибудь другой, и кто-то будет кричать, как младенец, о несправедливом представительстве, слишком большом количестве Тремеров и тому подобном дерьме. Я постоянно слышу это из Нью-Йорка, где князь завалил их детенышами Вентру. Но из нашего рода получаются лучшие бойцы прямо из коробки, и вам не нужно заниматься ерундой, связанной с благородным лондонским Гангрелом, чтобы производить их. А Носси, ну, никого не волнует, сколько Носферату вы создадите; они не играют в политику там, где светит свет, так что толпа Элизиума может притвориться, что они не настоящие

Князь Буффало фыркнул от удовольствия.

— Прекрасно. И так верно!

Белл усмехнулся в ответ.

— Не так ли? Мы здесь сражаемся за наши жизни, но Вентру и Тремере все еще вынуждены мочиться друг другу на ботинки при каждом удобном случае, а Тореадор только и хочет, что критиковать цвет ручья.

Ладислас резко протрезвел.

— Жалко, не правда ли?

Белл кивнул.

— Действительно, жалко. — Он посмотрел на часы. — Черт. Рановато. Нужно сделать много работы, прежде чем дерьмо попадет в вентилятор. Тебя подвезти?

Ладислас кивнул, когда элегантный черный лимузин, который незаметно следовал за ними, подкатил к обочине.

— Всегда. Ранг все еще имеет свои привилегии.

Машина остановилась, и водитель, грузный мужчина с густыми, щетинистыми усами, подошел к обочине, чтобы открыть дверь. Ладислас махнул ему рукой. Он сам открыл дверь, жестом пригласил Беллу внутрь и забрался следом. Без лишней суеты машина покатила в сторону любимого пристанища Ладисласа. На востоке небо обещало первые намеки на рассвет. На западе были тучи и намек на гром.

Вторник, 10 августа 1999, 12:22
Межштатная автомагистраль 270
Рядом с Гарретт Парк, Мэриленд

МакЭллен был не из тех вампиров, которые признаются, что у них есть друзья. Это работало в обе стороны, поскольку не многие вампиры признались бы, что им нравится МакЭллен. Его боялись, да, и даже неохотно уважали за его способность выигрывать больше боев, чем проигрывать, но даже среди асоциальных каинитов Шабаша он считался серьезной занозой в заднице.

Однако МакЭллен испытывал настоящую и серьезную привязанность к одному из членов своей стаи — унтихибу Бруха по имени Толливер. Толливер был ростом около пяти с половиной футов и почти такой же ширины, а телосложением напоминал бетонную морскую стену. Он говорил мало, но когда говорил, то переходил к делу как можно быстрее: Почти половина его разговора была посвящена тому, чтобы сказать другим членам стаи, которые болтали, чтобы они заткнулись. В драке он был столь же прямолинеен, расправляясь со всем, что попадалось ему под руку, в сочетании хладнокровия и жестокости.

По правде говоря, именно поэтому он так нравился МакЭллену. Характер у Макэллена был, мягко говоря, взрывной, и он регулярно выходил из себя. Действительно, “недостаток самодисциплины” был причиной, по которой его не приняли в совет *Les Amies Noir*; ему сказали, что на него просто нельзя положиться, чтобы сохранить спокойствие в моменты, когда необходим контроль.

В ответ он сделал все возможное, чтобы разрушить кабинет своего отца, и это было чем-то вроде чуда, он не был уволен на месте. Тем не менее, печально известный нрав Макэллена

преследовал его и все его дела, и это особенно портило его отношения с другими вампирами, которые знали достаточно, чтобы воспользоваться этим.

У Толливера тоже был такой характер, о котором шепотом говорили те, кто не хотел, чтобы им оторвали руки, а потом переломили пополам. Это был тот общий элемент, который объединил двух вампиров, грозного Ласомбру и угрюмого Бруха Унтимбу, в дружбу. На этом уровне они понимали друг друга так, как даже их товарищи по стае никогда не могли понять. Каждый уговаривал — или удерживал — другого от разрушительного бешенства; каждый видел, как другой впадает в ярость в бою, и понимал, что чувствует другой.

Именно поэтому МакЭллен решил бросить Толливера на остановке к северу от Вашингтона.

С одной стороны, признал МакЭллен, направляя фургон стаи в спокойном, по его мнению, темпе, было идиотизмом так ослаблять свои силы накануне битвы. В конце концов, бой, скорее всего, будет кровавым и отчаянным, а Толливер — лучшее, что у него было. С другой стороны, если выступление было ловушкой — а МакЭллен был в этом чертовски уверен, — он не хотел, чтобы Толливер пошел на дно вместе с ним. Он знал, что это означает перерезать себе горло, но что-то подсказывало ему, что он должен это сделать.

Поэтому, ради своего друга, МакЭллен провел всю прошлую ночь, придумывая, как бы подколоть этого сукина сына, как только он найдет удобное место, чтобы оставить его. Ему казалось, что он придумал что-то хорошее, но эта чертова штука должна была сработать, иначе у него будет один разозленный Толливер придет за его задницей, и одному Богу известно, в какую сторону прыгнет оставшаяся стая, если это случится.

Знак справа сообщал о том, что в двух милях впереди есть бензин, еда, туалеты и, надеюсь, кто-нибудь поест. МакЭллен прикусил губу так сильно, что выступила кровь, а затем объявил, что остановится на обочине, чтобы заправиться. Сзади раздался ожидаемый хор стонов и возгласов; МакЭллен не потрудился предупредить их, чтобы они не были неаккуратными, если будут питаться. Делать это было бессмысленно.

— У тебя еще полбака. — Толливер заглянул в машину со своего места на дробовике, на его лице было недоуменное выражение. Его оружие, автоматический дробовик военного образца, было зажато между коленями. — Почему мы заезжаем сейчас?

МакЭллен хрюкнул в ответ и перебросил фургон через две полосы, едва не спровоцировав аварию.

— До следующей чертовски далеко. Если что-то пойдет не так, я бы предпочел иметь полный бак, чтобы успеть добежать. — Это было слабо, МакЭллен знал, но вместо того, чтобы спорить, Толливер просто издал звук, выражающий одновременно неверие и покорность, и посмотрел в окно.

В этот час ночи, к счастью, остановка была почти безлюдной. На стоянке стояло несколько машин, а восемнадцатиколесные грузовики шумно храпели вдалеке. Одинокий служащий сидел, скучая, в будке в центре заправки, а свет в соседнем офисе был погашен. С искусной ловкостью Дуктус вкатил фургон внутрь и затормозил.

— Так, все выходите. Разомните ноги и не создавайте лишнего беспорядка. — Двери с грохотом распахнулись, и вампиры высыпали наружу, пробираясь по асфальту и размахивая веером в поисках добычи. МакЭллен выбрался сам и с неожиданным удовлетворением наблюдал, как они уходят.

Обойдя фургон с другой стороны, он с удовлетворением увидел, что Толливер не ушел. Вместо этого Бруха сидел на корточках возле фургона, сцепив пальцы за головой.

— Так в чем, собственно, дело? “Я просто хотел, чтобы они вышли на минутку”? — По тону Толливера было видно, что он не верит ни единому слову. Опустив голову, МакЭллен начал трудоемкий процесс заполнения бака фургона.

— Я хотел, чтобы они ушли, чтобы мы могли поговорить. Я не против сказать тебе, Виктор, что все это воняет.

Толливер кивнул и встал.

— Так и есть. Пахнет ловушкой. Каков ваш план?

— Выясните, что это за ловушка. Выясни, на ком она должна закрыться. — С шипением и щелчком поток газа прекратился. МакЭллен выдернул сопло и уставился на показания насоса. — Черт. Двадцать три доллара за паршивую половину бака?

Толливер проигнорировал это отступление.

— И что потом?

— А потом я уберу твою задницу с линии огня.

С этими словами МакЭллен поднял сопло вверх со всей силой, на которую был способен, направив силу своего вите, и ударил Толливера под челюсть. Удар был достаточным, чтобы раздробить кости и полностью свалить вампира с ног. Толливер упал в пятнадцати футах на бетон, его череп ударился о землю со звучным стуком, который заставил вздрогнуть даже МакЭллена.

С осторожностью дуктус отпустил шланг и подошел к лежащему Толливеру; если Бруха все еще в сознании, все быстро полетит к чертям.

Пятно крови обозначило место на бетоне, куда попал Толливер; похоже, он потерял сознание. Макэллен оглянулся через плечо и не увидел остальных членов стаи. Идеально.

С ворчанием он взвалил антитриха на плечо и рысью направился к одному из массивных мусорных контейнеров. Почти без усилий МакЭллен затащил друга внутрь. Жилище было вонючим, но оно обеспечивало защиту от солнечного света, пока Толливер не придет в форму и не сможет позаботиться о себе сам.

Не попрощавшись, МакЭллен трусцой побежал обратно к фургону. У остальных, конечно, возникнут вопросы, но он скажет им, что Толливер получил специальное задание или что-то в этом роде. Они будут сучиться, стонать, полуне верить, но спорить не станут. Адель могла бы взять на себя обязанности Толливера, и все бы наладилось. Каким-то образом все получится.

Вторник, 10 Августа 1999, 10:14 PM
Гаранти Билдинг
Буффало, Нью-Йорк

— Я не могу этого сделать, Лладислас. Ни за что, ни за что на свете я не смогу этого сделать.

У оратора был один из самых больших носов всех времен, и это была его лучшая черта. Его кожа была цвета мокрого бумажного пакета, за исключением бородавчатых выступов на лысине. Они были невозможного зеленого оттенка. Глаза у него были свинячьи и маленькие, запрятанные в глубокие глазницы и скрытые морщинистой кожей. На подбородке у него был клочковатый хохолок, который когда-то мог быть бородой, но теперь служил лишь для того, чтобы скрыть чесоточную рану, которая, казалось, никогда не заживет. На нем было синее пальто с широкими рукавами, надетые поверх развалин, бывших когда-то отличным комбинезоном и рабочей рубашкой. Только его сапоги, до колена начищенные и черные, выглядели новыми. Его звали Томаш; он был представителем Носферату в совете первородных Лладисласа; и он был глубоко недоволен.

— Я не могу, абсолютно не могу согласиться на это, на эту пародию на план. Я не отдам свой клан на заклятие.

— В последний раз повторяю, Томаш, это не твой клан! — Князь хлопнул кулаком по столу. По дереву поползли мелкие трещины. — Ты, твои дети и их жалкие детишки выйдут сухими из воды, если выполните мои указания. Если же нет, то, да поможет мне Бог, я оставляю вас и ваших здесь умирать, а на могилу Неизвестного Носферату каждый год буду посылать букет маргариток. Проклятие! Он поднял наполовину наполненный кубок и швырнул его в стену; кровь, которая была в кубке, сделала зазубренный след пятна на месте удара.

Вурдалаки бросились убирать, но Ладислас зарычал на них, и они исчезли.

Томаш поднял свой кубок, который был еще полон, и шумно отпил из него. — Темперамент, темперамент, Ладислас. Битье мебели не произведет на меня впечатления, совсем не произведет. Если ты не сможешь дать мне что-нибудь, хоть что-нибудь, чтобы убедить меня в том, что этот идиотский план сработает, я уйду и сам все устрою.

— И что, черт возьми, это должно означать?

Князь Бруха склонился над столом, его тело дрожало от едва сдерживаемой ярости. Томаш увидел вблизи, как пальцы большего человека впиваются в дерево стола, и решил, что нужно примириться.

— Это просто означает, что я не убежден, совсем не убежден, что этот план сработает, и надеялся, что ты меня убедишь.

Ладислас оттянул губы назад в ухмылке, которая показывала слишком много зубов.

— Я же сказал тебе. Все очень просто, и прежде чем ты начнешь жаловаться, это не мое, так что мои жалобы ни к чему не приведут. Нам придется эвакуировать город. Без — если, без “и” и без — но. Я уверен, вы читали отчеты из Атланты. На самом деле, я уверен, что у вас лучшие источники, чем у меня. Вы всегда так делаете. И, прочитав эти отчеты, как вы думаете, каковы наши шансы против того, что грянет?

Томаш поджал губы.

— Где-то между нет и нет.

— Именно. И, как и вы, я не намерен быть убитым. Я также не намерен позволять Шабашу наживаться на моем городе. Я хочу, чтобы это место стало гвоздем в их шины, шипом в их боку. Я хочу, чтобы они потратили так много времени на Буффало ради такой малой выгоды у них лопаются кровеносные сосуды при мысли о том, как сильно их поимели. Вам нравится эта идея?

— Конечно, да. Но я не понимаю, как то, что вы задумали, может это сделать.

— Вообще-то это идея Белла, но я считаю ее блестящей. Краткая версия такова: Мы берем вашу младшую неонат — как ее зовут, Эшли?

— Фиби Эшли, да. Какое отношение она имеет ко всему этому?

— Она получает возможность воплотить в жизнь фантазию многих старейшин: практически неограниченное право на творчество.

— Но это же абсурд! Она едва выжила после нескольких... Я имею в виду, почему ты... — В глазах Носферату промелькнуло внезапное понимание. — Ага. Очень умно.

— Как я уже сказал, кредит Белла. Эшли — просто самый удобный кандидат.

Томаш пожал плечами.

— Что ты хочешь сделать с Фиби? Просто выпустить ее на свободу? Это кажется мне плохой, плохой идеей.

— Уже придумали. Мы скажем ей пойти в клубы и выбрать поддюжины, нет, дюжину симпатичных парней и девушек из

тех, кем она была раньше. Она привезет их в безопасное место, которое я предоставляю. Она обнимает каждого из них, а затем таинственная, теневая фигура — вообще-то я имел в виду тебя, но я сам возьмусь за это, если ты не хочешь этого делать — может войти и сказать малышам, что их единственная надежда на возвращение к человеческой жизни — это отбиваться от нашествия монстров, и так далее, и тому подобное. — Он поднял руку, чтобы предотвратить неизбежный взрыв. — Что ты собираешься делать, сказать им правду? Половина убежит, а остальные присоединятся к Шабашу. Если мы не будем им врать, у них не будет стимула сражаться за нас, и есть все причины не делать этого. Кроме того, если мы протянем им пряник, чтобы они вернулись, мы также сможем заставить их соблюдать Маскарад. А так они готовы, хотят и жаждут сражаться.

— Я хотел сказать, — вмешался Томаш с ноткой едкости, — что не уверен, что они будут в боевой форме, если нападение произойдет так скоро, как вы говорите.

Выражение лица Ладисласа стало очень холодным.

— Честно говоря, Томаш, неважно, есть они или нет. Они не должны выиграть этот бой. — Более мягко он сказал: — Они даже не должны выжить.

— А что, если они это сделают? — Ладислас просто посмотрел на Томаша, а тот отвел взгляд. — А. Понятно.

— Другого пути нет. Все, для чего нам нужны эти сородичи, это для создания препятствий. Чтобы заставить Шабаша остановиться, осмотреться и долго обживать здесь, прежде чем двигаться дальше к следующему городу, чтобы мы выиграли время для нашей обороны. Я буду честен с тобой, Томаш. Ты мне не особенно нравишься. Если бы я был предоставлен самому себе, мне было бы все равно, если бы ты

или Эшли провалились в канализационную решетку и были съедены одним из твоих аллигаторов-мутантов. Но я принц. У меня есть долг, к которому я отношусь серьезно. Этот долг заключается в том, чтобы взять на себя ответственность за этот город и Сородич в нем, и на данный момент ты — часть этой ответственности. Как только мы покинем это место, это закончится, по крайней мере, временно. Ты будешь волен плевать в мое пиво, блевать на мои ботинки и рассказывать остальному миру обо всех грязных делах, которые я совершил. Но на данный момент я — принц. Это то, что мы делаем, потому что так сказал принц, и потому что это единственный шанс вернуть город. Никогда.

Томаш поднял голову.

— Это воняет, ты же знаешь. Это воняет до небес, и будет много кусков, которые придется собирать, даже если это сработает.

— Мы уже имели дело с массовыми исчезновениями, или вы не помните 96-й год?

— 18- или 19-?

— Разве это имеет значение?

— Не совсем. Но за это придется отчитаться.

Лладислас сделал пренебрежительный жест.

— Томаш, мы — сородичи. За все, что мы делаем, есть отчет, и за этот отчет есть отчет, и так до бесконечности. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Так что сделай свою отметку в своей книге, и пусть Эшли сделает свою, и пусть расплата наступит тогда, когда она наступит. А пока делай то, что я тебе говорю, иначе у тебя не будет времени сделать этот знак. —

Князь Буффало на мгновение закрыл глаза. — Имейте в виду, даже если вы откажетесь, все это будет продолжаться. Я договорился с Баухманом, что он тоже этим займется; он даже согласился остаться и проследить за начальной стадией дела с Харашти. Я могу сделать это без тебя. Я бы предпочел сделать это с тобой. Со стороны все будет выглядеть лучше, и это облегчит мою работу. А сейчас мне не нужно ничего, что бы усложняло мою работу. У нас есть взаимопонимание, Томаш?

— Понимание, да. Идеальное. Если позволите? — Носферату поднялся на ноги и направился к двери. Дойдя до нее, он остановился и оглянулся через плечо. — Я доставлю Фиби к вам через час. Она, по крайней мере, достаточно понимает, что происходит, чтобы быть полезной, хотя я подозреваю, что она плохо перенесет шок от того, что все ее дети были убиты. Возможно, вам придется усыпить и ее. Для блага плана, конечно. Томаш вышел, держа спину так прямо, как только мог. Один из ожидающих гулей закрыл за ним дверь, и Ладислас остался один в комнате, и только слабый запах пролитой крови в воздухе отвлекал его.

Он просидел так целых четверть часа, пока гуль у двери робко не постучал и не просунул голову в комнату.

— Ваше Величество? Вы просили передать вам, когда прибудет господин Бауман, и... он.... — Ладислас обернулся, не потрудившись скрыть выражение лица, и гуль резко побледнел и заикался.

— Пусть войдет, — только и сказал принц, и гуль убежал. Через несколько минут он вернулся, ведя за собой невысокого жилистого родственника в джинсах и рубашке отвратительного оранжевого оттенка. Ладислас взял себя в руки, когда гуль скрылся. — Мистер Бауман. Рад, что вы смогли прийти. У меня есть для вас небольшая работа, которую, я надеюсь, вы найдете достойной. Если вам это не интересно, я пойму; я уже

поговорил с Томашем о том, как справиться с частью работы, и он, конечно, может взять все на себя. Но если вы хотите участвовать, для вас найдется место. Честно говоря, этой штуке нужен один из нас, Бруха, чтобы держать ее за руку, если вы понимаете, о чем я.

Бауман оглянулся на дверь, которая только что захлопнулась за ним. гуля нигде не было. Там были только он и принц. Тот самый принц, отметил голосок в его голове, против которого он пятнадцать лет вел сопротивление. Конечно, он вернулся в строй и более или менее освоился в Камарилье, но эта ситуация ужасно напоминала подставу.

— Конечно, Ваше Величество, — сказал он, устраиваясь в кресле. — Что я могу для вас сделать?

Вторник, 10 Августа 1999, 10:42 PM
Под Морским проездом
Буффало, Нью-Йорк

Для некоторых представителей рода Буффало было бы неожиданностью узнать, что убежище Томаша Носферату не было по щиколотку в грязной воде. В нем также не было запаха гниющего мусора, канализационных стоков и даже не было ни одного предмета старой, сломанной мебели. Может быть, у Томаша и было лицо, как у недельного убитого, но он любил комфорт, и его главное убежище отражало это.

Правда, убежище находилось в ливневой канализации, но это была боковая камера, приподнятая на фут от туннеля, который к ней вел. Коридор был усеян светящимися грибами; одни обозначали ловушки, которые Томаш кропотливо расставлял годами, другие — безопасные пути. Только он и несколько его детей знали, какие виды грибов что означают. Дальше в темноте в слабом свете поблескивали бдительные глаза дозорных крыс. Никто, ни смертный, ни род, ни кто-либо другой, не мог приблизиться к убежищу Томаша без того, чтобы Томаш не узнал об этом.

Время реакции было чем-то близким и дорогим для небьющегося сердца Носферату, и он старался, чтобы его всегда хватало. В данный момент, однако, у него его не было, и это ему ничуть не нравилось. Именно поэтому он нашел себе компанию, которую даже он сам считал сомнительной в своем убежище.

Не то чтобы Дастин был особенно уродлив. По стандартам Носферату он был почти красавцем, и при плохом освещении мог сойти за нормального. Сейчас он сидел на одном из искусно вырезанных стульев ручной работы Томаша (привезенных с большими затратами и трудностями из Кракова), был

идеальным гостем и внимательно слушал все, что говорил хозяин.

Нет, причина, по которой Дастин имел несколько шаткую репутацию даже среди своих сородичей, заключалась в том, что он любил играть с огнем, а это заставляло беспокоиться даже других Носферату.

— Мне это не нравится, совсем не нравится. Томаш расхаживал взад и вперед по персидскому ковру, которому было пять десятилетий, и на котором не было ни одной нитки не на своем месте. Позади него свет искрился на коллекции венского серебра, которое любовно приобреталось в течение ста лет. — Что-то не так. Дастин, ты мне нужен.

Младший Носферату неловко переместился в своем кресле.

— Почему я? Где Фиби?

Томаш помрачнел.

— У нее... другие дела. Но Дастин, в любом случае, это что-то больше по твоей специальности.

Дастин ухмыльнулся, показав зубы во все стороны.

— То есть ты хочешь, чтобы кого-то убили, а милая милашка Фиби не готова к грязному делу?

Томаш покачал своей неправильной формы головой.

— Нет, не совсем. Мне нужно, чтобы ты следил за мной. Убивать, если придется, но в основном следить.

— Я не понимаю. Дастин встал и тщательно вытер пыль со стула, его движения были на грани преувеличения. — Значит,

тебе нужен кто-то для присмотра. Пришли своих крыс и не впутывай меня в это.

Томаш предостерегающе помахал пальцем. — Нет, атс для этого не подойдет. Мне нужны острые глаза и хороший ум за ними. Если бы ты больше учился, ты бы знал крысы ограничены в некоторых отношениях, в некоторых очень важных отношениях.

Дастину не удалось скрыть взгляд, который выражал глубокое чувство — все равно, и он сделал шаг в сторону выходного туннеля.

— Это хорошо. Что теперь?

— Сейчас происходит следующее: ты остаешься, когда мы с Фиби уходим, и сохраняешь себе жизнь, чтобы ты могла рассказать мне, что происходит на самом деле. Я не доверяю этому.

— Я так понимаю, что отказ — это не вариант?

— Это всегда вариант, но частью этого варианта является принятие последствий отказа.

— Ах. — Дастин открыл рот и снова закрыл его. — Блин. Я хотя бы смогу отбиться, если они меня заметят?

Томаш развел руки в широком жесте.

— Конечно. От тебя нет пользы никому из нас, мертвых, так что делай, что должен. Только помните, для чего вы здесь. У тебя репутация... слишком большого энтузиаста. В этом деле она тебе не поможет.

Младший Носферату хихикнул.

— О, не волнуйся. Мне нравится моя кожа, и в эти дни я готовлю несколько сюрпризов. Я выберусь целым и невредимым.

— Тебе лучше, Дастин. Я полагаюсь на тебя. И я думаю, что ты найдешь вознаграждение за это задание подходящим.

— О, правда. Ну, тогда мы обсудим это, когда я догоню тебя. Пусть крысы скажут мне, где находится место встречи. Мне нужно кое-что подготовить.

С этими словами он скрылся в темноте. Томаш пробормотал что-то, что могло быть проклятием или прощанием, а затем принялся собирать вещи. В темноте возле его дома крысы тихонько переговаривались друг с другом.

Вторник, 10 августа 1999 г., 11:02
Под улицами Луизиана и Сенека
Буффало, Нью-Йорк

В отличие от убежища Томаша, убежище Дастина было буквально дырой в земле. Более того, это была скорее рабочая комната, чем что-либо еще. Дастин был любителем мастерить, и он избегал “нормальных” увлечений Носферату — разведения чудовищных гулей, выращивания грибов и прочих стереотипных игр — в пользу создания устройств, которые заставляли его сородичей опасаться его компании. В жизни он был механиком, и тяга разбирать вещи, чтобы потом собрать их лучше, не покинула его, когда он стал Воплощенным. Он просто переключил свой интерес на вещи, которые были более уместны в его нынешнем состоянии.

Это был один из тех проектов, которые волновали его сейчас. Он лежал на верстаке в разобранном виде, а Дастин взял ножницы и отрезал куски пластиковой ленты. Насвистывая что-то, что могло бы быть руной Оффспринг, пока он не искажил ее, он прикрепил пряжки к ремням, сложил пластиковое переплетение и использовал плоскую часть еще горячих ножниц, чтобы расплавить печать на месте. На верстаке весело пылало небольшое газовое пламя; от горелки шел шланг к зловеще большому баллону. Большинство родственников лезли бы на стены, лишь бы оказаться подальше от такого устройства, но Дастин, по собственному признанию, был странным. На интеллектуальном уровне он точно знал, какой вред может нанести ему открытое пламя, особенно то, что пылало на его верстаке. Он провел мучительные недели, восстанавливая плоть на руках после нескольких особенно неприятных несчастных случаев, и он мог почувствовать хищный, безумный страх перед пламенем, который все еще таился внутри него каждый раз, когда он включал газовый баллончик.

Но это было ничто по сравнению с тем восторгом, который он получал от созерцания огня, от наблюдения за его танцем, мерцанием и вспышками. В редкие философские моменты Дастин размышлял о том, что на каком-то внутреннем уровне он знает, как мотылек чувствует себя на свету.

Однако в этом наваждении была и практическая польза: Даже другие Сородич считали Дастина более расколотым, чем яичная чашка во время землетрясения, и, как правило, обходили его стороной. Это вполне устраивало Дастина, поскольку он мало интересовался политикой и еще меньше — тем, чтобы ему покровительствовало -жалкое квинтет родни, державшееся за хвост принца Ладисласа. Дастину нравилось быть в темноте, нравилось, когда его оставляли наедине с его игрушками, и нравилось регулярно заставлять слишком тонкую кровь Томаша кипеть. Помимо этого, все остальное было лишь подливкой.

С ворчанием Дастин продел ремни через проушины на задней стенке большого металлического бака, затем подержал ножницы в пламени в течение минуты, чтобы снова нагреть их, прежде чем закрепить ремни.

— Надеюсь, эта чертова штука сработает, — сказал он себе и начал пристегивать алюминиевый бак к спине.

Среда, 11 августа 1999, 2:16 AM
Межгосударственный 270
Рядом с Гарретт Парк, Мэриленд

Толливер жил на помойке уже более двадцати четырех часов, и ему это откровенно не нравилось. Его челюсть все еще состояла из трех кусков там, где ублюдок МакЭллен сломал ее. Затылок болел, хотя, по крайней мере, ему удалось заделать трещины в черепе и остановить кровотечение. И в довершение всего от него пахло гниющим фастфудом, старой дождевой водой и рвотой. В общем, все было хреново, но ему чертовски повезло, что мусорный бак не опустошали днем.

Как бы негостеприимно ни было окружение, ему нужно было время, чтобы вылечиться, и он решил, что будет жить здесь, пока не появится подходящий транспорт. Тем временем здесь было достаточно еды и крова, и он мог быть терпеливым вампиром, когда это было необходимо.

Минуты шли. Он присел на мусорный контейнер и стал ждать, когда появится подходящая машина. Приезжали и уезжали минивэны, разбитые — Форды, помятые — Тойоты — и почти все остальное, что только можно себе представить. Наконец, появился идеальный экземпляр.

Машина была черным кабриолетом, одним из тех приземистых маленьких — Бимеров, которые были в моде год или около того назад. Верх был опущен, так что Толливер мог видеть водителя — женщину, путешествующую в одиночестве. Казалось, она совершенно не замечала ничего, кроме себя и своей машины, что означало, что он сможет подобраться к ней без проблем.

К тому же, насколько он мог судить, она была привлекательной.

Без звука он спрыгнул со своего насеста и двинулся в сторону бензоколонок. Другие машины проносились мимо, но Толливер не обращал на них внимания. Он уедет отсюда так быстро, что будет неважно, что его увидят.

Водитель как раз садился обратно, когда подошел к кабриолету. Она стояла к нему спиной. Все было идеально.

— Мисс? — сказал он, готовясь схватить ключи. — Могу я попросить у вас немного мелочи?

Люсита повернулась, ее взгляд остановился на Толливере.

— Я так не думаю. Залезай.

— О, черт, — слабо сказал он и забрался на пассажирское сиденье. Его мозг кричал, чтобы он бежал, но он не мог. Воля Люситы оживила его конечности и заставила его покорно сидеть. Слезы выступили на глазах, когда он попытался сопротивляться, но это было бесполезно.

Люсита села на водительское место, захлопнула дверцу и завела машину. Рядом с ней Толливер буквально трясся от ненависти и усилия сопротивления, но не сделал ни одного движения. Презрительно фыркнув, Люсита нажала на педаль газа, и машина выехала на съезд с шоссе.

Несколько минут в машине царило молчание, затем Люсита небрежно спросила: — Что ты здесь делаешь? Толливер сидел, молча. — У тебя есть еще десяток миль, чтобы ответить, — мягко сказала она. — Иначе я буду раздражена. Толливер по-прежнему ничего не сказал. Без всякого сожаления мимо промелькнул дорожный знак. — Хорошо. Если вы настаиваете. Открой дверь.

Медленно, неумолимо рука Толливера дотянулась до ручки и потянула ее. Дверь на секунду распахнулась, а затем покатилась обратно, закрываясь. Толливер беспомощно пытался удержать ее открытой. Его глаза встретились с глазами Люситы, когда он с ненавистью взглянул на нее, и слишком поздно он понял ошибку.

— Держите дверь открытой. Возьмите правую ногу и поставьте ее на поверхность дороги. Держите ее там, несмотря ни на что. Вы можете поднять ее, когда решите, что готовы поговорить со мной.

Не отрываясь, Толливер смотрел, как его правая нога подворачивается, а стопа опускается в сторону шоссе. Он был храбрым человеком и не боялся боли, но наблюдение за тем, что медленно, неотвратимо происходило с ним, было почти нервным.

Затем его нога начала скрести асфальт на скорости девяносто миль в час, и времени на страх больше не было.

Однако времени на крик было достаточно.

Среда, 11 августа 1999 г., 2:20 AM
Клуб “Убежище”
Буффало, Нью-Йорк

Фиби ненавидела музыку, которую играли в клубах в эти дни. В ней не было ни элегантности, ни стиля — только удары, напоминавшие ей мужчин на каторжных работах, закованных в цепи по щиколотку и превращающих большие камни в маленькие. Вследствие этого она ненавидела красивых людей, которые каждый вечер выходили танцевать под эти удары. У них все еще была своя красота, красота, которую у Фиби отняли за то, что она однажды ночью посмеялась не над тем мужчиной. Они все еще могли смотреться в зеркало и не плакать о том, что могло бы быть, о потерянных восхищенных взглядах и сердцах, которые Фиби никогда не сможет разбить.

Неудивительно, что ей нравилось охотиться на клубной сцене почти до полного исключения, и что она была немного более жестокой в кормлении, чем многие. Но сегодня эта ненависть служила всем — и Фиби, и Ладисласу, и Тео Белл.

— Фиби, — сказал принц, улыбаясь и любезничая, — мне нужна твоя услуга.

Позади него стоял гигантский архонт, ничего не говоря и почти хмурясь, явно готовый сыграть роль плохого полицейского, если попытки Ладисласа убедить его не увенчаются успехом. Белл напугал ее так, как раньше пугали большие кошки — мускулами и грацией, которые могли разворачиваться со смертельной скоростью. Сделав над собой усилие, она вернула свое внимание к тому, что говорил Ладислас.

— Видите ли, нельзя терять время. Мне... нам нужно, чтобы вы приступили к делу немедленно.

— Сол, посмотрим, правильно ли я все поняла, — проговорила она. — Я должна выйти в город и принести подюжины...

— Десять, — сказала Белл.

— Десять хороших молодых людей домой и превратить их в... в то, чем я являюсь, а потом выйти за дверь и больше никогда их не видеть?

— Именно. — Ладислас кивнул с настойчивостью человека, который хочет поскорее закончить эту чертову встречу, чтобы попасть либо на поле для гольфа, либо в мужской туалет. — Выбирай. Не беспокойтесь о прикрытии исчезновения; я уже поручил это Харашти. У нас есть безопасное место в Ланкастере, выбранное для Объятий, так что вам не придется беспокоиться об этом. Единственная проблема — это время, которого у нас крайне мало.

Фиби смиренно скрестила руки на коленях.

— Я, конечно, готова обсудить этот вопрос, милая, но у меня в голове звучит вопрос, что я получу от этого соглашения.

— Благодарность некоторых очень важных людей, — хмыкнул Белл. — А это стоит гораздо больше, чем вы думаете.

Носферату победно улыбнулся.

— Конечно, но я хотел бы узнать, могу ли я получить небольшой знак более конкретной признательности?

Белл бросил взгляд на Ладисласа, который ответил ему взглядом, близким к отставке. Он вздохнул.

— Чего вы хотите?

— Если я никогда больше не увижу этих детей, я хочу, чтобы один из них остался у меня. Когда это, что бы это ни было, закончится, я хочу сделать так, чтобы мне не пришлось уходить.

Даже не взглянув на Беллу, Ладислас сказал:

— Готово. Внизу вас ждет машина. Скажите Тритшу, куда вы хотите поехать, и он займется всем транспортом. Ужин ждет вас в Ланкастере. Увидимся завтра вечером, чтобы услышать твою оценку того, как все прошло.

— Мне нужно пойти домой и подготовиться. Ты же не можешь ожидать, что я выйду на улицу в таком виде?

— Хорошо. Неважно. — В голосе Белла явно звучало раздражение. — Скажи водителю, где ты его встретишь. Только не задерживайся.

И вот так просто они ее уволили. Тот факт, что Ладислас так легко уступил ее требованию, заставил ее подумать, что ей следовало просить большего. Либо это, либо князь не собирался оказывать честь своему благодетелю, но она постаралась выбросить эту тревожную возможность из головы. И вот она вошла в “Эш” (она полагала, что название было игрой слов; она презирала подобные вещи), последний в длинной череде ночных клубов, которые появлялись, привлекали толпы на сезон, а затем угасали. Сейчас ей нужно было быть осторожной; она уже побывала в пяти других местах в поисках рекрутов (она просто не могла называть их иначе) и не думала, что ее узнают здесь, но никогда нельзя было сказать наверняка. Иногда по ночам толпа вдоль рэка была беспокойной и перетекала из клуба в клуб, как вода. Если кто-то видел ее в — Вратах Габриэля, а потом в “Зообаре” и видел, как она выходила из каждого клуба с кем-то...

Она запаниковала и подумала о том, чтобы сменить лицо на новое — скажем, на лицо девушки МакКлеменс, которую она встретила во время поездки в Саванну, — но было уже слишком поздно. Она уже была внутри, и если бы она зашла в ванную, чтобы сменить лицо, не меняя наряда, это могли заметить, и, о, проклятие и адский огонь. Слишком поздно, девочка, сказала она себе. Но после этого случая я точно пойду домой, чтобы сменить наряд и сменить лицо. Расправив плечи и слегка покачиваясь, она окунулась в толпу.

Поиск подходящего рекрута не занял много времени. Он был высоким и худым, с руками, которые постоянно вздрагивали, когда он говорил, и тонкими усами. Его волосы были коротко подстрижены, и он носил красный жилет поверх белой рубашки и серых брюк. Фиби подумала, что он похож на официанта в итальянском ресторане, и, честно говоря, не придавала бы ему значения, если бы он не пристал к ней, когда она проходила мимо.

Не то чтобы она могла винить его, отметила Фиби. Сегодня она превзошла саму себя, сделав себе идеальную алебастровую кожу, агрессивно подстриженный блондин и лицо с высокими скулами, пронзительными голубыми глазами и эльфийскими чертами, которые могут натолкнуть некоторых не очень приятных мужчин на определенные не очень приятные мысли. Черный наряд был, пожалуй, слишком строгим, но это нисколько не повлияло на ее успех. А теперь она нащупала ниточку и медленно, но верно вела его прочь от друзей и в ночь. В данный момент он был занят тем, что рассказывал ей все о себе, не сомневаясь, что хочет вызвать ее восхищение и желание. Конечно, она находила все это смешным — увидев пятивековых вампиров, поющих колыбельные песни десяткам тысяч крыс, она не находила руководителей отдела маркетинга спортивных баров слишком впечатляющими.

Фиби продолжала болтать, пока шла к двери. Когда он сделал паузу, чтобы перевести дух, она вмешалась:

— Исая, сладкий, это совершенно очаровательно, но, боюсь, я не слышу и половины того, что ты говоришь в этом, — она сделала жест, охватывающий весь клуб, от закрытой кабинки диджея наверху до переполненного танцпола и дымчатой дымки столиков, отгораживающих бар в задней части, — ужасно шумном месте. Но мне бы так не хотелось заканчивать вечер так рано.

— Не могли бы вы...? — Она позволила этому заявлению оборваться, и подцепила крючок палец в рот. — Нет, нет, я не могу просить тебя об этом. Это было бы слишком откровенно. Вы бы ужасно обо мне подумали, я уверена.

— О, нет, нет, нет. Совсем нет. Спрашивайте что угодно. — Исая наклонился вперед с почти лихорадочным нетерпением. Фиби заметила, что когда она слегка пожала плечами, мальчик точно не смотрел ей в глаза. Это, а также небольшая, но заметная бледная полоска на его пальце, где должно было быть обручальное кольцо, несколько облегчили задачу.

— Я тут подумал, что нам не обязательно заканчивать вечер сейчас. Если, конечно, вы не устали от моего общества?

Исая нервно облизнул губы.

— Конечно. Я имею в виду, куда бы ты хотел пойти? Я бы предложил свою квартиру, но сейчас там ужасный беспорядок, я ужасная экономка, должен признать...

“И твоя жена, вероятно, не будет очень рада, если ты притащишь домой какую-нибудь блондинку, сахар”, — мысленно закончила она фразу.

— Да ничего страшного. Я подумала, может быть, ко мне?

Исайя кивнул.

— Конечно, наш. И тебе не стоит беспокоиться, я не думаю, что я когда-нибудь устану от твоего общества.

На другой стороне улицы Тритш ждал, молчаливый и эффективный, в таун-каре, который Владислас одолжил Фиби для вечерней работы. гуль вышел из машины и открыл дверь.

— Добрый вечер, мисс Фиби. — Он взглянул на Исайю. — Сэр.

— Мне отвезти вас домой, мэм?

— Это было бы просто замечательно, — сказала Фиби.

— Абсолютно чудесно.

Среда, 11 августа 1999 года, 3:08 AM
Северная часть шоссе 270
К югу от Фредерика, штат Мэриленд

Поразмыслив, Люсита признала, что, вероятно, могла бы просто заставить Толливера ответить на свои вопросы силой дисциплины, а не прибегать к пыткам, но Толливер был из тех вампиров, которые так и просят кулака. Он был непринужденно жесток и утомительно злобен, и она потеряла терпение с ним еще во время их первой встречи, много лет назад. Мучить его было все равно что мучить слизняка или жабу. У человека не было ощущения, что он играет с чем-то хотя бы отдаленно похожим на человека.

О, он сломался через пару миль, болтая все, что знал. Он упоминал, с кем он едет, куда они направляются, от кого они получили приказ и многое другое. Очевидно, МакЭллен и остальные приготовили для них убежище в тридцати милях от Буффало, место встречи, где вторая стая Эйнара должна была встретиться с ними. Затем они разгромят город, который, судя по всему, был слабо защищен. Это была новость для Люситы. Она расспросила Толливера о других передвижениях войск и так далее, но вампир поклялся, что ничего не знает. Поскольку к этому моменту он уже был изношен до лодыжек, Люсита склонна была ему верить.

В общем, столкнуться с Толливером в зоне отдыха было большой удачей. Люсита не любила полагаться только на разведанные Носферату, поэтому она отправилась в округ Колумбия, чтобы самостоятельно добыть информацию о своих целях.

В конце концов, если она собиралась преследовать Шабаша, то трудно было бы избежать территории Шабаша. И тут Толливер так любезно представился ей.

Когда он выложил все, что знал, она притормозила машину и вытолкала его в бурьян вдоль обочины. Солнце взойдет через несколько часов, и он поджарится. Или нет. Это уже не имело значения.

Машина Люситы была направлена на север, пока она ехала в ночь.

Толливер почти не двигался, когда Талли нашел его два часа спустя. Наблюдатель Шабаша — они были расставлены вдоль северной дуги Белтвея — клялся и божился, что заметил Люситу, промчавшуюся мимо в кабриолете, поэтому Талли, убедившись, что три архиепископа находятся в безопасных местах, отправился на разведку.

Проехав немного, Талли наткнулся на то, что смертный принял бы за результаты убийства на дороге, протасченного под машиной. Однако острый нюх гончей распознал *Cainite vitae*, даже если она была разбросана кровавой полосой вдоль шоссе длиной в пару миль. Недалеко от конца полосы Талли обнаружил Толливера. Коренастый и довольно изуродованный парень все еще был жив, более или менее.

Талли порезал ему руку зазубренным краем глушителя, который валялся неподалеку. Несколько капель крови оживили Толливера настолько, что он смог пробормотать в ответ на вопросы Талли о Люсите.

— Буффало... и команда МакЭллена, — стонал он во время коротких эпизодов почти полной ясности. — Она хотела знать.

Буффало... команда МакЭллена.

Талли потратил всего несколько секунд на то, чтобы позвонить по телефону, чтобы кто-нибудь подобрал найденного им бедного ублюдка. Сам Гончий направлялся на север. Он

знал, когда видел возможность. Люсита по какой-то причине собиралась в Буффало. Это был его шанс, без проклятых, высокомерных, невозможных архиепископов под ногами, дать ей понять, что ей не стоит утруждать себя поисками кого-либо из них; что он, Гончая, не допустит этого. Это был его шанс, в соответствии с пожеланиями Монкада, предупредить ее.

Это был и ее шанс. Если она не воспользуется им, знал Талли, ему, вполне возможно, придется убить ее.

Среда, 11 августа 1999, 3:13 AM
Stone Hedge Commons
Ланкастер, Нью-Йорк

Дом был новый, в новом жилом комплексе, который стоял на границе болот у какого-то ручья. Дом был в импрессионистском колониальном стиле, выкрашен в белый цвет с голубой отделкой. На крыльце горел свет, придавая всему этому странный веселый вид. Живая изгородь была аккуратно подстрижена, а газон — коротко подстрижен. Это был совершенно пригородный дом, хотя и немного мужественный для такого хрупкого и женственного существа, каким, по идее, была Фиби. Излишне говорить, что Исайя сразу же полюбил это место.

Тритч открыл дверь — Линкольна, а затем исчез так, как обычно исчезают хорошие слуги, оставив Фиби и ее жертву одних на прогулке. По дороге он несколько раз пытался завестись, но Фиби игриво отбивалась от него и указывала на водителя. — Скоро, — прошептала она ему. — Скоро мы будем дома.

А теперь они были — дома — — по крайней мере, в чем-то доме, и все это действительно скоро закончится. Она подвела его к двери и стала шарить в сумочке в поисках ключей; он воспользовался случаем и попытался украсть поцелуй. Она со смехом отбилась от него и снова сказала: — Скоро.

Дверь открылась в черноту. Фиби шагнула внутрь и потянулась влево, где, как она знала, находился выключатель. Исайя вошел следом за ней, закрыв за собой дверь. Пол в коридорах был деревянным, и верхний свет отблескивал от него. Чуть левее лестница с ковровым покрытием поднималась на второй этаж, а за ней находилась элегантно оформленная гостиная. Дальше по коридору находилась комната отдыха и

занавеска, скрывающая дверь во внутренний дворик. Стены были выкрашены в белый цвет, а на стене справа висел пейзаж, написанный кем-то, кто посещал по крайней мере несколько занятий. Фиби подумала, что это самая безвкусная, самая скучная, самая жалкая вещь, которую она когда-либо видела.

— Очень красиво, — сказал Исая. — Ты сама его украсила?

— Нет, — сказала Фиби, преодолевая желание стиснуть зубы. — Для меня это сделали люди. Хотя наверху намного красивее. Можно я вам покажу?

— Конечно, — ответил он. — После тебя? Он сделал жест, который девушка, выпившая несколько рюмок, могла бы счесть учтивым. Фиби просто сочла его грубым.

— Нет, нет, после тебя. Я хочу, чтобы ты удивился, когда окажешься на вершине лестницы.

— Если вы настаиваете. — Исая начал подниматься по лестнице, не утруждая себя поисками света, его мысли были заняты тем, что, как он думал, ждет его. Фиби, которой свет был не нужен, последовала за ним. Наблюдая за тем, как он поднимается по лестнице, она вдруг поняла, что очень устала от него, от его поз и прозрачных ожиданий, от его тонко завуалированного презрения к ней и возвышенного чувства собственной привлекательности и доблести. Убить его было бы, откровенно говоря, большим облегчением.

Исая вышел на площадку в верхней части лестницы, его шаги заглушал ковер. Фиби присоединилась к нему несколько секунд спустя.

— Интересно, — сказал он, — но немного тускло. Так что ты хотел мне показать?

— Эта дверь, сахар, — сказала она. — Ведет в спальню, которую я сама украсила.

— Правда?

— Почему бы и нет, — сказала она с озорным видом. Боже всемогущий, подумала она, я господствую над женой этого мужчины и люблю его.

— Проходи сюда, милый. Она открыла дверь и придержала ее для него. Он прошел мимо нее, и она последовала за ним, закрыв за собой дверь. — Закрой глаза. Я хочу, чтобы это было сюрпризом, когда я включу свет.

Он послушно сделал это, прикрыв глаза руками. Фиби выскользнула из пиджака, расстегнула блузку и сбросила маскировку, улыбаясь при этом. Она подошла к нему, единственное освещение в комнате — тусклый лунный свет через жалюзи. Глаза Исайи по-прежнему были послушно закрыты, а дыхание приобрело хрипловатый оттенок.

— Почти готово? — сказал он с какой-то жалкой надеждой.

— Почти, — сказала она и положила руки ему на плечи. — Сейчас.

Исайя открыл глаза и закричал. Фиби только улыбнулась.

— Как я тебе нравлюсь при лунном свете, сладкий? — сказала она и притянула его к себе в поцелуе. Он сопротивлялся, но ее руки на его плечах непреодолимо влекли его вперед. — Как я тебе нравлюсь сейчас?

Исайя закричал еще раз, один раз, прежде чем она закончила с ним и потащила его в подвал к остальным. Двое из

них начали шевелиться, но это была проблема Томаша, а не ее. Она просто работала в отделе кадров.

— Шесть вниз, осталось четыре, — сказала она в воздух и, выходя, закрыла за собой входную дверь. Тритч сидел, ожидая, на обочине. Он с безупречной вежливостью открыл перед ней дверь машины, а затем сел за руль.

— Вы прекрасно выглядите сегодня, мисс Фиби, — сказал он, когда Линкольн отъехал от обочины.

— Спасибо тебе, сладкий, — сказала она, искренне обрадовавшись. — Но опять же, я всегда так делаю, по крайней мере, в правильном свете. Я всегда так делаю.

Четверг, 12 августа 1999 г. 529 AM
Stone Hedge Commons
Ланкастер, Нью-Йорк

В подвале было чертовски темно, и это нравилось Томашу. Со своей позиции на вершине лестницы он мог видеть, что на полу лежат тела. Некоторые из них двигались, а некоторые нет; его беспокоили первые. Вторые были подброшены несколькими громиллами Ладисласа, чтобы новые дети питались ими, иначе они бы разорвали друг друга на части, что сделало бы всю затею бессмысленной. На мгновение он задумался, кем были жертвы. Возможно, бездомные мужчины и женщины, или люди, которых Ладислас хотел убрать с дороги по тем или иным причинам. Это не имело большого значения в великой схеме вещей, больше нет.

Томаш видел Фиби, когда она вернулась с последней охоты. Она выглядела изможденной и никак не могла больше продолжать. Он был рад, что она закончила, и не так рад, что его роль в этой маленькой драме началась. Тем не менее, &a jacta est, как сказал бы отец Андреас когда-то давно, в старой стране.

Томаш смотрел вниз, во мрак, все еще окутанный тенями разума, который он мог призвать к себе. Он привык к темноте, привык различать в ней мелкие детали и мог отчетливо видеть картину под собой. Там двигались десять фигур, некоторые из них были более -активны, чем другие. Двое сидели, прижавшись друг к другу, и раскачивались взад-вперед, словно испуганные. Другие тихо сосали трупы на полу, кормясь, как чудовищные младенцы у груди трупной матери. Один бесконечно, бессмысленно, бездумно бился о стену. Другой просто

шатался на руках и коленях, тихо плакал и обещал всем, кто мог его слушать, что больше никогда не сделает ничего плохого. При мизерном освещении они неприятно напоминали Томашу червей, деградировавших и нечеловеческих.

Томаш решил, что чем быстрее он с этим покончит, тем лучше. Поэтому он сбросил маску невидимости. Приготовившись на случай, если толпа решит броситься на него, он щелкнул выключателем на стене и яростно моргнул, когда флуоресцентные лампы на потолке -подвала ожили. От внезапно вспыхнувшего света все звери на полу подвала остановились и посмотрели на него. Он увидел в их глазах страх и холодную ненависть. Он не пытался замаскироваться, поэтому вся его отвратительность была выставлена напоказ. Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы напугать их, чтобы они послушались или хотя бы не пытались совершить какую-нибудь глупость. В свете фонаря на лицах новых вампиров начали расцветать первые бородавки, первые признаки чудовищности.

Он сел на ступеньки и улыбнулся так мягко, как только мог.

— Здравствуйте, — сказал он. — Меня зовут Томаш, и я здесь, чтобы помочь вам.

Все они смотрели на него, в их глазах была внезапная, страшная надежда. Они поверили ему, знал Томаш. Они поверили ему, потому что у них не было другого выбора, кроме как поверить ему. Не верить ему означало принять правду, слишком ужасную, чтобы ее можно было вынести. Не верить — значит признать, что они стали чудовищами, как Фиби.

Или он.

Он сделал глубокий, ненужный вдох и приступил к рассказу, который они с Ладисласом нехотя собрали, пока Фиби занималась грязная работа принца. Это звучало для него

неуклюже, обрывочно и неправдоподобно, но он уже знал лучше, и, в отличие от мужчин в комнате внизу, он не был в отчаянии.

В конце концов, отчаявшиеся мужчины могут поверить практически во что угодно.

Уже через несколько фраз Томаш понял, что все десять человек в его руках. Часть его продолжала бессвязно говорить, но внутри он думал: Они будут сражаться за нас. Они умрут за нас. И я не могу не сказать себе, что это будет доброта, когда они это сделают.

Рассвет был уже не за горами, когда Томаш закончил свой рассказ и пообещал мужчинам, что на следующий вечер за ними вернется кто-нибудь, чтобы помочь им. Он сказал им, что их держат в подвале, чтобы защитить от смертельного солнца, и что они будут спать без сновидений. Затем он оставил их валяться среди других трупов и запер дверь в подвал. Два гуля стояли там с ружьями, предположительно для того, чтобы вампиры внутри не пытались сбежать. Он кивнул им, проходя мимо: — Не думаю, что вам стоит беспокоиться о них, нет, — сказал Томаш. Когда дом был построен, спальня наверху была закрыта от дневного света. Ладислас любезно предложил ее Томашу, и рассвет был так близок, что ему ничего не оставалось, как принять приглашение.

Сама комната была удобно обставлена, с чистыми белыми простынями на двуспальной кровати и затянутыми пленкой окнами. Другой мебели в комнате не было. Закрыв за собой дверь и улегшись на кровать, Томаш с сонным неодобрением посмотрел на обстановку.

Завтра я соберу Фиву и мои сокровища, и мы оставим это место. И никто не узнает об этом.

Четверг, 12 августа 1999 г., 9:42
РМ Гаранти Билдинг Паркинг Лот
Буффало, Нью-Йорк

Род Буффало, те немногие, кто остался, уезжали. Все, кроме Ладисласа, Томаша и Фиби, уехали накануне вечером. Белл как раз собирался уезжать из города, когда пришло сообщение о первой встрече с Шабашитами. Он выглядел слегка удивленным, не обращая внимания на то, что с самого приезда он проповедовал обреченность и мрачность. Он остановился лишь на мгновение, чтобы убедиться, что Ладислас вскоре последует за ним, а затем отправился в Балтимор. Бауман остался позади, как и Дастин (хотя в последнем случае без согласия или ведома Ладисласа). гули были на месте, они вели новообращенное пушечное мясо на стратегические позиции и вооружали их. Харашти говорил по гарнитуре, отдавая приказы своим гулям и нервно вышагивая.

Весь день из города на юго-запад по шоссе 1-90 выезжали грузовики, управляемые гулями и содержащие ценное имущество эвакуирующихся вампиров. Большинство из них сменило бы по меньшей мере два водителя, прежде чем прибыло в конечный пункт назначения; те, кто сейчас сидел за рулем, понятия не имели, куда в конечном итоге направляется их груз. Большинству было все равно: Им либо хорошо платили, либо приучили не быть любопытными. Это делало их лучшими слугами.

Несколько оставшихся вампиров были сопровождены к машинам с шоферами вооруженными до зубов гулями. Еще больше таких же гулей заняли места в машинах, которые следовали за вампирами по дороге из города. Томаш и Фиби направлялись в Сиракузы, пока Дастин не сможет их догнать, а Ладислас ехал в Бельцы больше, чтобы объединить усилия со старейшинами Камарильи там. Другие знатные родственники

города в основном решили уехать в Огайо, по крайней мере, на время. Несомненно, некоторые вернутся на восток, а другие продолжат бежать.

Ладислас уже собирался забраться в свой — Линкольн, когда Харашти остановил его.

— Босс, у нас еще одна встреча.

— О? — Ладислас не двигался, возможно, мудро. — Как далеко?

— Около двадцати минут по 90-му шоссе на запад; они лучше, чем я думал, если подобрались так близко, не заметив моих людей. Я сказал водителю Носферату срезать до US 20 и ехать по ней на восток. Это странный маршрут, по которому они едут, но чего вы ожидали?

— Сколько?

— Пока два фургона. Вероятно, передовые разведчики. Харашти сделал паузу и огляделся. — Вам, наверное, пора идти, сэр. Было очень приятно. Увидимся в Балтиморе.

Ладислас кивнул, внезапно почувствовав себя неловко. — Да, конечно. Спасибо, Густав. Ты знаешь, как я ценю твою службу. Делай то, что тебе нужно.

— Я всегда так делаю, босс. Счастливого пути.

Без дальнейших комментариев князь Буффало забрался в свою машину и захлопнул дверцу. Его водитель, Тритш, подождал мгновение, чтобы убедиться, что его пассажир освоился, а затем отъехал. За ним выехали еще три машины, нагруженные вооруженными гулями.

Последний князь Буффало официально покинул свой город.

Харашти смотрел вслед уезжающим машинам и вдруг почувствовал себя очень одиноким. Он задал несколько вопросов в голову и получили удовлетворительные ответы. Баумана видели занимающим свою позицию с несколькими его детьми. Остальные свежие Бруха были на месте в центре города, хотя один настоял на том, чтобы расположиться у элеваторов. Носферату доставляли больше хлопот, но гуль был уверен, что в хрущевке они будут драться лучше. Большинство из них находились в парке Делавера. Другие были разбросаны по городу, чтобы создать видимость процветающей -обороны. Несколько вурдалаков были расставлены стратегически правильно, как для того, чтобы поднять задницы вампиров-малышей, так и для того, чтобы передать ему точную информацию.

Буффало был готов настолько, насколько это вообще возможно.

— И это совсем не готово, — сказал Харашти совсем никому. Гарнитура зажужжала в ответ, и момент размышлений был забыт.

Четверг, 12 Август 1999, 10:04 PM
Межгосударственное шоссе 90
К востоку от Буффало, штат Нью-Йорк

— Буффало: 13 миль, — с ощутимым волнением прочитала Адель надпись. — Прекрасно.

— Черт, Мэри, ты знала, что Адель умеет читать? Я не знала, что Адель умеет читать. Фургон сотрясаясь от общего хохота, а новый второй помощник МакЭллен выкрикивал проклятия в адрес своей мучительницы.

МакЭллен взглянул на свою стаю через задний обзор. Они были готовы. У них были задания: сталелитейные заводы, парки, церкви. Они даже получили немного информации о вампирах, с которыми могут столкнуться, — бедных ублюдках, которых могут оставить для создания дымовой завесы. Это была задача его стаи — добивать оставшихся вампиров. Эйнар же должен был поднять шум, чтобы связать смертных властей, и ловить отставших. Между ними было достаточно людей, чтобы сделать все как надо — если, конечно, дело было в порядке, а не в лаже, которой славилась Полония.

МакЭллен все еще был убежден, что вся операция была подстроена. Однако он также убеждал себя, что даже без Толливера (а он, черт возьми, будет в ярости от того, что пропустил фейерверк), он просто сможет победить подставу. Если его команда и команда Эйнара сделают свою работу, они сломают рамку и выйдут оттуда -героями. Кроме того, он начал размышлять о том, что может дать ему эта ночная работа. Возможно, Юго-Восток и перегружен архиепископами, но штат Нью-Йорк был чертовски далеко от их юрисдикции. Для начала он бы взял Буффало.

Фургоны въехали в сам город Баффало. Эйнар отделился, мигнув один раз своей высотой, как са— лют. МакЭллен улыбнулся. Было слишком поздно поворачивать назад.

Битва за Буффало вот-вот должна была начаться.

Четверг, 12 августа 1999 года, 11:15 PM
Выезд N2, межштатная автомагистраль 1-190
Буффало, Нью-Йорк

— Вам не стоит находиться в этой части города после наступления темноты, мисс, — вот что сказал старик.

Он был дружелюбен и вежлив, чего Люсита не видела от незнакомца уже несколько десятилетий, и, казалось, искренне беспокоился о благополучии симпатичной молодой девушки, которая направлялась в плохой район. На вид ему было около семидесяти пяти, и он был один за прилавком круглосуточного магазина-бензоколонки в нелепый час ночи. Люсита догадалась, что либо его охраняет кто-то из местных Сородичей, либо у него под прилавком припрятана свержсрочная. Иначе он никак не смог бы долго продержаться, не будучи ограбленным несколько раз и не потеряв своего солнечного настроения.

Люсита поблагодарила его за заботу, заплатила за бензин и уехала. Она быстро забралась в машину и завела ее. Обычно она предпочитала более скромные машины, но что-то в этой работе подсказывало ей, что в экстренной ситуации лучше иметь машину, способную проскочить мимо. Двигатель взревел, и она выехала на шоссе 1-90, направляясь на север к центру Буффало.

Молодые родственники часто думали, что воровать глупые вещи просто потому, что они вампиры, это большое дело, но Люсита обнаружила, что именно глупые вещи чаще всего приводят к неприятностям. Украдешь бензин — разозлишь владельца станции. Разозлишь владельца станции, и он вызовет полицию. Вызывают -копов, они ищут тебя, и внезапно кормление без осложнений становится практически невозможным (потому что Бог знает, что полицейский скорее

будет искать вора бензина, чем путать его с кем-то, кто, возможно, собирает вещи, или прерывать домашние беспорядки). Так и вышло, и проще было заплатить двенадцать баксов и избежать осложнений. Если бы ситуация требовала, она бы не задумываясь убила старика и пустила его кровь в дело, но поскольку ситуация не требовала этого, не было смысла создавать себе проблемы. В конце концов, обычные молодые леди, совершающие обычные поступки, обычно исчезают из памяти тех, кто их видел, а Люсита не любила, когда ее помнят.

В этом была вся логика проклятого Маскарада, если честно. Дело было не в том, что существовали вампиры, которые были хорошими парнями (хотя некоторые люди тратили годы, десятилетия или даже столетия, пытаясь играть эту роль), и Маскарад был каким-то великим и альтруистическим делом, сделанным ради человечества. Нет, это облегчало работу. Это облегчало пропитание. И это означало меньше конкуренции и меньше хлопот от кино с факелами и ружьями. Лишь немногие представители рода по обе стороны забора понимали это. Дело было не в том, чтобы подчиниться антедилувийцам или сохранить мир в безопасности для бедного хрупкого человечества.

Речь шла о том, чтобы добиться результата с минимальными затратами. В этом не было никакого идеализма. Люсите просто нравилось избегать ненужных осложнений.

Крыша на Кетер была поднята, но даже сквозь нее и шум двигателя Люсита слышала вой сирен. Пара столбов дыма поднималась вверх на горизонте впереди; несомненно, Шабаша ломал вещи, чтобы отвлечь жандармов, пока местные Сородич были разогнаны и преданы мечу. Все это было частью основной схемы действий. Отвлечь смертных властей, и это давало вам чистое поле для охоты на сородичей. Местным жителям пришлось бы защищать и себя, и Маскарад, и рано или поздно

их ресурсы истощились бы. Одно или другое разорвется, и тогда городская иерархия Сородичей будет съедена заживо.

— Просто, но эффективно, — сказала Люсита на ночь. На пассажирском сиденье лежало открытое досье на сегодняшнюю цель. Снимок головы показал, что он был непривлекателен по любым стандартам, кроме стандартов Носферату или матери, с порсячим, тяжелым лицом и хмурым, почти домашним взглядом. У него были густые черные брови, густые черные волосы и толстая, бычья шея. Фотография, очевидно, была сделана в тот момент, когда объект находился в состоянии какого-то припадка крика, потому что его рот был открыт, а на губах были следы плевка.

Внизу фотографии стояло имя Роджер МакЭллен.

Пятница, 13 августа 1999, 12:47 AM
Вифлеенский металлургический завод
Буффало, Нью-Йорк

Ад, решил Бауман, был полностью построен из заброшенных сталелитейных заводов. И тот, что находился в самом центре всего этого, был явно создан по образцу того чудовища, через которое он сейчас пробирался. Вифлеем забросил это место много лет назад, но оно было слишком велико, чтобы его сносить. Они оставили его на -месте, открыто приглашая детей, ищущих неприятностей, банды, дилеров и, конечно же, вампиров.

Бауман, как и все другие анархо-ваннабы Буффало, которых когда-либо порождал Буффало, одно время жил на заводе. Это было до того, как он понял, что князь Ладислас и его советники держали это место как место, куда мятежные подростки Камарильи могли пойти, чтобы совершить вампирический эквивалент курения дури за гаражом, прежде чем вернуться домой, вырасти и получить приличную работу, манипулируя местными СМИ или что-то в этом роде.

Однако в данный момент это была смертельная ловушка. Бауман был уверен в этом. Его обманули — как именно меня снова втянули в это? задавался он вопросом, — заставив остаться в тылу с отрядом, который должен был удерживать город после того, как Ладислас и большие пушки уйдут. Другими словами, он должен был шумно погибнуть и уничтожить как можно больше врагов, чтобы Шабаша не понял, что их провели.

Ситуация, заключил он после должного размышления, глубоко хреновая.

К сожалению, сейчас было уже слишком поздно что-либо предпринимать. Он слышал, как остальные вошли в здание несколько минут назад, и это означало, что выхода уже не было. Он также слышал, как несколько его так называемых солдат поддержки шумно и быстро падали, и это тоже не способствовало его настроению.

Вместо этого он придвинулся ближе к краю платформы, на которой находился, и аккуратно пристроил свой АК-47 так, чтобы прикрыть вход в комнату. Оружие было китайским куском дерьма, но это было все, что он смог достать, когда пришел приказ. Оно было примерно таким же точным, как прогноз погоды, но стоило ему попасть в кого-нибудь, как тот, как правило, оставался лежать, по крайней мере, достаточно долго, чтобы он мог убедиться в выполнении задания. Он был уверен, что у него не хватит личной огневой мощи, чтобы справиться с одним Шабашаовским отморозком, не говоря уже о целой стае, но действительно большой пистолет, как любил говорить его отец, был чертовски хорошим способом уравнивать шансы.

Само помещение представляло собой нагромождение подиумов, дорожек, заброшенных доменных печей и других, менее опознаваемых вещей. Когда-то в этой комнате проходили совещания по планированию, вечеринки и тому подобное для Баумана и его друзей; сейчас он вернулся сюда, потому что здесь было больше потенциальных путей эвакуации, чем где-либо еще в здании.

Голоса в соседней комнате вывели Баумана из задумчивости. Кто-то, нет, два кого-то пришли, и они спорили.

— ...Готов поклясться, что видел, как он сюда нырнул, — раздался мужской голос, испорченный сигаретами и виски.

— Лучше бы вы были правы. Мы и так отстаем от графика, а нас в этой поездке не так много, чтобы позволить себе непредвиденные задержки. Ответ застал Баумана врасплох. Ему говорили, что город захлестнут волны Шабаша. Если то, что он только что

Если это правда, то в городе было не так уж много Шабашитов. В таком случае, возможно, есть шанс задержать их.

Более того, тот факт, что их было не так много для предполагаемого крупного наступления на большую цель, говорил о том, что где-то перепутали провода разведки. Либо совет, консультировавший Лладисласа, сильно переоценил силы, выстроенные против него...

— Или нас продали. Сукин сын.

Он проклял себя за эти слова, когда услышал скрежет на полу. Пока он предавался размышлениям, вампиры из Шабаша вошли в комнату и вышли из его поля зрения. Теперь они слышали его слова и знали, где он находится.

Ну и черт с ним. То, что он выяснил, было важнее, чем прихватить с собой одного-двух лопатоголовых. Его первой задачей было сбежать; второй — сообщить кому-нибудь, кому-нибудь повыше в Камарилье, что вся операция была скомпрометирована. Он бесшумно поднялся на ноги, пока его преследователи топтались на месте, отступая к пятну темноты, которое, как он знал, скрывало пожарную дверь на лестницу с выходом наружу. Если он доберется до лестницы и выйдет через черный ход, то сможет найти машину, чтобы угнать ее и бежать как черт. Тихо поблагодарив Бога за то, что ему больше не нужно дышать, он бесшумно поднял одну ногу, затем другую, делая мизерные шаги, чтобы не создавать лишнего шума.

Двое внизу звучали так, будто все еще препирались. Отлично. Дверь была всего в нескольких футах позади него, скрытая в тени за массивной колонной механизмов. Впервые с тех пор, как его бросили на съедение волкам, он осмелился надеяться.

И тогда тень, в которую Баухман входил, решила ускорить процесс и поглотила его целиком.

— О, фу... — это все, что он успел сказать, прежде чем все закончилось. АК-47 грохнул о металл дорожки, предупредив двух вампиров внизу. Они посмотрели вверх, засмеялись и вышли.

МакЭллен действовал точно по расписанию, и они тоже.

Пятница, 13 августа 1999, 12:58 AM
Балтиморская улица
Буффало, Нью-Йорк

Шелдон и Мэри шли по Балтимор-стрит, не заботясь ни о чем на свете. Они охотились на вампиров Камарильи, и им было все равно, знает ли об этом весь город. Шелдон был высоким и худым, с телосложением бегуна и цветом лица компьютерного гика. Он носил камуфляжные штаны и ботинки — шиткикер, а на поясе у него был зажат большой пистолет. Голова у него была выбрита, но руки были достаточно волосаты, чтобы казаться, будто он может лежать перед костром и играть на ковре из медвежьей шкуры.

Мэри, напротив, была невысокой и коренастой, и выглядела так, словно в недалеком прошлом отсидела в автокатастрофе. Она была одета как худший кошмар проповедника — обдолбанная мать-земля, и тащила за собой по асфальту бейсбольную битку. Ее напарник выглядел озабоченным и радостным, она же выглядела просто взбешенной.

— Проклятый сукин сын должен быть где-то здесь, — пробормотал Шелдон. — На брифинге сказали, что уродливый маленький ублюдок затаился в этой части города, так что мы просто должны найти любую дыру, в которой он находится, и заткнуть ее этим. Он снял с пояса побитый пистолет — Desert Eagle— и помахал им.

— Ты можешь быть таким засранцем, — без тепла ответил его товарищ по стае. — Мы преследуем Носси. Ублюдок, наверное, услышал, как вы приближаетесь, за два квартала от него, нырнул в канализацию и сейчас уже на полпути к Кливленду. И все потому, что тебе пришлось вытащить свой металлизированный член из штанов и размахивать им. Придурок.

— Кого ты называешь болваном? — Шелдон остановился, повернулся на пятках и уставился на Мэри. — МакЭллен назначил меня главным в команде, так что если ты еще раз назовешь меня тупицей, я снесу макушку твоей уродливой головы.

— Попробуй, и я оторву тебе яйца.

— Ты не можешь забраться так высоко.

— Она права. Ты тупица.

Голос доносился из точки, расположенной примерно в пяти футах позади того места, где стоял Шелдон, и от фигуры, которой не было там минуту назад. У него было лицо, похожее на конец мусорного контейнера, а под спиной его потрепанного плаща выпирала огромная выпуклость. Его левая рука торчала под странным углом, а в правой он держал что-то, что могло быть только Zipro.

— Ну здравствуй, маленький крысеныш, — вздохнул Шелдон. — Мы искали твою задницу, и теперь, когда мы ее нашли, мы собираемся растоптать ее на месте. Мэри развернулась справа от него, а Шелдон навел “Пустынный орел” на голову Носферату. — Просто не шевелись, и это будет чертовски больно.

— Идиот, — четко произнес Дастин, нажимая на спусковой крючок опрыскивателя растений, который он продел в левый рукав. Правой рукой он чиркнул зажигалкой и поднес пламя к струе дизельного топлива, вытекающей из сопла опрыскивателя.

Струя пламени, которую он создал, была впечатляющей. Еще более впечатляющим был эффект, который пламя произвело на двух вампиров, над которыми оно играло. У Шелдона не было

времени на крик, у Мэри — едва ли полсекунды на попытку, прежде чем огонь превратил ее лицо в руины и, пройдя по горлу, испепелил ее изнутри.

Дастин еще минуту бесстрастно обшаривал пламенем две корчащиеся фигуры, пока не убедился, что они не встанут на ноги.

— Дарвину вы бы понравились, знаете ли? — сказал он и побежал вдаль, чтобы найти новые цели.

Пятница, 13 августа 1999 г., 2:12 AM
У здания генерала Донована
Буффало, Нью-Йорк

— Что у нас здесь? МакЭллен ткнул в карту длинноногим пальцем. Его лицо покраснелось, а воротник рубашки был мокрым от бисера кровавого пота. Он только что закончил зачистку Вифлеемского сталелитейного завода и едва мог сдерживать свою нервную энергию. Отчет разведчика был абсолютно идеальным. Город держали с ширмой из недавно вовлеченных новорожденных, нескольких бездельников-гулей и одного-двух настоящих вампиров, которых вывесили сушиться, чтобы продать. Где-то ад замерз, потому что информация Полонии была точной. Конечно, это не означало, что все было легко. Свеженьких ублюдков было много, и они дрались как демоны. Однажды он поймал себя на том, что ему не хватает Толливера, но ничего не поделаешь. Битва велась здесь и сейчас.

Адель, лицо которой было покрыто тонким слоем кровавого пота, положила когтистую лапу на карту и указала на область неподалеку от того места, где они стояли. — У нас тут какие-то проблемы. Сказ сказал, что видел, если ты этому веришь, носферату с огнеметом. Но что бы там ни было, мы не слышали о Шелдоне и Мэри уже полчаса, а они должны были быть именно там.

— Огнемет, ага. — МакЭллен рассеянно почесал правую подмышку. — Можно подумать, что ношение с собой огня доведет его до бешенства.

Адель дважды постучала по карте.

— Я не уверена, что верю отчету.

Сказ также склонен к поеданию жуков и бросаться со зданий, чтобы посмотреть, насколько это больно. С другой стороны, при условии, что информация хорошая, я подозреваю, что гораздо легче быть храбрым в огне, когда большое толстое сопло пылающей смерти направлено в сторону от тебя. Она смотрела на Макэллена, пока он не убрал палец с карты, затем сама подняла ее со стола и сложила.

— Но если не считать этой неудачи, мы зачищаем город. Сопротивление жесткое, но некомпетентное, как нам и говорили.

Она секунду прислушивалась к гарнитуре, которую носила, а затем кивнула.

— Так, Делавер Парк зачищен.

Три малыша с тремя большими пушками. Они с криками выскочили из-за деревьев, и Эйнар расправился с ними, без всякого беспорядка. Из гарнитуры послышалось какое-то потрескивание.

— Подожди. Уоттс хочет, чтобы вы знали, что это заняло у него всего девяносто секунд, и что вы должны ему кое-что, о чем я не хочу думать. Другими словами, все под контролем, кроме этой маленькой области.

МакЭллен хрюкнул что-то, что можно было бы назвать рассеянным одобрением. В конце концов, потеря даже двух вампиров на том, что должно было стать — молочным бегом, не поможет ему хорошо выглядеть на следующем военном совете. Проблема, даже если это были просто Мэри и Шелдон, должна быть решена быстро и чисто. В противном случае (он так и слышал, как этот ханжеский проныра архиепископ говорил об этом) это отразится... плохо... на его лидерских качествах.

Ну и фиг с ним. Пора разобраться с ситуацией, какой бы она ни была.

— Хорошо. Пойдем.

— Куда?

— Либо найти то, что осталось от Шелдона и Мэри, или надрать им задницы за безделье в рабочее время. Если они в порядке, это замечательно, и мы проводим зачистку. Если Сказ видел что-то реальное в этот раз, то ты действительно испачкаешь руки.

У Адель была репутация человека, который позволяет другим делать за себя грязную работу, и МакЭллену нравилось вызывать ее на разговор. Он не хотел, чтобы она поджарилась до хрустящей корочки — она была чертовски полезна, и он мог получить от нее все, что хотел, с минимальными потерями. Но он был бы очень рад, если бы ей пришлось вступить в схватку с каким-нибудь громилой и получить в процессе ее хорошенькую задницу. Она была слишком довольна своим самозванным положением на задворках. Ей нужно было понять, что никто не находится в безопасности, и что ее ханжеское поведение здесь не пройдет.

— Неважно.

Адель явно злилась, и это вполне устраивало МакЭллена. Они рысью двинулись на запад, к озеру и проблемному месту на карте.

— Итак, каков твой блестящий план, если предположить, что этот парень настоящий? Или мы просто бросимся туда с криками и будем надеяться, что Сказ снова закусывал вином?

— Все просто. Ты привлекаешь его внимание. Я подбегаю сзади и убиваю его. Огнеметы громоздки как черт, и он никак не сможет повернуться достаточно быстро, чтобы поджарить нас обоих. Есть еще глупые вопросы?

Адель остановилась посреди улицы.

— Да. Что будет, если он доберется до меня раньше, чем ты до него?

МакЭллен не сбился с шага и даже не оглянулась на нее.

— Тогда пригнись. Когда она выплеснула на него поток проклятий, он только рассмеялся и пошел дальше.

Пятница, 13 августа 1999, 2:15 AM
Пересечение улиц Скотт и Вашингтон
Буффало, Нью-Йорк

Талли решил, что ненавидит Буффало примерно через две минуты после того, как ступил в это место. Это место неприятно напомнило ему некоторые города Средней полосы, где простые девушки пытаются приукрасить себя для туристов, скрывая всю свою грязь и нечистоты.

МакЭллен, конечно, не подозревал о его присутствии. Если бы разъяренный вампир узнал, что за ним кто-то наблюдает, он стал бы совершенно неуправляемым. Поэтому темплар просто следил за ходом операции, наблюдая за тактикой МакЭллена и время от времени оказывая небольшую помощь инкогнито в ожидании, пока Люсита проявит себя. Талли не мог представить себе никого другого в штурмовом отряде, кроме МакЭллена, кто мог бы заинтересовать Люситу.

В целом, решил Талли, работа МакЭллена сегодня была жестокой, хотя и без вдохновения. Это не принесло бы ему особого признания со стороны вышестоящих, но, с другой стороны, с успехом было чертовски трудно спорить.

Теперь МакЭллен уходил куда-то по своим делам, сопровождаемый -своим помощником. С любопытством нахмурившись, Талли подумал о том, чтобы дать знать о своем присутствии, но решил не делать этого и вместо этого пошел от тени к тени по их следу. Никто из них не оглядывался, поэтому он шел незаметно. Наконец они свернули в сторону и на секунду оставили его позади, что без всякой на то причины вызвало у Талли тревогу.

Сейчас произойдет что-то до боли глупое, он был уверен в этом. Либо что-то пошло не так ожидаемо ошиблись или, что

более вероятно, Макеллен решил, что ему нужно показать, как много он лично делает для победы в этой борьбе.

Внезапно ночь прервал крик и слабый свистящий звук, от которого волосы на шее Талли встали дыбом. Он услышал ругань Макэллена, а затем звуки выстрелов. Однако крики продолжались.

Ускорив шаг, Талли направился к источнику шума. Возможно, это именно то, чего и кого он ждал.

Пятница, 13 августа 1999, 2:19 AM
Пересечение улиц Гамбург и Южный Парк
Буффало, Нью-Йорк

Дастин был разгорячен, а это не всегда хорошо для родственника, таскающего на спине несколько галлонов дизельного топлива. Подняв тост за двух головорезов, которые его искали, Дастин отправился на поиски новых развлечений, но их не было. Все бумажно-тканевые войска, которые заказал Лладислас, к этому моменту были растоптаны. Он видел несколько трупов тех, кого сделала Фиби, и не возлагал больших надежд на Бруха, который, как он слышал, находился к северу и западу.

Он посмотрел на часы. Прошло четыре часа с начала штурма, и, насколько он мог судить, он был единственным из защитников Буффало, кто еще держался на ногах. Логика подсказывала, что нужно убираться из города, встретиться с Томашем в Сиракузах, рассказать Фиби утешительную ложь о том, что ее ребенок хорошо сражался, а затем двигаться дальше. Таков был его приказ, и он видел достаточно, чтобы понять, что здесь происходит что-то подозрительное. Из инструктажа, который дал ему Томаш, Дастин ожидал десятки, если не сотни противников — военных гулей, громящих улицы, стаи охотящихся унтинибу, вычищающих убежища и поджигающих здания, хаос на улицах, и он собирался использовать распылитель растений только в крайнем случае, чтобы выбраться из трудного положения.

Вместо этого он увидел около дюжины захватчиков. Очевидно, кто-то что-то подстроил по пути. Ничего не сходилась, и хотя выяснять это не входило в его обязанности, у Дастина закралось подозрение, что его задача — донести эту информацию до того, кто сможет сложить два плюс два и получить что-то кроме — математика — это сложно.

Дастин огляделся. Вдали виднелся дым от многочисленных пожаров, поднимавшийся в ночное небо. Со всех концов города доносился вой сирен. Один раз, далеко на северо-востоке, рывкнул дробовик. Бой был явно окончен. Пора было уходить.

— Так, последняя проверка этих двоих, чтобы убедиться, что они искренне мертвы, а потом я уезжаю из города. Ночь отказалась комментировать его остроту, и Дастин вздохнул. Он подумывал о том, чтобы спуститься в “канализацию” для более безопасного передвижения, но решил не делать этого. Он решил, что потратит больше времени на перенос чертовой крышки люка в каждом конце маршрута, чем сэкономит на коротком пути. Кроме того, было чертовски трудно незаметно и тихо поднять массивную металлическую плиту посреди улицы.

С этой мыслью он просто закрыл глаза на секунду и представил себя невидимым, а затем начал вышагивать по улице мимо брошенных машин (и одной крайне неуместной черной спортивной машины, которой не было никакого дела до этого района, если бы она не стояла в квартале). Томаш утверждал, что использует другую технику для исчезновения, но именно это сработало для Дастина. Конечно, исчезновение не заставляло его чувствовать себя иначе, но он мог видеть его влияние на окружающий мир, и ему это нравилось.

Особенно ему нравилось, когда исчезновение давало ему возможность навести справки с такими придурками, как пара охотников-собирателей, которых он прикончил несколько часов назад.

Ухмыляясь и довольный собой, Дастин повернул к тому месту, где он оставил тлеющие формы своих жертв. К сожалению, там уже кто-то был.

Она была стройной и покрытой шрамами, с длинными черными волосами и с гарнитурой на наушниках. Она, конечно же, была одета в черное, а ее лицо ясно говорило:

— Вот женщина, которую мочат круглосуточно со дня ее рождения. Она сидела на корточках возле груды почерневшей плоти, в которой Дастин сразу же узнал одну из своих жертв, и зывала к кому-то, кто был где-то рядом, но не показывался.

Дастин подумал, не против ли он собрата-носферату, и вспомнил множество клише о лучшей доблести. Кроме того, если он подождет минуту, напарник вампира на улице может устать от ее визга и появиться, чтобы заткнуть ей рот.

Однако ему не повезло, и через вечную минуту или две он начал подходить к женщине. Она явно была одной из врагов и явно была не умнее мешка с песком. Что еще лучше, ее приятеля не было видно, а значит, он мог поднять за нее тост и убраться восвояси.

Другой вариант, конечно, заключался в том, что ее приятель знал о его приходе и прятался, ожидая, когда Дастин покажется. Это, как и другие варианты, было основной стратегией Носферату, но такова была жизнь в большом городе. Он решил рискнуть. Она стояла, продолжая проклинать воздух. Дастин придвинулся и щелкнул соплом распылителя. Женщина была в полном беспмятстве. Она даже не подозревала о его присутствии. Он поднял зажигалку и в последний раз огляделся в поисках другой добычи. На улице не было ни души. Ухмыляясь, он сбросил пелену невидимости — он был слишком взволнован, чтобы сосредоточиться, — и дал пламени разгореться.

Пятница, 13 августа 1999, 2:23 AM
Балтиморская улица
Буффало, Нью-Йорк

То, что осталось от Марии, тлело посреди улицы. Возможно, она еще шевелилась, а может быть, это было лишь угасающее воздействие огня на шелуху ее трупa. Адель заметила ее первой, выплонула проклятие и побежала к ней.

— МакЭллен! — позвала она, но дуктус исчезла.

Не тратя больше времени на этого труса, который явно сбежал, когда увидел, что его могут ранить, с горечью подумала она, Адель опустилась на колени рядом с Мэри, чтобы поближе рассмотреть, что с ней сделали. Хруст под ногами возвестил о том, что она нашла и останки Шелдона. Она окинула труп Мэри внимательным взглядом. По ее профессиональной оценке, то, что облило ее из шланга, не было огнеметом, но было неплохим его подобием. Другими словами, они имели дело с жестоким, умным любителем.

Она огляделась в поисках своего пропавшего союзника. — Черт тебя побери, МакЭллен, иди сюда. Ты должна это видеть. Долгую минуту ей отвечала только тишина, затем она покорно поднялась на ноги. Гарнитура все еще была на ней, и она решила позвать одного или двух из остальных, на случай, если псих, помешанный на нападке, все еще где-то поблизости.

В этот момент пламя охватило ее. Она с силой бросилась влево, но не успела добежать до безопасного места. Огонь охватил ее правую руку и часть спины, и крик вырвался из ее горла, когда она упала на землю. Позади себя она слышала ее нападавший ругался, его шаги шлепали по асфальту, когда он приближался, чтобы убить. Она отчаянно металась, пытаясь

погасить пламя, а потом поддалась животной панике и завывала всерьез.

— Заткнись, тупая сука, — сказал Дастин, а затем крутанулся и выпустил за спину полукруглую дугу пламени. В тени, отбрасываемой заброшенным домом, МакЭллен издал рев затаенной ярости и упал на землю.

— Да пошел ты, придурок. Я использую этот трюк, и ты думаешь, я настолько глуп, что поведусь на него?

Дастин был уже в движении, исчезая в невидимости на ходу. МакЭллен нащупал свой пистолет и сделал несколько выстрелов в том месте, где исчез Носферату, но попал только в кирпич, стекло и металл. Адель, голова которой была объята пламенем, а длинные черные волосы пылали, продолжала кричать. Ее правая рука оставляла дымящиеся отпечатки ладоней на асфальте, когда она ползла к концу квартала.

Пламя над головой угасло, и Макэллен осторожно поднялся на ноги. Носферату все еще был где-то там, с огнеметом, не меньше, и ему нужно было быть на высоте. Бешеный вой Адель отвлек его, и после секундного раздумья он всадил пулю ей в голову. Она булькнула один раз и упала. Внезапно на улице стало слышно только тихое потрескивание пламени, пожирающего ее лежащую фигуру, да шипение горящего жира.

— Сукин сын, — отчетливо произнес Макэллен, начиная кружить в стороне от останков Адель. Пистолет был у него в руке, глаза напряжены в поисках любого признака противника. На мгновение он задумался о тактическом отступлении. Он мог бы схватить кого-нибудь из остальных и прийти назад. С помощью кого-нибудь, кроме совершенно бесполезной Адель, он сможет вывести этого ублюдка на чистую воду и наложить на него удавку. Тогда эта маленькая операция закончится, и он

выйдет из нее благоухающим, как роза — весь Буффало покорен за одну ночь.

Как только эта мысль возникла, он тут же отбросил ее. Он ни за что на свете не собирался просить о помощи. Это была его операция, его командование, и привлекать кого-то еще — значит подставить себя под удар. Нет, лучше справиться с риском и выгодой в одиночку.

А потом позади него раздался резкий звук, и Макэллен понял, что он очень, очень мертв.

Пятница, 13 августа 1999, 2:25 AM
Балтиморская улица
Буффало, Нью-Йорк

Талли отошла в тень примерно на сорок футов от места, где горела Адель. Недалеко от нее МакЭллен вел беспорядочную стрельбу в ночь. Одна из пуль едва не задела Талли, и темплар мысленно поставил еще одну черную метку в своей оценке компетентности этого человека.

Он бесстрастно наблюдал, как бандит заставил замолчать кричащую Адель. Это была пустая трата ресурсов. Если бы МакЭллен думал, он попытался бы задушить пламя тенью или нашел бы какой-нибудь другой способ спасти своего полезного второго командира. Но в данный момент дуктус был погружен в свои собственные фантазии, действуя скорее на основе инстинкта, чем разума, и это ему дорого обошлось.

МакЭллен деликатно отошел от трупа и начал серию крутящихся маневров, предположительно предназначенных для того, чтобы убедиться, что никто его не подкараулит. На самом деле он выглядел нелепо, как толстяк в военной форме, промахивающийся мимо мишеней на стрельбище, но Талли это не волновало. Он был слишком занят, сканируя улицу в поисках автора резни.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы обнаружить Носферату с неловкой выпуклостью под пальто. Уверенный в своей невидимости, вампир не предпринял никаких усилий, чтобы укрыться или как-то иначе защитить себя. Вместо этого он смеялся, подражая одной или двум самым нелепым фразам МакЭллена. Казалось, он веселится от души. К несчастью для него, Талли был стар достаточно сильной и могущественной, чтобы увидеть, как он пытается завуалировать себя.

— Ты никогда не бываешь последним звеном в цепи, парень, — пробормотал про себя Талли. — Если бы ты помнил об этом, то, возможно, смог бы выбраться отсюда.

У Талли был соблазн оставить Макэллена на произвол судьбы, которую он заслужил, но если Носферату уберет дуктус, Люсита может никогда не показаться, и поездка на север будет напрасной.

Талли опустил на колени и поднял камешек. Это был осколок цемента, около дюйма в поперечнике и с зазубренными краями. Несомненно, он был выбит из тротуара где-то поблизости в результате неаккуратного использования или суровой погоды, но это не имело значения. Талли спокойно посмотрел на него. Он будет служить.

На улице Носферату прекратил свои капризы и тщательно прицелился в почти спазматического МакЭллена. Еще секунда, и позиционирование будет идеальным, и он медленно перевернулся спиной к месту, где стоял Талли, чтобы проследить за извилинами своей цели.

Талли хмыкнул. Он положил камешек на ладонь левой руки и прищурился, чтобы убедиться, что его цель верна. Подняв руку, он на секунду сосредоточился, а затем метнул камешек прямо в центр спины Носферату.

Звук, который издал камешек, пройдя через бак, можно было принять за выстрел. Звук, который он издал, когда вышел через желудок Носферату, был неописуем. Однако результат был легко различим. Вампир вскочил на ноги, держась одной рукой за живот. Он повернулся, ища нападавшего с выражением шока на лице, и зашатался. Бензин или что-то похожее на него образовало мокрое пятно на спине плаща существа и капало на землю; на земле виднелось пятно кровавая смесь лилась из его пальцев.

Макэллен наконец заметил, что произошло (с опозданием на несколько секунд, бесстрастно заметил Талли), и с ревом повернулся. Талли лишь опустился на землю и подобрал еще один камешек. На улице Носферату перешел на спотыкающийся бег, пытаясь сбросить и пальто, и протекающий баллон на спине. Макэллен бросился за ним, выкрикивая проклятия.

Талли проигнорировал это и снова прицелился. Он целился не в беглеца, а в потрескавшийся асфальт прямо за ним. Камешек с шумом взлетел и ударился об улицу именно там, где хотел Талли. От удара, как это обычно бывает при таких ударах, возникла искра.

Результат был впечатляющим. Пламя в считанные секунды пронеслось по шерсти Носферату, вызвав вопль ужаса и боли. Вампир споткнулся еще на нескольких шагах, затем пламя достигло бака.

То, что произошло, не было взрывом. Скорее, это была вспышка пламени, которая более или менее оторвала верхнюю треть тела Носферату и отправила мизерные кусочки танка в воздух. МакЭллену едва удалось избежать ожогов, и он прижался к улице, когда танк взлетел на воздух.

Находясь на безопасном расстоянии, Талли позволил себе беззлобную улыбку. Она быстро исчезла, когда Макэллен поднялся на ноги и осторожно продвинулся вперед, почти нависнув над все еще горящим трупом. Он осторожно пнул его ногой, один раз, и пылающие остатки того, что было рукой, пролетели несколько футов. МакЭллен испуганно отпрыгнул назад и снова выругался, после чего Талли решил, что пора заявить о своем присутствии, дабы его задание не пострадало от вампирического эквивалента лопнувшего кровеносного сосуда. Он вышел в желтоватый свет уличных фонарей и ждал, пока Макэллен заметит его.

— Эр просто взорвался. Никогда не видел ничего подобного без Тремере рядом, никогда не видел ничего подобного в... Какого хрена ты здесь делаешь?

Талли поклонился, точно, от шеи. — Спасая тебя. Вопреки моему здравому смыслу.

— Так это был ты...

— Действительно. Это был я. Сейчас самое время, Дуктус МакЭллен, перестать заикаться и поблагодарить меня.

МакЭллен подошел ближе.

— Сукин сын. Это был ты. Ты был здесь все время.

Талли кивнул.

— Мы уже установили это. На самом деле, я наблюдал за вами с самого начала операции, в том числе следил за вами на сталелитейном заводе, наблюдал за вашими разговорами с вашим покойным вторым командиром и так далее. Должен сказать, что я был впечатлен тем, как быстро вы добрались сюда. Если бы вы двигались немного медленнее, я, возможно, смог бы защитить и Адель. Кстати, я думаю, она уже почти вышла. Вы, возможно, захотите наложить на нее печать, чтобы убедиться в этом.

— Значит, вы все видели.

МакЭллен сделал еще несколько шагов, бросив лишь самый короткий взгляд на то, что осталось от Адель.

— Почему ты здесь? Ты шпионишь за мной для Полонии и этих засранцев? Ты здесь, чтобы выставить меня в плохом свете?

— Нет, идиот, Люсита в этом городе! Ты хочешь встретиться с ней один? Ти Аллейн переместил свой вес в боевое положение. Как это ни казалось невозможным, казалось, что МакЭллен действительно может напасть на него. Независимо от того, поддался ли этот человек своим внутренним демонам, он был явно не в себе и вполне мог решить избавиться от любых свидетелей своего самоуничтожения.

Шансы МакЭллена действительно причинить вред Талли были комичны, но ситуация и так была достаточно сложной. Поэтому Талли, будучи эффективным вампиром, просто закрыл глаза своему потенциальному нападавшему и направил свою волю против воли МакЭллена. Неудивительно, что сопротивление было минимальным.

— Садись, — сказал Талли, и МакЭллен послушно сел на свое место. — Веди себя прилично, — сказал Талли, внезапно раздражаясь по непонятной причине.

МакЭллен кивнул с жалкой готовностью, и Талли выдохнул с отвращением. Этот вспыльчивый идиот, который явно не мог справиться с собой в ситуации более стрессовой, чем игра в дартс, рано или поздно погибнет, что бы Талли ни делал. На какое-то мгновение он подумал о том, чтобы передать этого человека Люсите в качестве взятки, чтобы она не беспокоила ни одного из трех архиепископов. Признаться, эта идея была весьма привлекательной.

Он с отвращением повернулся к МакЭллену, готовый уже было промаршировать с этим человеком обратно в предполагаемый полевой штаб, как вдруг все стало очень, очень мрачным.

Пятница, 13 августа 1999, 2:28 AM
Балтиморская улица
Буффало, Нью-Йорк

Люсита наблюдала за всем этим с крыши дома напротив того места, где сейчас сидел на корточках МакЭллен. Она наблюдала за этим с некоторым весельем — целая цепочка Сородич, каждый из которых был убежден, что он невидим и неуязвим, представляла собой некую низкопробную комедию. Она и раньше видела, как вампиры охотятся на вампиров, но сочетание факторов — странный выбор оружия маленьким Нчсферату, крикливая развязность и трусость МакЭллена, бесстрастный подход Талли к проблеме — все это превратилось в нечто глубоко смешное, хотя и ужасное.

Увидев Талли, она сначала удивилась. От своего первого работодателя она получила известие, что Гончая была импортирована. Ходили слухи, что ее собственный отец послал его охранять своих любимых архиепископов. Но то, что Талли находится в Буффало, в то время как архиепископы предположительно в безопасности в другом месте, не имело смысла.

Если только он не охотился за ней.

Эта мысль вызвала у Люситы некоторое беспокойство. Присутствие Талли было неожиданным осложнением. Гончая была хороша, очень хороша и могла изменить ее планы по расправе с целью. Сам МакЭллен был ничто. Он едва не был уничтожен ребенком с огнеметом и явно был гораздо ниже Люситы по уровню таланта, силы и интеллекта. Но Талли был совсем другим вопросом, очень сильный и решительный.

Люсита уже пересекалась с Гончей однажды, около восьмидесяти лет назад, в Нью-Йорке. Она приехала туда по

делам, а он был в командировке; их пути пересеклись в печально известном районе Файв-Пойнтс. Талли

Талли был послан Монкадой, чтобы избавить город от беспокойного вампира по имени Карл, который шумно нарушал некоторые планы архиепископа. К несчастью, Карл был также Сородичом, ответственным за большую часть развлечений Люситы в то время, и она не приняла попытку убрать его, прежде чем она была закончена. Дуэль была долгой и кровавой, вызвав потасовки в притонах и питейных заведениях, сравнимые с печально известными — Бунтами мертвого кролика. В самом центре поединка два древних ребенка тени с невообразимой яростью рвались друг на друга, окутав непроницаемой тьмой целый квартал города. В газетных сообщениях говорилось о поломке линий электропередач, но на самом деле Люсита и Талли охотились друг на друга в темноте, подпитывая себя жизнями сотен людей, оказавшихся в ловушке на их поле боя.

Люсита победила, но с трудом. Карл был ранен, но ускользнул во время яростной контратаки. Позже она узнала, что он бежал из страны и был уничтожен Талли в Ванкувере в 1934 году. К тому времени, конечно, ее это уже давно перестало волновать. Сам Талли покинул место происшествия измученным, но относительно невредимым, оставив ее с насмешливым поклоном и выражением почтения к ее сиру. А она вышла из дома, усталая, но более или менее победоносная, с полной уверенностью, что Талли если не равный ей, то по крайней мере один из самых страшных противников, с которыми она когда-либо сталкивалась.

И вот теперь он стоял на другой стороне улицы, бормоча себе под нос. Несомненно, его профессиональные чувства были основательно оскорблены выступлением Макэллен. Несомненно, он был хоть немного раздражен, а это означало, что он был хоть

немного отвлечен, а это означало, что если она будет двигаться очень быстро, все сложится как нельзя лучше.

Она протянула руку через улицу к теням, которые совсем недавно скрывали самого Талли. Они откликнулись на ее призыв, с готовностью превратившись в корявые руки, которые протянулись вперед, чтобы обхватить темплара. Талли, к его чести, не стал медлить, а пригнулся и перекатился влево, на улицу. Одно щупальце тени схватило его за руку, но с практической легкостью он просто разорвал ее в клочья. Люсита улыбнулась и послала за ним еще несколько усиков черноты. Идея заключалась не в том, чтобы убить Талли или даже ранить его, а в том, чтобы вывести его из равновесия и увести все дальше и дальше от все еще ошеломленного Макеллена. Потом, когда станет слишком поздно, она просто уничтожит свою цель и перестанет преследовать темплара, уйдя без лишнего шума.

Конечно, этот план зависел от того, как Талли будет обороняться, а для этого ей понадобится все, что у нее есть. Она нахмурилась, и еще одно щупальце тени вырвалось из-под крышки люка посреди улицы. Металлический диск взлетел в воздух на тридцать футов и едва не зацепил Талли на пути вниз, даже когда он уворачивался от нового нападавшего. Медленно, но верно он продвигался к середине улицы, которая была залита светом многочисленных фонарей. Тени Люситы тянулись к Талли, и он с легкостью избегал их.

— Люсита, — позвал он, оглядываясь по сторонам в попытке определить место нападения. — Рад снова видеть тебя! Твой мессир спрашивал о тебе, если тебе интересно. Он увернулся от еще одного удара, затем сам набросился на тень и разорвал слугу Люситы в клочья. — Он упоминал, что ты можешь быть в Штатах; рад видеть, что он был прав!

Люсита выругалась и вызвала еще больше теней в открытый люк. Они взметнулись вверх, а затем обрушились на Талли, словно молот ночи. Темплар уклонился в сторону, и от удара теней об улицу асфальт треснул с грохотом.

— Люсита, ты меня так не проведешь! Выйди, и мы сможем поговорить. По крайней мере, ты должна мне реванш!

Все это время он уклонялся и наносил удары, призывал собственные теневые усики и двигался с гипнотически плавной грацией. Огромные клубы тьмы разбивались о поверхность улицы, оставляя огромные дыры и разбрасывая повсюду обломки. Посреди этой бойни Талли рассмеялся, и Люсита впервые увидела чистую, без примесей, радость, которую получал этот человек от своей работы.

Это был самый подходящий момент, чтобы закончить дело. Она призвала последнюю руку тьмы и с криком обрушила ее на Талли. Он легко уклонился от нее, и она разделила ее на три меньшие сущности. Две продолжали преследовать Талли, а третья стрелой устремилась прямо туда, где все еще сидел Макэллен, ничего не замечая.

Талли увидел, что происходит, и отчаянно вызвал свои тени в тщетной попытке отразить тени Люситы. Но даже когда он это делал, первые два усика ударили его, как молотком. Он закричал — впервые Люсита услышала, как он это делает, — и его контроль над тенями ослаб.

Когда Талли упал, последний теневой усик Люситы достиг Макэллена, обвился вокруг его шеи и с нежным нажимом оторвал ему голову. На мгновение воцарилась тишина, а затем тело Пак Дуктуса с едва слышным стуком упало на улицу. Кровь хлынула из его шеи в водосток, скапливаясь среди мусора и мертвых листьев. Его голова упала на землю в нескольких футах от него, лицом вниз.

Талли медленно и молча поднял себя, когда руки тени, созданные обоими вампирами, рассеялись в небытие. Люсита стряхнула с себя пыль и сделала два шага назад от уступа, прекрасно понимая, что у нее опасно мало крови, если Талли решит продолжить их спор.

— Люсита, — позвал он более разумным тоном. — Отлично сработано, моя милостивая сеиорита. Я буду следить за этим в будущем. Похоже, на этот раз вы — охотник, а я — защитник. Я считаю, что из профессиональной вежливости советую вам покончить с этим. Он жестом указал на МакЭллена. — Иначе я — и ваш сир — будем очень недовольны.

С этими словами он изобразил замысловатый поклон и ушел. Люсита решила последовать за ним, но голод в желудке подсказал ей, что это было бы глупо, если не самоубийством. Вместо этого она спустилась по чугунной пожарной лестнице с задней стороны здания, где стояла, и прошагала три квартала до места, где припарковалась. В идеале, по дороге из города она нашла бы, где перекусить, устроилась бы где-нибудь на безопасной территории Камарильи и расслабилась, чтобы спланировать следующее задание.

Она вышла из переулка, в который вошла через дорогу от своей машины. Чудо из чудес, она все еще была там. Еще более чудесным было то, что шины не были порезаны. Она забралась в машину и завела двигатель; он отозвался теплым урчанием.

В некоторые ночи, размышляя она, все действительно идет своим чередом. Жаль, что город все равно был обречен, но, в конце концов, это не ее забота.

Улыбнувшись, она включила передачу и с ревом умчалась в ночь.

Пятница, 13 августа 1999, 5:18 AM
Сталелитейный завод США
Буффало, Нью-Йорк

Талли стоял перед заброшенным сталелитейным заводом. Это место как никакое другое подходило для временного убежища. За последние несколько часов выжившие после штурма потянулись назад. В основном они были настроены бодро; они подавили жалкое сопротивление Буффало. У нескольких гулей были пулевые ранения, но в основном все были невредимы. Они смеялись, шутили и рассказывали истории о том, как расправились с разными идиотами, посланными против них. Если кто-то и скучал по Шелдону или Мэри, или даже по Адель или МакЭллен, то из того, что слышал Талли, этого не было видно. Солдаты были просто счастливы, что бой закончился и что они надрали задницу.

В целом, ему было трудно с ними не согласиться.

Когда последние из оставшихся в живых вошли в здание, Талли окинул взглядом улицы. Обугленные трупы были бесцеремонно выброшены в мусорные контейнеры. Пожары и перестрелки, затеянные вампирами, отвлекли полицию и других смертных настолько, что их усилиям никто не мешал.

Что касается МакЭллена, то он не был большой потерей, как считал Талли. Поездка на север прошла примерно так же успешно, как он и ожидал. Он предупредил Люситу. Если она не последует его совету... что ж, при следующей встрече он без колебаний поступит с ней сурово.

Достигнув этой промежуточной цели, Талли был готов вернуться в Вашингтон и направить свое внимание на вопрос, который, по мнению Монкада, был более насущной, чем личное благополучие архиепископов: Кто нанял Люситу?

Пока что Талли вошел внутрь сталелитейного завода, затем закрыл и запер дверь. Снаружи над Шабашаским городом Буффало вяло всходило солнце.

Часть третья: Столбы дыма

Суббота, 14 августа 1999, 11:18 PM

Hyatt Regency Capitol Hill

Вашингтон, округ Колумбия.

Мой высокопреосвященнейший и возлюбленный кардинал, — начиналось письмо, — Хотя я не имею ни малейшего представления о том, чем я так сильно вас огорчил, что вы решили приговорить меня к каторге среди этого логова безумцев, грубиянов и лжецов, я покорнейше прошу вас сообщить мне об этом, чтобы я мог загладить свою вину и тем самым покончить со всем этим делом.

Талли сделал паузу и на мгновение отложил перо. Он подумал, что это, пожалуй, немного слишком сильно, но он был не в том настроении, чтобы быть деликатным. Кроме того, Монкада слишком высоко ценил его и его службу, надеялся он, чтобы слишком расстраиваться из-за письма. А если Монкада прав и Бог склонен осыпать недостойных чудесами, то это письмо может даже послужить для того, чтобы Талли выбрался отсюда.

Он потряс головой, чтобы прояснить ситуацию, и снова взялся за перо. Наступление на Буффало увенчалось квалифицированным -успехом. Город был взят, как вы, несомненно, слышали, но потери оказались несколько больше, чем ожидалось. Разведывательные данные, предоставленные шпионом архиепископа Викоса, были в основном верными, но, как мы с вами знаем, сам дьявол таится в деталях.

Одной из таких деталей была Люсита, которая появилась на свет. По какой-то причине она была намерена разобраться с дуктусом, которого Полония назначил ответственным за

дела. Мне кажется странным, что усилия Люситы были потрачены на столь жалкое оправдание Ласомбры.

Параноик во мне помнит о вашем упоминании о потенциальный официант. Из тех, кого я наблюдал среди высшего командования здесь, в Новом Свете, только архиепископы имеют доступ к финансовым ресурсам, необходимым для того, чтобы переманить вашего друга. Полония и Борхес наживаются на наркотиках, трансплантации и т.д. в своих городах; у Викоса были столетия, чтобы накопить свои сокровища. Есть, конечно, и другие в Шабашае *Intenuztion.de*, кто имел бы интерес и средства для уничтожения архиепископа — регент приходит на ум — но вы назвали поле для моего несчастного триумвирата, и в этом я доверяю вашему безупречному суждению.

Однако я не могу поверить, что кому-то из архиепископов понадобились бы услуги убийцы, особенно такой дорогой, как Люсита, даже если бы кто-то из троих имел желание убрать этого МакЭллена. Борхес раздавил бы его; дон Полония просто вцепился бы ему в шею и скрутил — насколько я понимаю, он едва не сделал это на заседании военного совета незадолго до моего прибытия, — а Викос превратил бы парня в отличную подставку или крайний стол. Никто не стал бы чинить упрёки.

Дело пахнет посторонним влиянием. Я подозреваю, что это не просто семейное дело. Не то чтобы третья сторона, ожидающая кончины МакЭллена — если это действительно так, — оправдывала наших любимых архиепископов в замыслах друг на друга.

Кстати, об архиепископах, они действительно прекрасная пара. Викос, когда не занят осадой упрямого Тремера (которая продолжается без особых результатов), является идеальной

хозяйкой, уступая дону Полонию во всех вопросах стратегии и сосредоточившись на своих обязанностях архиепископа этого засиженного мухами города. Похоже, она не спешит продолжать наступление на север, теперь, когда ее территория и статус достаточно надежно защищены. В случае трагедии, постигшей Борхеса или Полонию, она остается в выигрыше, как и они, если с ней случится что-то плохое.

Что касается дона Похиа, то он немного больше похож на шифр. Его преданность секте кажется единодушной, а его стратегии — превосходными. Но некоторые вещи в этом человеке все еще вызывают недоумение. Почему ему так нравится травить архиепископа Борхеса? Исключительная извращенность? Конечно, Викос — более грозная угроза восхождению полонидов на пост главы американского Шабаша. Зачем же тогда он рискует, подбивая потенциально опасного врага на атаку своего соперника? Мне кажется, в этом нет смысла, ведь за все это время мы не потерпели никаких серьезных неудач на поле боя и не потеряли ни одного значимого каинита.

Наконец, у нас есть архиепископ Борхес, который, кажется, намерен бросить вызов своим коллегам-архиепископам при любой возможности, обычно в пользу Покмии или Викоса. Борхес пробил себе путь на вершину этой мусорной кучи, которой является Майами, но ему не хватает тонкости своих соперников. О чем думали Les Amies Noir, когда оказывали ему самые высокие почести, какие только может предложить клан? Его сильная сторона — бычий, прямолинейный штурм; он проводит большую часть своих ночей, лихорадочно изучая отчеты с мест, ища доказательства того, что его люди совершили что-то ужасное. Возможно, он запуган; большая часть его поддержки рассеяна в результате наступления, в то время как большая часть архиепископа Полонида находится

рядом. Я не удивлюсь, если он окажется либо объектом, либо подстрекателем внимания Люситы.

Кроме этого, сообщить особо нечего. Вауехо, похоже, склоняется к службе у Полонина, предположительно потому, что служба у цимисхия не устраивает его. Он часто отлучается по своим делам, которые, по-видимому, заключаются в поездках в поле, чтобы понаблюдать за работой более эффективных стай. Возможно, он ищет потенциальных новобранцев.

В целом, если не считать неудачного покушения на Вентру, Пьетерсуна, операция проходит вполне удовлетворительно. Поток информации идет постоянно. Однако, после того, как в Буффало произошел взрыв (в который, помимо Люситы, входил умный маленький парень Носферату, который оставался достаточно долго, чтобы сделать его крайне неприятным), было решено, что такие разведданные должны быть дополнены более обширными полевыми отчетами от разведчиков. Полдюжины или около того были рассеяны, включая некоторых любимых подчиненных Борхеса и Полонью. Поставки продолжают поступать беспрепятственно, хотя антитрибу Мунро, курирующий операцию, так неприятен в общении, как никогда.

В остальном, захваченные территории осматриваются, а Баффало полностью инвестируется. Серальские небольшие города — Рочестер, иронично названный Сиракузы — имеют также были взяты, но без особого шума. И снова сопротивление было минимальным. Похоже, что враг концентрируется в Балтиморе. Интересно, с какой именно целью? Контрнаступление, чтобы освободить Тремер в Вашингтоне? Разумно, но маловероятно; все это напоминает Гражданскую войну в Америке, где противостоящие столицы смотрели друг на друга с расстояния в несколько десятков миль, в то время как повсюду бушевала война.

Атланта? Ерунда, она слишком изолирована и слишком далека от любого другого театра военных действий. Тем не менее, я дал рекомендации различным архиепископам, чтобы мы готовились к тому, что сопротивление Камариллы будет ужесточаться. Как у умирающей собаки есть последний укус.

Что касается меня, то я обычно остаюсь в пределах города, примыкая то к одному архиепископу, то к другому. Борхес возмущается, Викас отдаляется, а Полония совершенно не обеспокоен. После Буффало Люсита не появлялась, хотя мы ожидаем, что вскоре она даст о себе знать. Кроме этого, никаких новостей нет. Скоро будут приняты решения относительно присутствия Джованни в Бостоне и следующей цели для нападения... но сейчас у меня есть только пустые домыслы, на которые я бы не стал тратить ваше время.

Пусть это письмо застанет Вас в добром здравии, и, пожалуйста, держите меня в курсе разрешения шахматной партии, которую Вы начали с Доном Ихихимом. Я мысленно играл с доской, которую я видел, и думаю, что, возможно, я нашел способ, чтобы черные все-таки одержали победу.

С глубоким уважением,

Талли

Гончая взглянула на готовый результат и нахмурилась. Вряд ли это было литературное произведение, но оно послужит для того, чтобы держать Монкада в курсе событий. Поспешно он вложил его в конверт и надписал адрес; один из курьеров, постоянно мотающихся туда-сюда из Европы, скоро передаст его. Оставалось надеяться, что у гонца хватит ума не вскрывать и не читать его в пути. Хороших курьеров, в конце концов, найти было очень трудно.

Среда, 18 августа 1999, 1:37 AM
Парк развлечений HolyLand
Уотербери, штат Коннектикут

Люсита несколько раз бывала на Святой Земле, и она могла с достаточной уверенностью сказать, что она не расположена на холме с видом на 1-84 в центральной части штата Коннектикут. Тем не менее, надпись на ветхих воротах гласила — HolyLand USA. Над ней, на вершине склона, огромный крест, очерченный желтыми и белыми флуоресцентными лампами, отбрасывал тошнотворный свет на некоторые унылые экспонаты из жизни Иисуса, которые усеивали склон холма.

Когда-то давно это место было диковинкой, вдохновляющим парком развлечений для жителей Уотербери. Но это было много лет назад, а теперь это были руины, заросшие сорняками и разбитые стекловолокном и проволокой от куриных яиц. Разорившаяся молодежь Уотербери давно нашла сюда дорогу, и разрушающиеся остатки парка свидетельствовали о последствиях их долгого пребывания здесь. Граффити испортили сохранившиеся фигуры Иисуса, Марии, Иосифа и -учеников. Некоторые из них были без голов; Люсита была уверена, что наступила на часть Петра, перепрыгнув через неэффективную ограду. Некоторые витрины были просто разбиты или осквернены иным способом, а по крайней мере на одной из них особо предприимчивый юноша вырезал грубую перевернутую пентаграмму.

Люсита на секунду остановилась и посмотрела на это, удивляясь тому, что при виде этого зрелища в ее нутре все еще бушевал легкий гнев. Она давно оставила церковь позади — внимание ее сира позаботилось об этом, — но нашла это.

Мелкое святотатство раздражало. Она видела зло — для некоторых, она была его олицетворением, и эта дань уважения

тому, что какой-то идиотский ребенок считал непослушным, принижала то, что она видела и делала. Она мысленно отметила, что, когда ее работа здесь закончится, она должна найти автора этого унижения и показать ему, чему именно он выказывает жалкое почтение.

Но это будет позже. Сейчас было время для бизнеса. Будь прокляты Талли и Монкада — у нее был контракт.

Повсюду на земле были разбросаны битое стекло, окурки и другие, менее заметные вещи. Менее осторожного охотника выдал бы хруст вездесущего стекла под ногами, но Люсита приняла определенные меры предосторожности. Она улыбнулась. Даже если бы она не знала, что ее добыча находится здесь, она бы догадалась, что он выберет такое место, чтобы лечь на землю.

Движение на шоссе внизу было постоянным и настойчивым. Оно хорошо маскировало любые звуки, которые мог издавать объект Люситы (и его компания). Однако постоянный поток машин добавлял еще одну проблему — все, что она делала на этом холме, было хорошо видно смертным внизу, а это означало, что ее арсенал был ограничен. Тактика, которую она использовала, чтобы отвлечь Талли от МакЭллена, здесь не сработает. Чудовищные щупальца и формы тени на фоне двадцатифутового креста могли быть расценены ее работодателями как нарушение Маскарада, а частью условий любого контракта с Камарильей было соблюдение ее правил.

Она огляделась. На холме ничего не шевелилось. Люсита нахмурила губы: желтый свет от иконы над ней казался почти желтушным. Ей придется смыть Торреса. Он был здесь. В этом она не сомневалась. Здесь были его следы, если знать, куда смотреть: следы в высоких сорняках, проделанные кем-то, кто тащил тело, странные брызги крови на земле, выброшенный ботинок на обочине тропинки, который выглядел слишком

новым, чтобы пролежать там больше недели. Вообще-то, судя по количеству улики, у Торрес определенно была компания.

Что ж, для начала было самое подходящее время. Люсита опустила на корточки и сосредоточилась. Свет от креста, не ставший, как -ожидали его изготовители, бичом, наоборот, помог ей. Тени расползались за каждым камнем и кустом, выползали из каждого -уцелевшего проявления разрушающейся набожности.

Все было очень просто. Торреса нигде не было видно. Он не мог двигаться, боясь, что его заметят. Это означало, что он прячется где-то в тени. И каким бы крепким или образованным ни был Торрес, тени не укроют его от внимания Люситы.

Она закрыла глаза и прислушалась к темноте. Звуки мчащихся машин и ветра, кружащего между дисплеями, исчезли. Вместо этого мир Люситы наполнился темнотой. Она металась сознанием из одного места в другое, ища малейший шум, малейшее движение.

Там. И там. И вон там. Их было трое, и все они делали все возможное, чтобы их не заметили. Это означало, что они видели ее приближение и, вероятно, догадывались, кто она такая. Это усложнило бы ее работу. Она отступила из тени, даже когда почувствовала, что трое движутся в атаку, и повернулась, чтобы встретить их.

Когда Люсита стояла, в воздухе уже висели два ножа. Она уклонилась влево, перепрыгнув через чудо хлеба и рыбы, и была вознаграждена парой приглушенных хрустящих звуков, когда лезвия врезались в стекловолоконно позади нее. Она видела всех троих: двое, которых она не узнала, бросились в атаку, а Торрес застыл на месте. Он выглядел так, словно не мог решить, помогать ли друзьям или бежать, и эта нерешительность была именно тем, что ей было нужно.

Двое, двигавшиеся к ней, были довольно неприметными, если говорить о вампирах. Один из них был высоким и долговязым, с растрепанной рыжей бородой и еще более растрепанным рыжим хвостом, а его партнер был ниже ростом и шире, с темными волосами. Оба были одеты в то, что она слышала, как пренебрежительно называли “униформой Шабаша” — черная байкерская куртка, джинсы, ботинки и кожаные перчатки. Высокий уже достал нож, а более низкий вампир с криком бросился на нее. Еще дальше Торрес, казалось, окончательно принял решение. Он побежал.

Люсита улыбнулась. Когда низкорослый вампир приблизился к ней, широко расставив руки и обнажив клыки, она просто опустила на колено и ударила его кулаком в живот с силой, достаточной, чтобы помять дверь автомобиля. Крик мужчины резко сменился вздохом, когда она почувствовала, как что-то в его внутренностях сжалось, и он вдруг тяжело сел с ошеломленным выражением лица. Он попытался подняться на ноги, и Люсита нанесла удар ногой, который раздробил ему скулу и глазницу. Он упал с поразительной быстротой.

Даже когда она поднялась из приседания, второй вампир бросил свой нож и потянулся за другим. Он был хорошо отлит, и вращающееся лезвие уловило свет от креста в полосах желтого и золотого цвета.

Люсита не стала уклоняться от удара. Вместо этого она просто вытянула левую руку ладонью наружу. Рядом с ней мужчина, которого она ударила, застонал от боли. Она проигнорировала его.

И нож вонзился точно в ее руку, лезвие пронзило ладонь и вышло с другой стороны. Люсита стиснула зубы, но никак не показала, что удар задел ее. Густая кровь стекала по ее руке на землю, но она не обращала на это внимания. В пятнадцати

футах от нее вампир, бросивший нож, остановился, убирая его из руки.

— Не хотите попробовать еще раз? — сказал он, когда дыра в ее ладони затянулась. Нож в ее правой руке был заляпан ее кровью, но он был хорошо наточен и острый. Лезвие имело форму листа, около трех дюймов в длину, и было отполировано до блеска. Люсита задумалась, сколько еще ножей у ребенка.

Вампир прорычал что-то, что могло быть проклятием, и метнул свой оставшийся нож. Однако он не попал в цель, и бросок промахнулся мимо нее на добрый фут вправо. Она рассмеялась, дразня его, а он перепрыгнул через витрину перед собой и бросился за ней. Люсита обошла его справа, поставив между ними упавшего друга, и сделала финт сначала влево, а затем вправо своим украденным клинком. Нападавший отступил назад, явно не готовый к вкусу собственного лекарства, и в тот же миг она обрушила нож на покалеченного вампира, лежащего на земле перед ней. Острие клинка вошло в его шею так легко, как если бы оно входило в тонкую грязь, и мужчина дернулся один раз, прежде чем полностью рухнуть.

Другому вампиру было наплевать на своего друга, а может быть, он просто увидел, что нож Люситы застрял.

между парой шейных позвонков его коллеги. Он набросился на Люситу с явным намерением схватить ее и, используя свои превосходящие размеры и вес, повалить ее. Позади него Люсита увидела, как Торрес направляется к ограждению. Это зрелище отрезвило ее. Пора было заканчивать с этим и идти к своей настоящей цели.

Долговязый вампир напал, и Люсита изо всех сил толкнула тело его союзника в лодыжки. Поскольку Люсита могла поднимать небольшие автомобили, если бы приложила к этому усилия, труп полетел на ее обидчика достаточно быстро, чтобы

он не успел перепрыгнуть через него. Вместо этого он рухнул на землю, так как мертвый вес его подруги выбил у него ноги из-под ног. Челюсть мужчины ударилась о твердую землю со звучным треском, и прежде чем он успел вскочить на ноги, Люсита обрушила свою обутую в сапог ногу на его затылок.

Череп вампира беспорядочно развалился, когда сапог Люситы прошел сквозь его череп и почти вышел с другой стороны. Она долго смотрела на труп, затем освободила ногу и бросилась вслед за Торресом.

Он уже перемахнул через забор и направился к шоссе. Люсита собрала всю силу крови в себе (меньше, чем она думала, поскольку заживление ножевой раны потребовало определенных усилий) и бросилась вперед. Томс увидел ее приближение и запаниковал, перепрыгнув через забор и спотыкаясь, побежал вперед так быстро, как только могли нести его ноги. Через несколько секунд, как увидела Люсита, он достигнет шоссе. Движение было оживленным, и, если повезет, Торрес успеет перебежать дорогу и попасть в лабиринт зданий на другой стороне. Она может поймать его там, а может и нет. А если он сбежит, то уйдет под землю так глубоко, что ей, вероятно, придется потратить недели, чтобы найти его снова.

Все должно было закончиться сейчас, будь прокляты свидетели. Она перестала бежать и ухватилась за тень на дальней стороне забора.

Торрес находился в двадцати футах от дороги. Фары идущих на восток машин освещали его в мерцании. Люсита сосредоточилась и, затаив дыхание, пробормотала молитву.

Усик тени вырвался и обвился вокруг ноги Торреса. Он вскрикнул и упал, сильно ударившись. Люсита улыбнулась и сделала жест — подойди. В ответ щупальце черноты начало оттащить воющего вампира от дороги. Торрес вцепился

когтями в грязь, которая налипла на его руки. Он цеплялся за сорняки, которые ломались под неумолимым давлением слуги Люситы.

Машина на повороте затормозила, из окна выглянуло лицо. Люсита выругалась и вызвала еще больше темноты, чтобы скрыть место происшествия. Никакие другие машины не свидетельствовали о наблюдении, и Люсита улыбнулась. Торрес выкрикивал непристойности, но шум проезжающих машин заглушал их. Он был так же одинок и потерян, как если бы находился посреди Сахары.

— Мои самые искренние извинения, Рей, — сказала она, не особенно заботясь о том, услышал он или нет. Она поцеловала его, и еще один теневой усик присоединился к первому. Теперь его крик был слышен поверх шума транспорта, вперемешку с проклятиями и мольбами. Тени уже подтащили свою жертву почти вплотную к ограде, и Люсита, не обращая внимания, добавила еще одно усико к нему. Трое подтащили Торреса к ограде, и Люсита сделала еще один жест.

Третье усико обхватило грудь Торреса и подняло его на ноги. Остальные все еще держали его за лодыжки, прижав к ограждению. Он боролся, но безрезультатно.

Люсита целеустремленно спустилась к месту, где ждал ее пленник. Она подошла к ограде и ткнула его в спину одним пальцем.

— Рада снова видеть тебя, Рей.

Рей сплюнул.

— Да иди ты, Люсита. Какого черта ты играешь?

— Я могла бы спросить тебя о том же, нет? Его место находится далеко от твоего обычного гнезда.

— Я турист. Это мой отпуск. Есть еще глупые вопросы?

Люсита сделала вид, что обдумывает ложь, хотя Торрес не мог повернуть голову достаточно далеко, чтобы увидеть ее.

— О, я вижу. Как я могла так ошибиться. Вот я стояла и думала, что, возможно, вы здесь разведываете, а вы, оказывается, пытаетесь сохранить свою никчемную шкуру еще несколько секунд, пытаюсь проявить остроумие, которое никогда не было вашей сильной стороной. И более того, я думаю, что у меня нет никакого желания оставаться в этом городе дольше, чем нужно, Рей, так что я не думаю, что твоя маленькая тактика отсрочки сработает очень хорошо.

— Правда? — В его голосе звучала бравада, наложенная на отчаяние. — Так что же тебя здесь держит?

— Ты еще не умер, — сказала она. — Но это можно исправить. Ты удивишься, как мало они платят мне за твою жизнь. И знаешь ли ты еще кое-что, Рей? Я забыла поесть перед тем, как попасть сюда. Представь себе.

Покончив с ужином, Люсита вытерла руки от того, что осталось от Рея, и направилась обратно на холм. Она оставила два трупа младших вампиров, аккуратно уложенных перед остатками Тайной вечери. Она подумала про себя, что это выглядит вполне уместным — по крайней мере, в том, что касается Рея.

Среда, 18 августа 1999 года, 257 AM
Межштатная автомагистраль 84
Центральный Коннектикут

Телефон зазвонил ровно три раза, прежде чем кто-то поднял трубку. Какое-то время раздавались какие-то звуки, потом наконец кто-то прохрипел

— Алло? — в трубку.

— Имею ли я удовольствие разговаривать с личным секретарем господина Шрека? Люсита была в хорошем настроении. Она ехала на восток по шоссе 1-84 с опущенным верхом своего кабриолета, с ветром в волосах и выполненным заданием за спиной.

Носферату (сейчас Люсита узнала голос, принадлежавший “женщине” из подвала в Балтиморе) на другом конце связи коротко хихикнул. — Если ты хочешь называть его так в данный момент. Добрый вечер, Люсита. Как поживает кабриолет?

— Машина прекрасная, спасибо. Вполне удовлетворительная. Носферату сделала вид, что хочет сказать что-то еще, но Люсита прервала ее. — Вы закончили бессмысленную болтовню, чтобы я могла сделать свой отчет, или вы хотите продолжать притворяться, что вам действительно нравится разговаривать со мной? Справа в ночи промелькнул знак, обозначающий поворот на 1-691 и Мидлтаун. Люсита проигнорировала его, свернула на левую полосу и объехала машину, которая ехала со скоростью всего 80 футов в час.

На секунду в трубке воцарилось молчание.

— А я-то думал, что все вы, Ласомбра, цените светские милости.

— Вежливость — да. Разведение, да. Чувство приличия, да, даже если тебе больше не рады в доме.

Предполагаемое, незаслуженное знакомство — это совсем другое дело. Не надейтесь на деловое знакомство и не притворяйтесь, что знаете меня или мой род. Итак, вы хотите получить вечерний отчет, или мне повесить трубку и просто наслаждаться вождением этой замечательной машины, которую вы мне подарили?

Из-за ветра трудно было расслышать ответ носферату, но Люсита была уверена, что это было что-то довольно грубое. За этим последовало ожидаемое молчание, поэтому она переложила телефон в левую руку, подложила его под подбородок и затараторила подробности вечера.

— Торрес мертв. Информация от вашего наблюдателя была хорошей, и как только я оказался в Уотербери, я смог легко найти его. Ваш человек не упомянул, что с Торресом были бегуны, но я ожидал этого. С ними тоже разобрались, но их тела были оставлены в качестве послания.

— Ты не понял? — Носферату звучал удивленно. — Это должно было быть в последней передаче.

— На данный момент это не имеет значения. Оба мертвы. Она посигналила, едва не врезавшись в выхлопную трубу Infiniti, который на мгновение выехал на правую полосу. — И нет, я этого не слышала. Интересно.

— Все любопытнее и любопытнее. Ну. Черт. Ты сказал, что у тебя есть и то, и другое?

— Да. По доброте душевной я даже не буду включать их в счет. Она сделала паузу. — Должна признаться, я была удивлена, что нашла Рея здесь, в любом месте.

— Это была удача, — небрежно признал Носферату. — Мы знали, что они выслали разведчиков, поэтому поставили людей следить за главными дорогами. Один из наших бродячих наблюдателей на межштатной дороге поймал его случайно в округе Дюшес и позвонил туда. Дальше было просто заставить людей искать его на правильных дорогах. Вы все еще работаете над последними двумя целями?

Выражение лица Люситы разгладилось. Следующая отметка была незначительной, но что касается архиепископа, то она не раз и не два заключала контракт на устранение этой цели, и Талли, будь он проклят со своей — профессиональной вежливостью, будет против. Деньги были откровенно неважны. Дело было в принципе. Никто не удерживал ее от того, на что она претендовала сама. Никто.

Больше нет.

— Люсита? Ты еще там? Люсита?

— Хм? Да. Просто... сложное движение.

На другом конце линии возникла намеренная пауза.

— Вы уверены, что сможете справиться с Талли? — спросил Носферату, словно читая мысли Люситы на расстоянии. — Мы можем прислать помощь, если понадобится.

Брови Люситы потемнели от гнева. — Спокойной ночи, — сказала она и разорвала связь. Вдалеке огни Хартфорда заслоняли звезды и окрашивали ночное небо в тошнотворный фиолетовый цвет. Пока что город оставался в руках Камарильи.

Она проведет здесь следующие несколько ночей, перегруппируется, а затем отправится дальше. Еще одно простое задание, а затем — большое.

Не говоря уже, подумала она, о Талли.

Среда, 18 августа 1999, 3:17 AM

Подземный грот

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Калеврос управлялся с длинной деревянной спичкой очень ловко, несмотря на шишковатые когти, служившие ему пальцами. Он зажег последнюю свечу на канделябре, который держал как можно дальше от своего стола, заваленного бумагами и папками, но в то же время достаточно близко, чтобы мерцание света приносило пользу. Его прежняя настольная лампа мерцала слишком часто для его же пользы, и Калеврос реагировал... ну, очень бурно. Так появился канделябр.

По крайней мере, свечи должны были мерцать. В жизни Калевроса хватало источников напряжения и без надоедливых настольных приборов. В отличие от многих своих сородичей здесь, в Большом Яблоке, он давно бросил вызов Камарилье, и сейчас все шло на руку Шабашау. Возможно, Калеврос слишком доверял Пьетерсуну, но если дитя Хардештадта не может, так сказать, спасти положение, то какая надежда остается?

Калеврос вернулся к своей работе, взял со стола отчет, составленный несколько ночей назад, и изгнал свое волнение красной ручкой.

15 августа 1999

Re: Продвижение Шабаша

Окончание комендантского часа в округе Колумбия позволило Шабашу укрепить контроль над городом; Принц Гарлотт и принц Витель уже потянули за все возможные ниточки, чтобы направить туда Национальную гвардию Мэриленда (более управляемую) вместо федеральных войск; южные пункты теперь прочно контролируются Шабашем после блицкрига.

Буйвол исчез - провал плана Питерсуна или наша разведка?

Никакого намека на наступление Буффало со стороны Равенны/Парменида; не в курсе? распродано? По словам Курьера, большую часть времени он проводил в церкви осада Тремер, вдали от Викоса.

Четверг, 19 августа 1999 г., 3:49

Висконсин Авеню

Вашингтон, округ Колумбия.

Четыре вампира часто могли спокойно делать то, что ни один смертный в здравом уме даже не попытался бы сделать, в данном случае бродить по улицам Вашингтона, округ Колумбия, после наступления темноты без малейшего опасения за свою личную безопасность. Тот факт, что трое из четверых были архиепископами Шабаша, а четвертый — телохранителем, который в любую ночь мог дать фору каждому из троих, не сильно менял ситуацию. Это просто означало, что квартет был не просто крайне неприятным, а невероятно грозным.

В данный момент четверо — архиепископ Вашингтона Саша Викас, архиепископ Нью-Йорка Доминг0 Полония, архиепископ Майами Борхес и зловеще молчаливый сэр Талли, который шел в четырех шагах позади них, — не спеша шли по главной улице Джорджтауна, проходя мимо закрытых пиццерий и магазинов подержанных дисков. Бездомные, которые обычно усеивали улицу после того, как студенты, туристы и евромусор расходились по домам, взглянули на то, что приближалось по улице, и один за другим скрылись в дверях, боковых улицах или переулках, дрожа там, пока четверо хищников не ушли.

Однако им не стоило беспокоиться. Трое из четырех охотились за более крупной добычей, а последний вообще не охотился ни за кем конкретным.

— Похоже, у нас две проблемы, — сказала Викас, просунув руки через руки Ласомбры, стоящей по бокам от нее. Борхес вздрогнул от ее прикосновения, а Полония приняла его без колебаний.

Талли, шедший позади, заметил это, как и все остальное. В основном, однако, его взгляд был устремлен на все, кроме трех вампиров перед ним. Вместо этого он следил за крышами, дверными проемами, переулками и особенно за теньями. Он лучше знал, что его предупреждение не имело никакого смысла, кроме как позволить ему сказать, что он сделал все возможное, чтобы следовать букве инструкций Монкады не причинять вреда ребенку кардинала.

Талли не думал, что Люсита будет настолько дерзкой, чтобы попытаться что-то сделать здесь, но, опять же, Люсита была дерзкой с тех пор, как ее сир перенес ее из жизни в нежизнь. Конечно, она не могла быть настолько безрассудной, чтобы попытаться напасть на всех четверых... но опять же, решение, что она не может что-то сделать, означало, что ты перестал защищаться от этого конкретного события.

Люсита, он знал, очень, очень хорошо умела находить, где вы ослабили свою защиту. Поэтому, решил Талли, лучше всего ничего не предполагать, подготовиться ко всему и использовать это как предлог, чтобы проигнорировать разговор трех вампиров, которых он сопровождал. Это было, как он обнаружил, удивительно трудно. Его взгляд то и дело возвращался к явному напряжению впереди. Для случайного наблюдателя эта троица выглядела как трое друзей на ночной прогулке, возможно, студенты или, учитывая их экзотические черты, атташе из одного из близлежащих посольств.

Но Талли мог читать язык тела этих троих, как карту, то есть с одного взгляда, и то, что он читал, беспокоило его. Движения Полонии были грациозны по человеческим меркам, но по сравнению с обычной кошачьей походкой архиепископа...

Изящество его было совершенно деревянным. Очевидно, что его мысли были где-то в другом месте.

По сравнению с ней, Викас была слишком показной непринужденной. Она смеялась слишком громко и слишком часто. Ее походка по-прежнему была хищной, но преувеличенной.

Что касается Борхеса, то он двигался под жестким контролем. Каждое прикосновение к Викасу, каждый смех или комментарий заставляли его напрягаться.

— Итак, у нас две проблемы, — услышал он слова Полония. — Во-первых, есть дело благородного и знатного Теодора Белла, который, похоже, стоит за многими нашими проблемами. Похоже, что Питирзун сильно на него опирается. Я бы очень хотела посмотреть, что произойдет, если мы уберем этот костыль, и была бы очень рада, если бы в результате Вентру рухнул.

Борхес сплюнул.

— Стоит ли нам вообще обсуждать это здесь? Сейчас не время и не место для планирования серьезных дел.

— Напротив, — голос Полонии был ровным и немного забавным, — это идеальное время и место. В кои-то веки здесь нет ни идиотов Пандеров, стучащих по столу, ни гулей, перекусывающих в углу, ни жрецов стаи, которых нужно дисциплинировать только для того, чтобы мы все согласились, что огонь — это горячо. Мы, и мистер Талли за нами, являемся здесь реальной властью. Что мы решим, то и произойдет. Остальное — лишь игра теней, кукольный спектакль, чтобы заставить остальных охотнее следовать за нами. Однако на данный момент, — и в его голос вкралась нотка удивления, — мне немного надоело играть на публику.

— Итак, у нас есть проблема. Две, вообще-то, но я думаю, что сначала мы должны разобраться с Беллом, прежде чем переходить к другой.

Борхес проворчал.

— Думаю, я лучше послушаю, что как вы думаете, Дон Полония, в чем наша вторая проблема. Мы продолжаем пытаться решать проблемы по частям, и я беспокоюсь, что мы тратим на это слишком много сил и времени. Возможно, одна из наших проблем поможет решить другую, да?

Викос издал серебристый смешок.

— А что, архиепископ Борхес, это отличная мысль.

Борхес почти перешел на шаг, и Талли увидел, как напряглись его плечи — так, как он видел у волкодавов, готовых броситься в атаку.

— Что еще у нас на повестке дня, архиепископ Полония?

Полония изящно высвободилась из руки Викаса и сделала жест, который был более или менее эквивалентен пожатию плечами.

— Я не вижу, как это поможет в данном случае, но меня беспокоит другое — Бостон.

— Бостон? — Борхес фыркнул с недоверием. — А как же? Он уже давно созрел для захвата. Это гнилой столб забора. Нам стоит только опереться на него, и он упадет.

— Что касается Камарильи, то да. Однако там есть другая сила, которая беспокоит меня гораздо больше. Джованни там

сильны и становятся все сильнее, и в отличие от Камарильи они не играют ни по каким правилам.

— Вполне верно, — подхватил Борхес. — В половине случаев можно положиться на собственные Традиции Камарильи, которые мешают им в бою. Некроманты не испытывают подобных затруднений. К сожалению, они сражаются, чтобы победить.

— Действительно. И их союзники среди мертвых делают их более грозными, чем можно предположить по их количеству. В голосе Викоса звучала легкая озабоченность, хотя Талли признался себе, что это может быть просто принятие желаемого за действительное. Он давно знал Викоса, знал.

Викоса еще дольше, и за все это время лишь дважды слышал от Цимисхи испуганный голос. Ему нравилось слышать, как боится Викос. Это позволяло ему знать, как, если понадобится, он сможет справиться с новоиспеченным архиепископом Вашингтонским.

С другой стороны, между — возможно, слегка обеспокоен — и действительно напуган, было довольно большое расстояние, и Талли лучше знал, чем путать эти два понятия.

— Говоря, что мы должны игнорировать Камарилью на данный момент и просто нанести полный удар по Бостону! Голос Полония был недоверчивым.

— Не игнорировать. Продолжайте изнурительные атаки на города на фронте. Ждите, пока друг архиепископа Викоса скажет нам, где они будут слабы, и бейте там небольшими отрядами. Такая тактика принесла нам Баффало, не так ли? А тем временем, преследовать сукиных сынов Джованни так сильно, используя все, что у нас есть, чтобы Венеция утонула еще на шесть дюймов в сочувствии. — Борхес покраснел от

возбуждения, его левая рука чертила в воздухе карты, когда он излагал свой план.

Викос нахмурился и вмешался.

— Это хорошая идея, но как нам воплотить ее на практике?

Полония обошел кучу мусора посреди тротуара и кивнула.

— Сложность в том, чтобы доставить туда людей. Мы не можем спуститься из Монреаля, потому что территория между ними враждебная, поросшая люпинами. Мы потеряем большую часть наших сил, прежде чем приблизимся к городу на расстояние вытянутой руки. Направившись на север из Нью-Йорка, мы вынуждены будем нанести удар по территории Камарильи, что сводит на нет весь смысл вашей превосходной стратегии, дон Борхес. То же самое касается любого продвижения на восток от Буффало. А Джованни очень прочно удерживают аэропорт и доки, так что морские или воздушные маневры в лучшем случае маловероятны.

— Вы так уверены в последнем, архиепископ? — спросил Викос.

— Вполне. У меня был случай воспользоваться их услугами. — Это чуть не сломало шаг Викаса, и Талли издал быстрый смешок, который он проглотил в кашле. — О да, они превосходные профессионалы.

— Осмелюсь спросить, почему вы отдали себя в их руки? — Смех и кокетливый тон исчезли из голоса Викаса. — Прихоть? Конечно, нет.

Полония рассмеялся.

— Скорее, это была миссия по сбору фактов. Я хотела увидеть из первых рук, как им удастся контрабандой переправлять столько Вентру в Нью-Йорк. Я уехала слегка подтопленной и очень впечатленной. У них превосходная, почти завидная операция.

— А вы узнали, как прекратить поток вампиров Камарильи в ваш город, архиепископ? Тон Борхеса был обманчиво мягким, подразумевая, что все это пустяковое дело, и можно ожидать, что любой разумно компетентный человек справится с ним с минимальной суетой.

— Нет, — тихо сказал Полония, — но я узнала еще несколько очень интересных вещей. Эти слова на мгновение повисли в воздухе, и Талли внимательно наблюдал за реакцией двух других. К сожалению, он был предсказуемо разочарован тем, что увидел.

— Ах, — ответил Борхес, отмахнувшись от замечания Полонии. — Что ж, рано или поздно им будет неоткуда взяться, не так ли?

Талли почти слышал, как Полония заставил свое лицо улыбнуться в ответ на оскорбление. — Человеку со змеями в саду есть о чем беспокоиться, чем человеку с незваными гостями, дон Бриджес. Вы бы очень хорошо сделали, если бы помнили об этом.

Борхес вздрогнул, и на мгновение Талли подумал ему пришлось бы вмешаться. К счастью, Викос сделал это раньше, чем ему пришлось. — Трюизм причудливый, но я так и не услышал, что ты собираешься делать.

Полония сделал еще один шаг вперед, повернулся на каблуке и глубоко поклонился. Вся процессия остановилась, когда он это сделал.

— Благородный архиепископ, конечно же, прав. Могу ли я тогда попросить у вас минутку снисхождения, чтобы объяснить мои скромные планы?

Борхес нахмурился.

— Масло не растаяло бы у тебя во рту, Полония.

— И в твоей тоже, мертвец. Придержи язык на минутку, пока он не вывалился слишком далеко и его не отрезали. Если Борхес зашел слишком далеко, он стал гневно брызгать слюной, и Талли был совершенно уверен, что именно этого Полония и добивался все это время.

— Как я вижу, ключевым игроком по-прежнему является Белл. Пьетерсун опирается на него, полагается на него. Он — средство, с помощью которого проклятый Вентру встраивается в машину Американской Камарильи. Вскоре эти двое будут действовать в гармонии, координируя свои усилия и добиваясь максимальных результатов. Именно в этот момент мы должны убрать Белла, раз и навсегда. Если мы это сделаем, мы преуспеем дважды. Во-первых, уничтожив Белла, мы уберем с доски опасную фигуру противника. Еще лучше то, что мы ущемляем Пьетерсуна, который должен внезапно начать функционировать без своего всегда надежного костыля. На восстановление операций у него уйдет больше времени, чем на их создание, а тем временем преимущество будет за нами.

— Амбициозно, — пробормотал Викас.

— Простой закон государственного устройства, — ответила Полония. — Аксиоматично, что шпиона изгоняют после того, как он захватил локальную сеть, а не до того. Это нарушает все его наполовину осуществленные планы, и заставляет его сделать то.

В конце концов, у следующего шпиона будет гораздо больше времени, чтобы освоиться. Он издал короткий смешок. — Если хочешь узнать, кто шпионит, говорил мой сир, посмотри, кого депортировали.

Викос кивнул. — Тем не менее, ты привел причины, по которым Белла следует убрать, а не планы, как это сделать.

— Терпение, мой дорогой архиепископ. Вот что мы сделаем, объединив наши проблемы, как предлагал ранее дон Борхес. Мы убьем Белла. После его устранения операция Пьетерсуна превратится во временный хаос. Во время этой возможности мы едем в сторону Бостона через сердце Новой Англии. Чтобы подготовить путь, мы посылаем стаю в качестве передовых разведчиков во время первой части операции, и в неразберихе они могут проскользнуть через кордон Камарильи в сам Бостон. Затем они отправятся на землю и начнут закладывать основу для полномасштабной операции против Джованни. Полония улыбнулась, и не по-доброму. — Поскольку у вас, похоже, немного не хватает персонала, дон Борхес, я даже готова выделить одну из своих стай для переброски в Бостон; я уже могу назвать одну, которая делает это время от времени в течение многих лет, и которая создала там что-то вроде убежища. Вы, мой уважаемый пэр, можете с честью возглавить партизанскую операцию вместо меня, с сэром Талли на вашей стороне.

— Хм... — Викос лениво помахал пальцем в воздухе, словно дирижируя оркестром, который никто не мог услышать. — Кажется, я вижу один изъян в вашем плане, архиепископ.

— О?

— Вы сказали — убить Белла, как будто это будет так просто. Есть ли у тебя какие-нибудь идеи, как это можно сделать, или ты просто доверился Джову, что он пошлет удобную молнию?

— Цок-цок, такое кощунство. Ваш покровитель этого не оценит. Кроме того, я подумал, что могу побаловать вас вашим любимым политическим инструментом.

— А. Понятно.— Лицо Викосса было лишено выражения. — Этот галс уже однажды провалился, ты знаешь.

Полония отмахнулась от возражений. — Мы потерпели неудачу с мастером, теперь попробуем с человеком. Сомневаюсь, что он будет такой же сложной мишенью. Кроме того, у Камарильи есть уникальное слепое пятно в их тактическом зрении. По какой-то причине они думают, что если они сорвали стратагему один раз, то она никогда не сможет сработать снова. Без сомнения, Пьетерсун, Белл, Витель и все остальные сидят и поздравляют себя с тем, что им удалось перехитрить убийц, которых мы послали за Голландцем. Конечно, мы не будем настолько бестактны, чтобы попытаться повторить тот же трюк. Они этого не ожидают, совсем не ожидают.

Викос сцепила пальцы и надулась.

— Надеюсь, вы правы, архиепископ. Могу ли я предположить, что эта часть операции принадлежит мне?

Полония поклонился от шеи.

— Ты правильно предполагаешь, архиепископ. И даже если мы потерпим здесь неудачу, мы преуспеем. Мы поколебали веру Камарильи в то, что они — знают— о нас. Мы уменьшаем их веру в свою безопасность. Мы заставим их волноваться. А встревоженный враг, как вы оба знаете, — это побежденный враг.

— Я подумаю над этим, — резко сказал Борхес, повернулся и пошел прочь. Полония поднял бровь, а Викос кивнул и пошел за

ним. Когда звук их шагов по мокрым булыжникам затих, архиепископ Нью-Йорка посмотрел на Талли, который остался стоять перед ним.

— Прекрасно сыграно, архиепископ, — мягко сказал Талли.

Полония с интересом рассматривала темплара.

— Вы имеете в виду...?

— Ваша травля архиепископа Борхеса. Вы подталкиваете его к... безрассудству. Вы подталкиваете его к действиям, которые могут причинить ему вред.

— И это оскорбляет ваши чувства, мой дорогой тамплиер? — небрежно спросил Полония. — Скажи мне, если ты чувствуешь, что архиепископ Борхес в такой опасности, почему ты все еще здесь, со мной?

Талли развел руками.

— Уверяю вас, дон Полония, я просто выполняю свою работу.

— А. Понятно. И это работа?

— Обеспечение функционирования архиепископа Борхеса, среди прочих. Удивит ли вас известие о том, что мои фактические распоряжения кардинала Монкада несколько отличаются от тех, что были доведены до вашего сведения?

Полония слегка наклонил голову.

— Вовсе нет. Пойдем со мной, тамплиер.

Не оглядываясь, он направился вниз по улице, в направлении, противоположном тому, которое выбрал Борхес. Талли нахмурился, а затем последовал за ним.

— Так, — сказал Полония, — что ты здесь делаешь? Или кардинал не хочет, чтобы это стало известно?

— Более или менее то, что вы ожидаете. Я должен защищать вас и ваших коллег-архиепископов — потому что, хотя у нас есть очень веские доказательства того, что один из вас был замечен в убийстве, детали все еще немного неясны — и в целом сделать мое присутствие очень публично известным.

Голос Талли был лишен выражения, его глаза были устремлены куда угодно, только не на Полонию.

— Известно кому?

— Тому, кто нанимает Люситу, ваше превосходительство.

Полония вздохнул.

— И это привело тебя ко мне?

Талли обошел мусорный бак.

— Назовите это превентивной мерой, дон Полония. Рей Торрес, один из самых верных соратников Борхеса, был отослан и не может связаться с архиепископом в случае неприятностей. Сам дон Борхес является объектом постоянных подначек, и рано или поздно он вспыхнет так, что я не смогу его сдержать. Мне следует обратиться к источнику этой проблемы и попытаться устранить его.

Полония повернулась, приподняв одну бровь.

— Я и понятия не имела, что Торрес был таким предметом заботы.

Талли кивнул.

— Сам по себе он не такой. Он трус и хвастун, но сейчас меня больше волнует, как он вписывается в общую картину.

— Подходит в прошедшем времени, я ожидаю, в данный момент. Но это не здесь и не там. Хм... Если бы я знал, что вы так подозрительны к моим мотивам, я бы настоял, чтобы Торрес не брал очко. Несомненно, Борхес возражал бы против того, чтобы я украл у его народа шанс на славу, однако, и... — Лицо Полония на секунду искривилось в выражении презрения, затем он поднял голову. — Повторяю, это не имеет никакого значения. Скажи то, что ты ждал сказать, прежде чем мы выйдем из города.

Талли остановился и сел на бетонную ступеньку. — Если вы настаиваете. Скажите мне, дон Полония, почему вы хотите смерти архиепископа Борхеса?

— Это легко. Я не хочу.

— Нет? Ти Элли почти фыркнула от недоверия. — Тогда, пожалуйста, объясни мне, как так получилось, что так много знаков указывают на тебя.

Полония тонко улыбнулся.

— Позвольте мне кое-что объяснить вам, дон Талли. Борхес — человек импульсивный. Он человек сильный и страстный, но он не умеет себя контролировать и тонко чувствовать. Его можно вести за собой, как быка ведут на ринг, заставляют разъяриться, а затем поворачивают к цели. В этом он полезен, пока длится война, а я не выбрасываю инструменты, пока от них есть польза. Эта борьба еще не закончена, и при всех своих недостатках архиепископ Борхес был бы человеком, которого трудно перемирить. Кроме того, я подозреваю, что вспыльчивость Борхеса убьет его задолго до того, как я решу, что нужно вынести его имя на суд или казнь перед Les Amies

Noir. Поэтому я не желаю Борхесу смерти; или, наоборот, позвольте мне сказать, что я не желаю ему смерти больше, чем в течение последних двух столетий, и, возможно, меньше, чем в настоящее время.

— Если бы я хотел смерти Борхеса, — мягко сказал Полония, — он был бы мертв еще до того, как милостивый кардинал послал тебя сюда. Ты понял меня, тамплиер?

Талли едва не вздрогнул. Он был старше Полония и, вероятно, более могущественным, но от этого человека исходила завуалированная угроза, леденящая кровь.

— Но, конечно же, — Полония остановилась, когда он сделал паузу, — вы спрашиваете меня, нанял ли я Люситу, чтобы уничтожить коллегу-архиепископа. Что еще вы ожидаете от меня услышать?

С этими словами архиепископ Нью-Йорка продолжил свой путь, оставив Талли стоять одного в ночи.

Среда, 25 августа 1999, 10:20 PM
Iglesia de San Nicolás de los Servitas
Мадрид, Испания

— Мне любопытно, кардинал. Скажите мне: В какую игру вы играете на самом деле?

Кардинал Монкада благоговейно развел руками. — Конечно, шахматы. И я разрешаю вам взять назад последний ход, если вы действительно хотите пожертвовать слона.

— Я думал, вы приносите в жертву архиепископа, — ворчал дон Ибрагим. Он посмотрел на доску. — Пусть ход останется в силе. Я скорее проиграю, чем приму благотворительность и одержу запятнанную победу, бисмальи.

— Если вы настаиваете. МонКада задумчиво протянул руку над доской и смахнул слона в сторону конем. "Признаю, символизм хода немного приторный. В такие вещи можно вложить слишком много смысла, дон Ибрагим. Как я уже говорил Талли, прежде чем отослать его, шахматная метафора изрядно надоела.

Ибрагим скрестил руки и сел поудобнее. — Если он и устал, то только потому, что много раз оказывал почетную услугу. Так в какую игру ты играешь, кардинал? Утолите мое любопытство. Вы знаете, что у меня нет никакой доли в этих американских разборках, и меня не интересует, кто выживет или умрет.

— Никак?

— Талли вернется.

— Я надеюсь на это. Монкада поднял свою огромную массу со стула и встал, моргая. — И Люсита тоже. Викос? Возможно.

Он стар и силен, и хотя ему угрожает опасность, он умеет выживать. Что касается остальных, ну, если Люсита выживет, то один из них нет. Это простая логика. Он начал медленно обходить комнату, потирая руки и вздыхая. — Что касается моей игры, ну, я признаюсь вам, что у меня ее нет. Я защищаю свои активы и пытаюсь вычислить предателя. Слишком много тонких признаков неправильности исходит от всей этой эскапады. Слишком много сил в одном месте, слишком много планов. Рано или поздно все это само собой рассосется, и я хочу быть уверен, что это произойдет организованно. По правде говоря, я не ожидаю, что Талли преуспеет в своей заявленной миссии. Я просто ожидаю, что его присутствие устранил расточительство и ненужную резню.

Ибрагим кивнул, изучил доску, затем двинул пешку вперед, угрожая коню Монкада. — Разумно. Исключительно разумно. Но что делать, когда дым рассеется?

Монкада остановился и посмотрел на гобелен, который был почти таким же старым, как и он сам. На нем было изображено открытие гроба Иисуса на третий день, а с левой стороны было любопытное пятно. — Посмотрим, что мы увидим, когда это произойдет, дон Ибрагим. Кое-кто может потребовать наказания, если он слишком усердствовал, следуя своей собственной программе, а не той, более великой, которую Бог позволил нам установить для него. Последнее было сказано мягко, фактическим тоном, который мог бы обмануть любого, кто не знал кардинала. Дон Ибрагим, с другой стороны, очень хорошо представлял себе, как Монкада определяет — наказание, и вдруг сам почувствовал легкое беспокойство.

— А если это один из ваших архиепископов?

Монкада нахмурился.

— Тогда я накажу архиепископа.

Ибрагим кивнул.

— Я рад это слышать. Некоторые из них становятся слишком уверенными в себе, если их оставить слишком долгое время по своему усмотрению. Внезапная мысль поразила его. — Но что делать, если Талли действительно преуспеет?

Кардинал повернулся, на его лице застыла беззастенчивая, нездоровая улыбка. — Против моей дочери, дон Ибрагим, вы действительно думаете, что он это сделает?

Дон Ибрагим молчал столько, сколько осмеливался, затем снова повернулся к доске.

— Это ваш ход, кардинал, — тихо сказал он.

— Это действительно так, мой друг. Я благодарю тебя за напоминание. Это действительно так. И он снова устроился в кресле и уставился на доску, снова сосредоточившись на игре.

Пятница, 27 августа 1999 г., 4:16 AM
Станция MBTA Форест Хиллс
Ямайка Плейн, Массачусетс

— То, что мы имеем здесь, — сказала Анжела с пластиковой улыбкой, — это неспособность к общению. Мужчина, с которым она говорила, не ответил, возможно, потому, что его рот был заполнен кровью и осколками его собственных сломанных зубов, но для Анжелы это не казалось приемлемым оправданием. Она потянулась вниз и схватила его за испачканную рубашку, затем подняла его на ноги. Он слабо ударил ногой, раз или два, но безрезультатно. Сверху по эстакаде Ямайка Уэй проносились редкие машины; вдалеке прогрехотал ранний поезд Оранжевой линии, направляясь к станции Форест Хиллз. В остальном, однако, ночь была пустынна, что показалось Анжеле досадным. Свидетель, по ее мнению, стал бы удобным поводом для более активного времяпрепровождения, чем то, которое обеспечивала ее нынешняя жертва.

Это был невысокий мужчина с черными волосами и смуглыми чертами лица, которые могли бы показаться почти красивыми до того, как Анжела аккуратно приложила монтировку к его нижней челюсти. На нем была рубашка, когда-то белая, но теперь испачканная грязью и кровью, черный жилет и черные брюки. На его скальпе было рваное кровавое пятно, где Анжела в порыве энтузиазма вырвала кусок его волос, а из разбитого рта вытекала кровавая дорожка. Когда он дышал, на его губах образовывались и лопались пузырьки розовой пены.

Анжела прикинула, что у него есть минут пять, максимум десять. У нее было достаточно времени, чтобы получить нужные ответы и немного развлечься стороны. Она задумалась на

секунду, затем схватила свою жертву и перевернула ее. Он выплюнул на булыжники куски полужастывшей крови.

— У тебя есть один шанс сделать это безболезненно, — сказала она. — Скажи мне, где твой босс паркует свою машину, и я покончу с этим прямо сейчас. Будешь упрямитесь, и закончишь, как они. Она подняла руку вверх.

Мужчина проследил за ее взглядом. Прямо над ними находилась эстакада, перекинувшаяся через Джамайкавэй над южной конечной станцией метро Оранжевой линии: четыре полосы бетона и стали тянулись на тридцать футов прямо вверх. На нижней стороне конструкции лежали трупы, не менее дюжины. Они были насажены на шипы, торчащие из эстакады, грубо, но надежно скованы и закованы в кляпы. Вонь гниения лениво стекала вниз, смешиваясь с запахами мусора и мочи, которые доносились с ветерком.

— Хм? — спросила Анжела.

Мужчина засмеялся. Испуганная, Анжела уронила его.

— Что смешного, ты, маленькая дрянь? Что в этом смешного?

Мужчина сплюнул еще больше крови, захлебываясь ею, даже когда он пытался сдержать свое веселье. — Мужик, ты просто не понимаешь, да? Это то, чем ты мне угрожаешь? Ты ни черта не знаешь. Его голос был густым и невнятным, но насмешливый тон все равно прозвучал.

Анжела посмотрела на него сверху вниз, постучала ногой по его челюсти и стала ждать.

— Позволь мне кое-что объяснить тебе, хорошо? Ты собираешься убить меня? Да. Ты сломаешь все кости в моем

теле? Отлично. Ты сделаешь мне так больно, как никому еще не было больно, и в конце концов ты меня убьешь. Потрясающе. Сделай это. Я буду кричать сколько смогу, даже если тебе от этого станет легче. Но ты не понимаешь, что в конце концов все это должно закончиться. Ты убьешь меня, и я буду мертв, и тогда ты больше не сможешь причинить мне боль.

Он кашлянул один раз, в его груди раздался хрип, которого раньше не было.

— Но как только ты убьешь меня, все будет кончено. Если я продамсья, что ж, я все равно умру, и тогда начнется настоящая боль. И знаешь что? Как только мой босс получит в свои руки мою душу, я буду болеть вечно. Он сплюнул и кровожадно ухмыльнулся. — Так что постарайся, сука. Я никуда не уйду. Он снова начал смеяться, достаточно громко, чтобы его можно было услышать за грохотом проезжающего над головой восемнадцатиколесного транспорта.

Анжела задумчиво смотрела на него в течение долгого времени.

— Хм. Это хорошая мысль. К сожалению для тебя, ты упустил то, что здесь на самом деле происходит. Посмотри еще раз вверх. Очень внимательно посмотрите на людей там, наверху. Потом посчитай, сколько из них еще движется.

Мужчина снова поднял голову, и его глаза стали очень широкими.

— О, — это все, что он сказал.

Анжела улыбнулась, не без злобы.

— Солнце никогда, никогда не попадает сюда, понимаете, и мы просто накидываем брезент на все это дело и делаем вид, что кто-то занимается ремонтом. Это работает уже много лет.

— Годы?

Она кивнула.

— Годы. Именно столько я посещала город по приказу Полония. Именно столько времени Арнольд был там. ...ты ведь помнишь Арнольда? Думаю, он получил твою работу раньше тебя, а потом исчез.

— Даже ваш босс не знал, что с ним случилось, не так ли? Ну, вот в чем дело.

Он тоже не хотел говорить, поэтому я решил оставить его здесь, пока он не передумал. Она наклонилась и поцеловала его в лоб почти материнским жестом.

— Не волнуйся, Дэнни. Ты тоже будешь тут болтаться.

Уже почти рассвело, когда Анжела, наконец, вернула брезент на место, с небольшой помощью рано вставшей телефонной бригады, которую она предупредила и заставила работать, используя одну из своих более развитых вампирических способностей. Дэнни был наверху, его рот все еще был открыт в этом глупом маленьком — о. Он еще не говорил, но Анжела была уверена, что скоро заговорит. А когда он заговорит, она все равно оставит его там, в качестве небольшой расплаты за то, что он смеялся над ней.

Первые пассажиры уже тянулись по тропинке к вокзалу. Некоторые мрачно смотрели на Анжелу, несомненно, видя в ней опоздавшую после ночной вечеринки (неважно, что в Бостоне тротуары сворачивают в час ночи). Все они прошли

прямо под тем местом, где теперь покоился Дэнни, с двумя футами острой стали в груди. Никто из них даже не удосужился посмотреть вверх; в некоторые моменты вампирше казалось, что брезент, укрывавший ее маленький зверинец, был напрасным усилием.

Анжела почувствовала, что улыбается, и перешла на бодрую ходьбу. До временного пристанища, где ждали остальные со своими новостями, было всего несколько кварталов, так что ей не было нужды спешить. Тем не менее, она чувствовала себя хорошо. Скоро шофер Джованни сломается, и они узнают все, что им нужно, чтобы разобраться с хозяином этого человека. Затем эти знания можно будет передать архиепископу Полонию, а он сможет донести их до тех, кому это необходимо.

Это будет, решила Анжела, совершенно прекрасный день.

Суббота, 28 августа 1999, 11: 23 PM
Резиденция Д. Питера Манро, эсквайра.
Ньюарк, штат Делавэр

— Вы опоздали. Голос эхом разнесся по пустой комнате. Единственным предметом мебели в ней был деревянный стул с прямой спинкой, на котором сидел невысокий черноволосый мужчина в безупречной и скрипучей новой байкерской куртке. Его ботинки стояли на полу, а руки были аккуратно сложены на коленях. Он был силуэтом на фоне лунного света, лившегося через эркер позади него, но ничто в его позе не выдавало ни малейшего напряжения или страха. Большие деревянные двери в обоих концах комнаты были закрыты снаружи, а стены были без единого белого пятна. Одинокий канделябр, запятнанный каплями воска от бесчисленных свечей, безмолвно качался на черной цепочке.

Люсита вышла из тени, словно Венера, поднимающаяся из волн на Кипре. Темнота стекала с нее, оставляя ее одну перед лицом своей добычи. На ней была ее обычная рабочая одежда, а волосы были стянуты простым черным кожаным шнуром. В ее левой руке был нож с широким лезвием, но правая рука была свободна.

— Я разочарована в тебе, Манро. В инструктаже, который провел мой клиент, говорилось, что с тобой будет трудно иметь дело, и все же я нашел тебя здесь, ожидающим меня. Кред существования?

Мунро хихикал ровно две секунды, затем оборвал себя.

— Вряд ли. Хотя, признаюсь, я ждал вас. Вы давно меня ищете? В его голосе слышались следы шотландского заусенца, давно смытого годами, проведенными вдали от родины.

— Не очень, нет. В большинстве вещей мой работодатель довольно точен. В данном случае, он сказал мне, где я, скорее всего найти вас и когда, с какими средствами защиты я столкнусь, как выглядит план помещения и какова вероятность того, что вы будете в этом пиджаке. Это было, — и она чопорно кивнула, — наиболее удовлетворительное профессиональное соглашение.

Человек в кресле моргнул.

— За удовлетворительное профессиональное соглашение вы собираетесь уничтожить меня? Вряд ли это справедливо.

Люсита помахала пальцем.

— Конечно, нет. Я собираюсь уничтожить вас, потому что за это мне заплатили большие деньги, а также по некоторым другим соображениям. Тот факт, что я считаю тебя смешной, и что мой работодатель тратит свои деньги, заставляя меня делать это, совершенно не имеет значения. Тебе не следовало заблуждаться, Антин'бу. Шабаша тебе не подходит.

Мунро намеренно скрестил ноги, но не сделал никакого другого движения. — До сегодняшнего вечера я был доволен выбором. Он потянул за скрипучую кожу рукава. — Гардероб — это небольшая жертва.

— Плохое решение. Ты похож на клоуна, Манро. — Люсита начала подбрасывать нож в воздух и ловить его свободной рукой. На пятый раз, когда она это сделала, нож так и не опустился. Она, казалось, не замечала этого. — Впрочем, это не важно. Твоя история на этом заканчивается. Я позволю тебе помолиться, если хочешь. Вы были Ви Кирком, да? Мой сир высоко отзывался о вашей преданности.

Мунро натянуто улыбнулся.

— Нет необходимости, я думаю. Кроме того, Люсита, я еще не совсем готов умереть. А ты?

Он хлопнул в ладоши.

Ничего не произошло, кроме того, что Люсита наконец решила посмотреть вверх за своим ножом. Он висел, подвешенный в воздухе, и его лезвие отражало лунный свет в форме бриллианта на деревянном полу.

— Хм? — сказал он. — Ты кого-то ждала?

Явно рассердившись, Мунро снова захлопал. Был и снова никакого ответа, только тишина. Он вскочил на ноги, с громким грохотом опрокинув стул, и закричал:

— Черт возьми, где ты? Иди сюда! Она здесь, со мной!

Люсита повернулась к нему, ее глаза расширились от насмешливой невинности.

— О, не говорите мне. Ты зовешь тех двадцать человек, что ждали снаружи, да? Тех, кто должен был ворваться сюда, когда я подойду к вам, и одолеть меня числом, да? Мунро повернулся к ней, его рот был открыт от шока. Мне ужасно жаль, Мунро. У них произошел небольшой несчастный случай. Она сделала паузу и, казалось, передумала.

— Я должна поправить себя. С теми десятью через ту дверь, — и она указала налево, — произошел ужасный несчастный случай. Десять через эту дверь, — и она махнула рукой вправо, — я убила. Ну что, все прояснилось? Думаю, следующим шагом будет то, что вы нападете на меня в слепой ярости, а я убью вас. Затем я уйду, получу свою плату и отдохну несколько ночей, прежде чем готовиться к следующей цели. Да?

Мунро на мгновение взглянул на нее с чистой ненавистью, затем повернулся и бросился к окну. Люсита, удивленная, застыла на целых полсекунды. Затем она просто указала на убегающего вампира. Тень, державшая нож, метнулась в сторону и с быстротой хлыста -рассекла заднюю часть икр Мунро. Он рухнул, а нож упал на пол. Люсита неодобрительно хмыкнула и подошла к своей жертве, которая корчилась на полу, все еще пытаясь добраться до окна.

— Ты разочаровываешь меня, Манро, — сказала она. — Показывать -спину врагу? Плохая тактика, даже для такого дурака, как ты. Она наклонилась, чтобы поднять нож и, обдумав свои возможности, вонзила его в

руку мужчины и в пол под ним. — Теперь, что с тобой делать?

Булькающие звуки, доносившиеся с пола, могли быть проклятиями, а могли быть и просьбами. Люсита не обращала на них внимания в любом случае, размышляя. Наконец, спустя долгую минуту, она наклонилась к уху Манро и прошептала. — Питер, — сказал он, — я хочу, чтобы ты кое-что знал. Для меня совершенно неважно, что ты умрешь сейчас, разве что как контракт, выполненный с минимальной суматохой. Мне сказали, что твоя смерть необходима, чтобы ограничить возможности Шабаша получить определенное огнестрельное оружие и другие игрушки, но, честно говоря, мне все равно. Что меня волнует, малыш, так это следующее: Ты потратил мой вечер впустую своим позерством. Из тебя получился ужасный злодей. Эта роль вам никогда не подходила, и вам лучше было бы остаться там, где вы были. Она опустилась на корточки. — Вы также наивны и трусливы, и оба эти качества мне очень не нравятся. Вот почему я пользуюсь моментом, чтобы поговорить с тобой, а не избавить тебя от страданий немедленно.

С рычанием Мунро оторвал руку от пола и вцепился когтями ей в горло. Люсита увернулась, легко уклонившись от удара. Нож со звоном упал на твердую древесину, Мунро потянулся за ним, но она отбросила его ногой, и он отлетел в дальний конец комнаты. Он перевернулся и встал на колени, но в этот момент она ударила его кулаком в нос. Мужчина зарычал и чуть не упал на спину, в его глазах появился страх, когда Люсита сделала шаг к нему. Она подняла руку для нового удара, и он упал, когда удар пришелся ему в горло.

Она уставилась на него, с отвращением глядя на разрушенное лицо. Кровь текла повсюду, но это ее нисколько не интересовало. Жизнеописание Мунро, она была уверена, будет

такой же худой и отвратительный, как и он сам. — До свидания, Питер, — тихо сказала она. — Я больше не буду с тобой играть. Глаза Мунро, дикие от ужаса и ненависти, уставились на нее, а его разрушенные ноги отчаянно дрыгались. Он вскинул руку, чтобы защититься, но она отбила ее. Затем, медленно и неторопливо, она поднесла руку ко рту и поцеловала его.

Мунро застыл на месте. На мгновение ничего не произошло, а затем она выдохнула, словно задувая свечу.

Лицо Мунро, по всем признакам, взорвалось. Люсита не успела моргнуть, как на ее ноги посыпались брызги, но она сделала мысленную пометку, чтобы эти вещи были сожжены как можно скорее. Мунро был как раз из тех нытиков, которые склонны оставаться призраками, и она намеревалась дать ему как можно меньше поводов для беспокойства. Не глядя на то, что осталось от ее цели, она подошла к двери слева и отперла ее. Резня снаружи была, если это возможно, еще более жестокой, чем та, что она устроила Мунро. Куски и куски наемного бандита и низкосортного вампира были разбросаны по всей комнате, от безупречно чистого пианино до

забрызганного кровью дивана. Она не обращала на все это внимания и продолжала идти к кухне. Плита была массивной чугунной старинной, приземистой и зловещей. Но самое главное, у нее было четыре газовых конфорки. Люсита включила каждую по очереди, затем со вздохом погасила огонек. Жаль было разрушать такой прекрасный старый дом, подумала она, но еще жаль было оставлять труп Мунро рядом, чтобы он загрязнял ночь.

Через две минуты она была на дороге в Хартфорд, набирая контактный номер своего клиента, чтобы сообщить таинственному мистеру Шреку, что три из четырех целей мертвы, а ночи последнего сочтены.

Воскресенье, 29 августа 1999 г., 355 AM
Хаятт Ридженси Капитол Хилл
Вашингтон, округ Колумбия.

— Как ты думаешь?

— Я думаю, что если Люсита охотится за вами, — осторожно сказал Талли, — то я — ваш единственный шанс выбраться из этой ситуации невредимым, ваше превосходительство. Учтите, я склонюсь перед вашим экспертным анализом ситуации, если вы не согласны, потому что вы архиепископ, а я всего лишь ничтожный темплар. Неважно, конечно, что я занимаюсь подобными вещами уже около шести веков и приобрел определенное знакомство с основными правилами ведения операций, в то время как вы были сторонним наблюдателем того нелепого договора, подписанного в 18 веке.

Архиепископ Борхес поднял мясистую руку. — Достаточно. Спасибо. Да, я доверяю вашему анализу. Кардинал предоставил мне ваши услуги, и мне кажется разумным воспользоваться ими. Итак, что вы предлагаете мне делать? — спросил он, поднимаясь с черного кожаного кресла и вставая на ноги. Позади него экранная заставка занялась рисованием картинок водопровода на мониторе.

— Вы, конечно, знаете, — сказал Талли, делая медленные шаги вперед, — что убийца, от которого я должен вас охранять, — это Люсита. Борхес заметно побледнел при одном только упоминании ее имени, и ухмылка Талли обнажила его клыки впервые с тех пор, как он прибыл в Америку. — А. Я вижу, вы слышали о ней. Она прекрасная женщина, чрезвычайно талантливая и один из самых искусных убийц, с которыми я сталкивался. О, я уже упоминал, что она — дитя кардинала, и что он очень, очень любит ее? Да, верно, архиепископ. Меняет вашу оценку ситуации, не так ли?

Борхес напустил на себя мужественный вид.

— Ба, — сказал он, пренебрежительно махнув рукой. — Я знаю о родословной Люситы — а кто не знает? Дети не всегда следуют по пути отца, иначе мы бы до сих пор таскались по замку Ласомбры на Сицилии, ожидая, пока Монтано приведет нам крестьян на ужин. Есть ли какая-то особая причина, по которой ты пытаешься напугать меня старыми новостями, тамплиер?

Талли сделал насмешливый поклон от шеи. — Ах, я должен был догадаться, что вы будете хорошо информированы. Но не кажется ли вам любопытным, ваше превосходительство, что архиепископ Викас прибыл сюда как посланник кардинала Монкада, но именно архиепископ Полония получил от кардинала известие о том, что я — подарок кардинала вам троим — должен прибыть? Более того, с какой целью я прибыл? Для того, чтобы защитить эту прославленную троицу от своенравной дочери самого кардинала. Он шагнул ближе к Борхесу, пока не оказался прямо перед его лицом. Пятна тени по-прежнему скрывали глаза Борхеса, и у Талли возникло четкое ощущение, что Борхес не столько видит, сколько чувствует его. — Потрясающе, не правда ли, что все оставшиеся в живых участники этого маленького спектакля каким-то образом связаны с уважаемым кардиналом — за исключением вас?

Талли внезапно закружился, и быстрее, чем можно было уследить, оказался в только что освободившемся кресле Борхеса. — Это заставляет вас чувствовать себя... изолированным? Нервным? Беспокойство? Ну, должно. Он перевел взгляд на своего клиента, который теперь вышагивал по комнате. — Вы наедине со мной, ваше превосходительство, и я не думаю, что кто-то, кроме Викаса и Полония, знает о нашем местонахождении, — сказал он очень тихим голосом. —

Если бы все это было заговором кардинала, у вас будут большие неприятности.

Борхес окинул его усталым взглядом.

— Сэр Талли, я понятия не имею, чего вы пытаетесь здесь добиться, но что бы это ни было, я возмущен. Если вы закончили попытки запугать меня и вам нечего сказать нового, убирайтесь. Если же вы решили всерьез заняться выполнением своих обязанностей, то делайте это. Я ясно выразился?

Талли кивнул.

— Прекрасно. Должен сказать, приятно видеть, как вы справляетесь со стрессовым фактором, не пытаясь тут же его заглушить. Я уже начал отчаиваться в тебе, но это дает мне надежду. Если вы продолжите в том же духе, у вас есть шанс. Небольшой, но шанс.

Фыркнув, Борхес устроился на мраморной поверхности стола позади него.

— Что-то ты не очень уверен в себе, Талли. Я думал, что вы — знаменитая Гончая, которая может сделать все, что поручит ей хозяин?

Выражение лица архиепископа было довольно кислым, и на мгновение это показалось Талли забавным.

Однако это было всего лишь мгновение, а затем темплар снова перешел к делу.

— Ваше превосходительство, — устало сказал он, — неизвестная сторона пошла на большие хлопоты и расходы, чтобы натравить чрезвычайно талантливого и профессионального убийцу на то, что, скорее всего, является

вашим следом. Талли внимательно изучал Борхеса натренированным взглядом, следя за изменением выражения лица, необъяснимым тиком, малейшим признаком двуличия. Умозрительный сценарий Талли, в конце концов, был разработан специально для эффекта. — Люсита разминалась с подчиненными во время этой операции — по крайней мере, так я понял ее упражнения на МакЭллени и Торрес.

— Рей, умер? — спросил Борхес с внезапным интересом.

— Это не было подтверждено.

Талли старательно отмалчивался. — Он пропустил три последних назначенных времени вызова. Два трупа, описание которых совпадает с описанием тех двоих, которых он взял с собой, были найдены в Уотербери, штат Коннектикут. Это один из городов, которые он должен был разведать. Он сделал паузу на минуту. — Я видел в новостях кадры с телами. Это ее работа. Через некоторое время начинаешь узнавать стили.

— Вы говорите, что было найдено только два тела. Рей мог сбежать. В голосе Борхеса прозвучал неожиданный оттенок надежды, который быстро угас, когда Талли поднял вопросительную бровь.

— Торрес может быть очень талантлив для своего возраста и рода, — сказал темплар, — но в свою лучшую ночь и в худшую ночь Люситы он мог бы только продлить дела еще на несколько минут. Без помощи — а я видел, что случилось с его помощью, — у него не было шансов. Наступило еще одно мгновение неловкого молчания. — Мне очень жаль. Если бы я был там, я мог бы спасти его — но нет никакой гарантии, что Люсита не преклонила бы на тебя в мое отсутствие.

— Черт возьми, Талли, когда это стало касаться тебя? Б Орджес хлопнул кулаком по столу. Знаменитый характер снова

проявился. — Мой второй командир пропал без вести и предположительно погиб, двое из моих лучших солдат стали диковинкой для местного коронера, чтобы он порылся в них в свободное время, а ты извиняешься, потому что не можешь быть в двух местах одновременно? Боже правый, высокомерный сукин сын, неужели ты думаешь, что мне вчера дали кровь, что без тебя я был бы беспомощен? Неужели я архиепископ, потому что выиграл конкурс популярности? Да клянусь всеми святыми, Талли, ты не понимаешь, с кем говоришь!

Талли моргнул, один раз, намеренно. — Ваш Excel...

Иенси, — сказал он с холодной официальностью, — тот, кто ищет вашей смерти, приложил огромные усилия, чтобы у вас — если вы действительно являетесь целью — не было надежды выжить. Он приобрел услуги единственного убийцы, против которого ваш конечный покровитель в этом деле не может выступить.

— Он не мой покровитель.

— Монкада — покровитель всего этого дела, Борхес, а ты — лишь малая его часть. Будь благодарен, что он считает тебя достойным сохранения. Мои услуги не назначаются легкомысленно, и обычно я не сторожевой пес. Не зря меня называют Гончей. Я охочусь. Если я привязан к тебе, значит, ситуация действительно очень срочная. Теперь слушайте меня, слушайте очень внимательно. Здесь есть закономерность, которой тебе следует опасаться. Вы — тот, кого инстинкт подсказывает мне охранять, и тот, кто меньше всего связан с кардиналом. Тот, кто навел убийцу на ваш след — если только все это не уловка, и кардинал был одурачен так же тщательно, как и я — знает кардинала достаточно хорошо, чтобы знать его слабость в отношении Люситы, и обладает необходимыми ресурсами, чтобы использовать это знание. Отсюда следует, что

это кто-то, кто знает кардинала Монпда и знает, как он работает — но пока неизвестно, кто это может быть.

Резко встав, он начал вышагивать. — Я считаю крайне маловероятным, что ваш косвенный нападающий принадлежит к Камарилье. Архиепископ Викос был бы очевидной целью в таком случае, поскольку Камарилья, похоже, нацелена на уничтожение Цимисхи; это должно быть влияние Тремере. С другой стороны, архиепископ Полония был бы разумной целью, поскольку он является командиром и главным тактиком, и, несомненно, враг знает об этом.

Но нет, цель, за которой я чувствую необходимость следить наиболее тщательно, это вы — Лепидус в этом маленьком триумвирате. Борхес зарычал на это, но Талли проигнорировал его. — Кроме того, услуги Люситы слишком дороги, чтобы приобретать их только для притворства, и она вряд ли согласится быть отвлекающим маневром. У нее есть чувство собственной важности, вы знаете. Он коротко и беззлобно улыбнулся. — И все же. Это не сходится. Ничто здесь не говорит о Камарилье, но другие варианты тоже не имеют смысла. Вы просто не имеете значения для независимых, кроме змей, а у них есть свои люди, чтобы позаботиться о делах, не тратясь на наем Люситы. Остается только наша сторона, что объясняет, как кардинал узнал об этом, но не кто и почему. Перед Кс Амис Нуар не было выдвинуто никаких идей по вашему уничтожению; и, честно говоря, кажется более вероятным, что вы наняли Люситу для устранения архиепископа Полония.

— Мне не нужны убийцы! — прорычал Борхес, но Талли задумался о мыслях, скрывавшихся за теневым фасадом. Если быть полным дураком, архиепископом не станешь, и Талли подозревал, что по крайней мере некоторые из худших поступков Борхеса были лишь притворством.

— Действительно. Я никогда не говорил, что вы это сделали. Какие улики могут указывать на вас, ваше превосходительство? Вот дон Полония — это другое дело. Если он был тем, кто послал Торреса на разведку...

— Я настаивал, — сказал Борхес.

— Ах, — сказал Талли. — Несомненно, хотел добиться похвалы для себя и своих. Вы сыграли на руку своему врагу, знаете ли. Вы послали своего лучшего человека туда, где его можно изолировать и эффективно уничтожить. Кто-то хочет отрезать вас от него. И, судя по всему, этот кто-то также подтолкнул вас послать Торреса на выходе. Если не Полония, то Викос?

— Нет, нет. Борхес покачал головой. Он побарабанил пальцами по столешнице. — Викос хотела его для чего-то другого, для очередной своей дурацкой затеи. Полония сказала что-то подходяще снисходительное, что именно? А, — Хорошие офицеры не должны тратиться на глупые миссии, или что-то в этом роде. Ты же знаешь, какой он, — раздраженно добавил он.

— Понятно, — мягко сказал Талли. Внутри него нарастало разочарование. Ему не удавалось сократить списки целей и предателей: Каждый из них по-прежнему состоял из трех имен. Поэтому у него не было выбора, кроме как продолжать готовиться к защите всех архиепископов. — Отлично, — снова раздраженно начал он. — Вы, ваше превосходительство, будете держать своих оставшихся людей на короткой привязи. Вы не позволите никому овладеть вами и склонить вас к необдуманным поступкам, несмотря ни на что. Я могу помешать другим людям убить вас, но я не могу помешать вам убить себя. Кроме того, ты будешь следовать моим указаниям каждый раз, когда мы окажемся в ситуации, которую я сочту опасной. Ты понял!

— Ты многое предполагаешь, тамплиер, — сказал Борхес низким, опасным голосом.

— Знаешь что? Я такой. Талли вдруг надоели все эти чертовы обидчивые архиепископы и их причуды, которые только усложняли его работу. — Я делаю это не потому, что вы мне нравитесь, архиепископ Борхес. Вы мне не нравитесь. Но это неважно. Мне было сказано уберечь вас от окончательной смерти, и это то, что я сделаю — если вы позволите мне это сделать. Если нет, хорошо. Я объявляю свою миссию жалким провалом, вернусь в Мадрид и расскажу кардиналу, каким несговорчивым убудком ты был. Учтите, ключ

Я использую слово — были, потому что не сомневаюсь, что без моей защиты Люсита выполнит свой контракт и отправится тратить свой смехотворно большой гонорар к тому времени, когда мой самолет коснется земли в Европе. В этот момент, я уверен, кардинал скажет мне, что он очень разочарован во мне, а затем спросит, что я думаю о последнем ходе в его шахматной партии, и если мне действительно повезет, он попросит меня принять исповедь. Потом мы, несомненно, посидим, поговорим и будем ждать официальных известий о вашей кончине.

— Понятно.

Тон голоса Борхеса ясно показывал, что он не одобряет ни тон Талли, ни его манеру поведения, но в аргументах темплара была определенная убедительность.

— И если я буду сотрудничать, у меня будет хоть какой-то мизерный шанс выжить?

Талли кивнул.

— А. Тогда, похоже, — сказал Борхес, — у меня нет другого выбора, кроме как отдать себя в ваши надежные руки.

Талли поклонился, от пояса, а не от шеи. — Если вы не возражаете, ваше превосходительство, я удалюсь. Эта комната, насколько я могу судить, на данный момент безопасна. Я рекомендую, конечно, яркий свет повсюду. Если я вам понадоблюсь, я буду в коридоре. Он вышел, закрыв за собой дверь со звучным щелчком.

Архиепископ Борхес посидел немного, затем встал и выключил все лампы. Напевая себе под нос, он сел в темноте, чтобы подождать.

Воскресенье, 29 августа 1999 года, 11:15 PM
Лорд Балтимор Инн
Балтимор, штат Мэриленд

Вампир, подписавший свое имя — Люциус, был, за неимением лучшего выражения, недоволен. Недавнее обсуждение на совете прошло не так, как он хотел, совсем не так. О, остальные достаточно легко согласились с тем, что они еще не готовы выступить против (эту позицию он намеревался продолжать до бесконечности, пока вся Американская Камарилья не окажется на оконечности Лонг-Айленда или в другом столь же безнадежном месте), но затем все развалилось, Люциус проголосовал за отказ от Стэмфорда и побережья Коннектикута на том основании, что плотность населения слишком мала, чтобы береговая линия могла быть защищена. Этот аргумент был отбит с нескольких сторон. Паром в Бриджпорте обеспечивал доступ к Лонг-Айленду для возможного контрнаступления там. Стэмфорд имел финансовое значение, превышающее его размеры. Нельзя допустить, чтобы завод по производству атомных подводных лодок в Гротоне попал в руки врага. Болтовня болтовней, разговоры разговорами.

В конце концов, Люциус понял, что потерпел поражение. В идеале, его план должен был лишить Камарилью основных подступов к Нью-Йорку, а Хартфорд, Вустер и Спрингфилд оставить для захвата, как только Полония доберется до них. Вместо этого Камарилья решила консолидировать свои силы вдоль побережья, оставив Хартфорд и вообще всю центральную часть Новой Англии. Сам Хартфорд будет защищать костяк сил — а-ля Буффало, так как единственный гуль, переживший нападение, сообщил о довольно тяжелых потерях противника. К счастью, он также сообщил, что силы противника были на удивление малочисленны, как будто они знали, что город не будет сильно обороняться.

Люциус знал, куда ведет эта логическая линия, и сделал все возможное, чтобы тонко воспрепятствовать ей. Он также уделил время тому, чтобы подделать как можно больше воспоминаний гуля, поскольку остальные, несомненно, будут искать подобные вещи. Оставалось надеяться, что это отвлечет подозрения в другую сторону. Люциус сам выдвинул идею, что полусерьезная атака на Буффало означает, что войска Шабаша явно накапливаются для скорого нападения где-то еще, и ненадолго вверг всех в безумную панику. Однако это прошло, и в данный момент Люциус просто хотел оказаться подальше от всех и вся. Он вышел из гостиницы, отмахиваясь от меньших вампиров и гулей словом, а иногда и взглядом. Они разбегались, подгоняемые силой его воли и его крови.

В конце концов, он добрался до своего убежища и с отвращением захлопнул за собой дверь. Каиниты, с которыми ему пришлось работать здесь, с их мелочной политикой и цепкими гулями, вызывали у него отвращение. Впрочем, и в Шабаше сейчас было не лучше. Он передавал этому неблагодарному ублюдку Викосу все, что мог передать ей. Она узнала диспозицию войск, стратегию, тактику — все. Но проявила ли она благодарность? Оказала ли она хоть малейшую любезность?

Нет. Вместо этого она угрожала разоблачить его, если он не будет поставлять еще больше, чем уже поставлял.

Люциус был из тех каинитов, которые очень внимательно следят за своими долгами и кредитами, и с его точки зрения, угрожая ему, Викос исчерпал все свои возможности ее кредитной линии с ним. Было слишком поздно отказываться от соглашения — в конце концов, смерть уже была брошена, — но Викосу нужно было напомнить, что власть по-прежнему течет в двух направлениях. Ухмыляясь так, что здравомыслящий человек мог бы убежать, Люциус подошел к своему столу, достал канцелярский лист и начал писать. Он писал быстро,

хотя и не всегда аккуратно, и несколько раз ему приходилось прибегать к промокательной бумаге, чтобы убрать излишки своего энтузиазма.

Письмо было кратким и по существу, хотя эксперт по почерку мог бы поблестеть от стиля того, что нацарапала рука Люциуса. Он аккуратно сложил канцелярский лист и вложил его в конверт, адресовав — Саше. Затем он перевернул конверт и запечатал его сургучом, отказавшись от какой-либо конкретной печати в пользу безымянного пятна.

— Джек, — позвал он, наблюдая, как остывает воск. — Джек! Ты нужен! Через несколько мгновений дверь в номер распахнулась, впуская молодого вампира, одетого, как мог предположить Люциус, в повседневную одежду этого десятилетия.

— Еще одно письмо? — Тон Джека был лаконичным, но до сих пор его служба была образцовой.

Люциус передал конверт через стол Джеку, который взял его за один край, как будто боялся испачкать его своими отпечатками пальцев. Возможно, так оно и было.

— На этот раз доставка немного отличается, Джек. Ты готов?

— О? — это все, что сказал Джек, без какого-либо заметного энтузиазма. Для всего мира он выглядел так, словно еще мгновение — и он заснет там, где стоял.

— Да. В последнее время Викос был неуважителен. Я не ценю такие вещи. Поэтому я хочу научить ее, что за такое неуважение нужно платить.

— О.

— Поэтому, Джек, ты должен доставить это письмо и послание. — Он наклонился вперед с голодным блеском в глазах. — Найди ее покои. Огласи мое недовольство. Покажи ей, что везде, где она хранит святыни, могут побывать мои слуги. Любого, кого она ценит, я могу уничтожить. Ты понял меня, Джек?

Джек медленно кивнул.

— Конечно. Вернусь через три часа. Он отвесил быстрый поклон и направился к двери.

— О, и Джек? — позвал его Люций.

— Да?

— Не забудьте передать письмо.

С страдальческим выражением на лице Джек ушел.

Понедельник, 30 августа 1999 г., 2:26 AM
Президентский отель
Вашингтон, округ Колумбия.

Уголок письма высунулся из-под двери Викоса, когда она возвращалась с вечерней конституции и трапезы.

— Гектор? Илзе? — осторожно позвала она.

Ни одного из гулей, приставленных к ее двери, не было. Это было странно. Им было лучше знать, что нельзя покидать свои посты под страхом ее крайнего разочарования. Более того, каждый из них уже видел последствия ее крайнего разочарования и, надо полагать, научился не разочаровывать ее.

Она с минуту смотрела на письмо. Намеренное размещение письма было издевкой, но вопрос заключался в том, нет ли в нем ловушки. Очевидно, она должна была что-то сделать с конвертом, предположительно вытянуть его вперед и тем самым привести в действие то, что могло быть к нему прикреплено. Она нахмурилась и осторожно приложила ухо к двери. Внутри ничего не шелохнулось. Даже напрягая свои нечеловеческие способности до предела, она могла слышать только тихое хрипение кондиционера, бульканье воды в трубах и неясную путаницу голосов из других комнат и с других этажей.

Все это, конечно, ничего не значило. Если бы за дверью ждал каинитский убийца, должным образом обученный, то, конечно, она бы ничего не услышала. Если бы к письму было привязано какое-то электронное устройство, оно не выдало бы себя звуками, которые она могла бы распознать. Уголок письма торчал из-под двери, дразня ее. Она не могла идти вперед, но не могла просто оставить его там. Обычно она звала гуля, чтобы

разобраться с этим делом, но ни один из гулей не откликался на ее призывы.

Внезапно хруст шагов по ковру испугал Викос. Она забыла, что не восстановила слух до нормального уровня, и поспешила сделать это, пока незванный гость не заговорил. Обычный разговорный тон был бы болезненным, а крик мог оглушить ее.

— Добрый вечер, ваше превосходительство. — Голос Талли нес впереди себя его присутствие. — Могу я подойти?

Викос улыбнулся. Это была удача. Темплар, как ее защитник, был одним из немногих, кто знал об этом убежище.

— Конечно. Вы как раз тот человек, которого я хотел видеть, дон Талли.

— Просто Талли, пожалуйста. — Он прошел вперед, на его лице отразилось замешательство. — Ваше превосходительство, где ваша охрана? Меня убедили, что ваша защита обеспечивается вашими -слугами. Я не вижу их здесь.

Действительно, Талли и Викос были одни в коридоре. Не было никаких следов даже самой короткой борьбы, никаких потертостей на краске или пятен крови на ковре кремового цвета. Только один чертовски наглый конверт торчал из двери, под которой ему не было никакого дела.

— Признаться, я как раз размышлял над этим вопросом. Я возвращаюсь с вечерней работы и обнаруживаю, что меня ждут не слуги, а это письмо. Я не в восторге.

Талли подавил желание улыбнуться.

— Вы прочитали письмо?

— Конечно, нет, — раздраженно ответил Викас. — За какого дурака ты меня принимаешь?

Темплар сделал неопределенный жест поклонения.

— Простите меня, ваше превосходительство. В моей нынешней работе приходится задавать даже глупые вопросы. — Он прикоснулся указательным пальцем к подбородку, нахмурился и указал на письмо. — Могу я?

Викас грациозно отступил назад. — Я бы предпочел быть в другом месте, если бы вы это сделали. Талли рассмеялся.

— Вы ранили меня, ваше превосходительство. У меня есть свои ресурсы, вы знаете.

И с этим его фигура растворилась в луже тени, которая, после секундного колебания, просочилась под обиженную дверь. Осторожно, чтобы не задеть письмо, тень пронеслась мимо него. Несколько минут стояла тишина, пока Викас терпеливо стоял снаружи, предоставив Талли рисковать, какие бы неведомые опасности ни подстерегали его внутри. Викас была более чем уверена, что сможет одолеть или выдержать практически все, что может поджидать ее, но зажигательное устройство или что-то подобное могло быть чрезвычайно болезненным, а она не любила боль, по крайней мере, свою собственную. Поэтому она стояла и ждала, полузабыв о том, что придумала подходящее наказание для своих пропавших гулей.

Письмо с грохотом скользнуло обратно за дверь. Викас внезапно снова насторожилась. Она услышала звук рвущейся бумаги, а затем один за другим щелкнули засовы на двери.

Дверь открылась, и Талли стоял там с открытым письмом в руке.

— Ваше превосходительство, — сказал он почти извиняющимся тоном, — возможно, вы захотите взглянуть на это. Не дожидаясь ответа, он повернулся и пошел к внутренней двери номера. Здесь были видны следы борьбы, длинные царапины на деревянной отделке и кусочки краски и штукатурки со стены на ковре.

Талли подошел к двери и положил руку на ручку.

— Вам нравились именно эти гули,

Ваше превосходительство?

— Это были гули, тамплиер. Хватит тратить мое время, — ответил Викос. — Ты хочешь сказать, что мои гули мертвы? Если да, то скажи это и уйди с дороги, чтобы я мог посмотреть, что случилось.

— Если вы настаиваете, ваше превосходительство.

И с этим Талли открыл последнюю дверь.

Гули были там, аккуратно разложенные на единственном столе в комнате. Нигде не было крови, даже на телах, которые были чисто -расчленены и затем собраны. Ничто другое в комнате не было даже потревожено.

Викос не задохнулась. Она не задохнулась от ужаса и не стала гневно клясться отомстить. В своих лабораториях и донжонах на протяжении веков она видела и худшее, и сама причиняла гораздо худшее.

Однако она была в ярости от оскорбления. — Люсита? — шипел он сквозь стиснутые зубы.

— Я бы предположил, что скорее — Люциус. Не будете ли вы так добры проверить этот почерк? Письмо довольно знакомое по тону, так что я предполагаю, что вы знаете его почерк.

Викос не часто теряла контроль над собой, но в тех редких случаях, когда она это делала, случайные выжившие неизбежно описывали это зрелище как — ужасающее. Она зарычала, неимоверно глубоко в горле, и вырвала письмо из пальцев Талли. Прекрасная женщина, искусно созданная оболочка, на мгновение исчезла, и в эту секунду темплар оказался лицом к лицу с истинной сущностью Викоса — хищной, бесформенной одержимостью, древней яростью, которая облеклась в плоть и кровь только потому, что это были единственные доступные материалы, и которая с радостью отбросила бы все узы разума и верности, чтобы уничтожить Талли в этот момент, потому что...

Талли на короткое время взяла то, что принадлежало ей.

Талли не двигался, хотя за долю секунды между осознанием угрозы и моментом, когда у него из рук выхватили письмо, он превратился из расслабленного в готового к бою. В комнате было полно теней, а задрапированные окна давали возможность идеального побега, если бы он понадобился, но он искренне надеялся, что ни то, ни другое не понадобится. Если Викос нападет, никто не сможет добраться до комнаты, прежде чем один из них или оба будут мертвы.

— Ваше превосходительство, — сказал он низким, напряженным голосом, — успокойтесь. Если нужно, прочтите письмо, хотя я рекомендую подождать. Да, я прочитал письмо, чтобы убедиться, что сам конверт не является ловушкой, и посмотреть, нет ли в нем подсказки о том, что здесь произошло. Простите, если это оскорбило вас, но я предпочитаю исполнять свои обязанности и позаботиться о вашей безопасности должным образом. Он медленно поднял руки. Позади Викоса

тени свернулись в нетерпении, молча ожидая приказа нанести удар.

Викос уставился на Талли безумными глазами. Она ничего не говорила, но с бесконечной медлительностью здравомыслие возвращалось в ее взгляд. Ее рыхлая, чудовищная плоть медленно схлопывалась, обнажая эльфийские черты Элизабет Батори, которые Викос носил с момента ее прибытия.

— Дай мне вескую причину не уничтожать тебя, тамплиер, — прошептала она, голос дрожал от усилий контроля. — Никто не поступает так со мной. Никто не видит меня такой. Никто не рассказывает эту историю.

На мгновение Талли подумал о том, чтобы предложить тот факт, что поединок точно не состоится, в качестве причины не продолжать его, но решил, что лучше отказаться от этой идеи. Не было смысла задевать нежное самолюбие Цимисхи, если он не хотел ее успокоить.

— Потому что, — сказал он успокаивающим голосом, — я не думаю, наш общий покровитель оценит это, архиепископ, и потому что мы оба достаточно взрослые и мудрые, чтобы понять, что искушать неудовольствие кардинала — глупое занятие. Потому что этому Люциусу, несомненно, доставит большое удовольствие подстрекать нас к междоусобной борьбе. И потому, — он очень мягко улыбнулся, — что мое поместье не сможет оплатить ущерб, который мы, несомненно, понесем. Он сделал шаг назад, не случайно в сторону окна. — Вы согласны, ваше превосходительство?

Глаза Викаса были уже в здравом уме, но в них была ледяная ненависть.

— К счастью для тебя, я знаю.

Она взглянула на письмо и бросила его на пол.

— Люциус заплатит за это.

— Я не ожидал от тебя ничего меньшего. Он, если можно так выразиться, выбрал, возможно, не того каинита, чтобы попытаться — преподать урок. Талли пододвинул стул на почтительное -расстояние от стола и сел.

— У него есть возможность навязать свою волю, если он действительно чувствует в этом необходимость. Его это таково, что в данный момент он довольствуется небольшими демонстрациями. Она подошла к столу и опустилась на стул. Ее локти уперлись в столешницу, в нескольких дюймах от обнаженного и издевательского трупа Илзе. '(Это была демонстрация того, что он считает, что я не ценю должным образом его усилия от нашего имени. Это довольно мелко, на самом деле. Она посмотрела на мертвых и истощенных гулей, выражение ее лица стало отстраненным.

— Похоже, да. Наступила минута молчания. — Значит, это должен быть Хартфорд?

Викос рассеянно кивнул.

— Враг предпочитает защищать Стэмфорд, судя по всему, и другие ресурсы побережья. Хартфорд удерживается с помощью такого же заслона, какой мы видели в Буффало. Он созрел для выбора, и это достаточно большой приз, чтобы его взять. Кроме того, это открывает дверь в Бостон быстрее, чем предполагал даже архиепископ Полония. Интересно, что они задумали?

Талли облизал свои сухие губы.

— По правде говоря, их общая стратегия меня не волнует, за исключением того, что касается моего задания.

— Вы действительно думаете, что я поверю в это, Талли? — Голос Викоса был на удивление мягким. — Мне трудно согласиться с тем, что пресловутая Гончая не интересуется завоеваниями и погоней.

Темплар горестно пожал плечами.

— Вам придется поверить в это, Ваше Превосходительство, потому что это правда. Я ненавижу этот континент и почти всех на нем, и с нетерпением жду окончания войны просто потому, что это единственный конец, который я вижу для этого задания. Так кто же заслужит бессмертную славу в Хартфорде?

— Скорее всего, архиепископ Борхес. Мне еще предстоит разобраться с тремерской капеллой, прежде чем я смогу двигаться дальше, а у архиепископа Полонии слишком много других дел. Вожаки стай и пандеры могут кричать и демонстрировать, что хотят бесчинствовать, но после уничтожения МакЭллена Хартфорд нужно взять эффективно и без потерь. Архиепископ, взявший на себя личное командование операцией, придает ей определенную серьезность. Вы согласны?

Архиепископ Вашингтонский выждал целых три минуты после ухода Талли, а затем включил все лампы в своем номере. Она осторожно собрала первые несколько кусков тела Илзе и отнесла их в ванную. Беззвучно напевая, она превратила холодную глину плоти гуля в сгусток жидкости, который упал в унитаз, затем повернулась и повторила процедуру. Через несколько минут чаша была почти полной. Викос бесстрастно промыл ее, затем вернулся за новой порцией.

Иногда, размышляла она, бездумная работа — лучшее решение для напряженного вечера. Кроме того, стол может понадобиться ей позже.

Талли покачал головой, возвращаясь в — Хаятт. Он был охотником, следопытом, убийцей. Его уделом было прекращать существование, а не сохранять его. А теперь он столкнулся с перспективой того, что архиепископ Борхес поведет военный отряд в Хартфорд. Талли не одобрял выезд Борхеса за пределы страны, тем более в Коннектикут. Но архиепископы не собирались перекраивать свои планы в угоду простому темплару. Это задание вызывало у него нехорошие предчувствия. Ему рассказали не все, в этом он был уверен, и было невозможно сделать все правильно, не зная как можно больше. Черт бы побрал их всех и их секреты. Будь проклят Борхес за то, что он дурак и пустослов, но не настолько, чтобы им можно было управлять. Будь проклята Люсита за то, что была хорошей. Проклятье Полонию за его высокомерие, которое способствовало этому безумию. Будь проклята Викос за ее игры и ее воздух, и за то, что она создала проблемы с — Лусией— в самый неподходящий момент.

— И будь ты проклят, кардинал, — пробормотал он себе под нос. — Будь ты проклят за то, что не воспитал своего ребенка, будь ты проклят за то, что послал меня в это, и будь ты проклят самым искренним образом за то, что не дал мне выхода.

Вашингтон погрузился в обманчивое ночное спокойствие, но Талли чувствовал, что сейчас взорвется.

— Будь они прокляты, — сказал он темноте. — Будь они все прокляты.

Понедельник, 30 августа 1999 г., 2:32 AM

Главная улица

Хартфорд, штат Коннектикут

Хартфорд не был добрым городом по отношению к своим жителям-родственникам. Сам город был относительно небольшим, а запутанное множество улиц превращало центр города в неизбежный лабиринт для тех, кто приезжал сюда впервые. Близкие, но разные, Ист-Хартфорд и Вест-Хартфорд упорно отказывались объединяться в один город, предположительно опасаясь снижения стоимости своей недвижимости. Мост Чартер Оак перекинулся через реку Коннектикут, перебрасывая транспорт на 1-84 и границу штата Массачусетс, но большая часть фасада города, обращенного к реке, была мрачной, серой и -архитектурно запутанной. Одним словом, в Хартфорде было трудно передвигаться, он не был хорошо спроектирован для питания и -вообще был запутан, даже если у человека была карта.

Люсита, приехавшая сюда в третий раз, сочла вполне уместным, что одна из главных транспортных артерий называется — Авеню психушки.

Она провела вечер, изучая свою последнюю цель. Люсита уже давно переварила предоставленный материал о привычках архиепископа, его любимых местах обитания, способностях и ресурсах и вышла в ночь, чтобы проветрить голову перед планированием операции. Таким образом, она прогуливалась по центру города далеко за полночь, наблюдая, как случайные любители поздних развлечений, пошатываясь, идут к своей машине. При других обстоятельствах она могла бы

Она потакала себе, но сегодня ей нужна была ясная голова, а пьянство мешало думать позже. Голод еще оставался, но

незаметная встреча в начале вечера избавила ее от худшего, а после завершения ночных трудов она найдет кого-нибудь еще.

Тем временем, однако, многие руководители страховых компаний, авторы рекламных текстов и другие жители центрального Коннектикута проходили под сенью смерти и двигались дальше, так и не узнав, насколько близко каждый из них подошел к гибели. Люсита гордилась тем, что может перемещаться среди смертных, не замечая ничего предосудительного. Большинство молодых Сорорич очень -спешили приобрести ауру опасности, которая выделяла бы их из стада, в то время как большинство старших приобретали эту ауру бессознательно. Как только человек входил в комнату, кин знал, что в стае есть волк, и реагировал соответствующим образом. По этой причине люди всегда были отличными системами раннего предупреждения о вторжениях других видов. Они были канарейками в шахте, превосходным, хотя, возможно, и расточительным средством обнаружения приближения невидимой опасности.

Однако Люсита могла слиться с толпой, и это делало ее еще более опасной. Конечно, ее все равно можно было обнаружить, но только если кто-то знал, что ее нужно искать. Однако предупреждающим знаком, по которому многие Родственные решали, когда и как искать, была реакция окружающих их смертных. Это значительно облегчало работу Люситы.

Она прогуливалась мимо того, что раньше было универмагом — Г. Фокс, затем перед шумным рестораном, рекламировавшим свежее пиво, сваренное на месте. За углом машины начали выстраиваться в очереди, когда Хартфордская сцена открывала свои двери после очередного перформанса. За ним — эстакада, ведущая от Западного Хартфорда к реке. Она увидела, что дальше нет ничего, кроме строительства, и поэтому ловко повернулась на каблуке, понюхала воздух и пустилась в обратный путь.

Предположительно, это даст мужчине, преследовавшему ее, время перевести дух.

Он следовал за ней уже несколько кварталов и делал это вполне разумно для человека. Он не подходил слишком близко, использовал местность в своих интересах и умело находил тени, в которых можно было спрятаться.

К несчастью для него, использование теней было не самым лучшим способом получить преимущество перед ласомброй.

Люсита сдержала желание улыбнуться. Ее внезапное движение вокруг испугало мужчину, и он бросился в укрытие. В данный момент он присел в переулке, идущем вдоль пивного паба, и изо всех сил пытался слиться с темнотой рядом с переполненным мусорным контейнером. Предположительно, он ждал, пока Люсита пройдет мимо, а последние посетители театра свернут, чтобы у него было свободное поле для действий. Если бы он был умным, то попытался бы затащить ее в переулок и работать там.

Несомненно, подобные вещи отлично сработали бы против смертной женщины. Увы, для духа уличного свободного предпринимательства в Хартфорде, Люсита вряд ли была обычной женщиной. Чувство голода -напомнило ей, что она не слишком хорошо питалась в этот вечер, и медленными, обдуманнами шагами она попятилась назад, туда, где ждал ее потенциальный обидчик.

Внизу, в квартале, движение расчистилось. Свет сменился с зеленого на красный, исключительно в интересах ночи. Люсита приостановилась и наклонилась якобы для того, чтобы поправить пряжку на левой туфле.

Грабитель, к удивлению, не успел наброситься. Люсита еще немного постояла на месте, затем повернулась и посмотрела в

переулок. Она слабо слышала звуки потасовки, а затем металлический звон, который мог быть только от удара человеческой головы о крышку мусорного бака.

— Сукин сын, — тихо вздохнула она и шагнула в переулок. Впереди она увидела две фигуры. Одна двигалась, другая нет. Та, что была, повернулась к ней и зашипела. Его лицо представляло собой ужасающую массу шрамов и нарывов, а глаза светились красным. Оно бросило тело грабителя на пол переулка и сделало шаг к месту, где стояла Люсита. Длинные ногти выгнулись из пальцев и отразили свет от красной неоновой вывески у входа.

— Я не впечатлена, — сказала Люсита. — Ты неаккуратный и медлительный.

— Что за черт? — сказал Носферату, сбросив свою агрессивную позу. — Ловушка. Ты — Сородич. Кто ты, черт возьми, такой? Я не видел, чтобы ты представлялся... подожди. Люсита?

Люсита сосчитала до десяти, сначала по-испански, потом по-латыни. — Вы объясните, откуда вы знаете мое имя, да? Потом объяснишь, что ты здесь делаешь, и почему я не должна поступать с тобой так же, как ты поступил с моим ужином.

— Его? Маленький отвратительный вампир посмотрел вниз на разбитую развалину, которая была грабителем. — Он был твоим? Д амн. Должен был догадаться, я думаю. Я видел, как он преследовал красивую женщину, а князь приказал держать центр города в порядке, потому что он пытается привлечь инвестиции, и.... Его голос неуклюже прервался, когда он уловил выражение чистого презрения на лице Люситы. — Точно. Неважно. Я принесу тебе еще один. Вон там, у автобусной станции — отличная кормовая база.

Люсита с раздражением начала постукивать пальцами по кирпичной стене переулка.

— Вы все еще не отвечаете на вопросы, которые я вам задала. У вас есть десять секунд, чтобы сделать это. Девять. Восемь. Семь.

— Я знаю ваше имя, потому что я работаю на Шрека. Ну, я работаю с людьми, которые работают на Шрека, по крайней мере, в данный момент... Ладно, ладно! У меня для вас сообщение от Шрека. Я должен был доставить его в ваш отель, но собирался подождать. Потом я увидел этого парня здесь, и... уррркк!.

Последнее произошло, когда Люсита просто схватила вампира за горло, сжала и с внушительной силой прижала его к стене. Его ноги дико брыкались, оторвавшись от земли на два фута, но безрезультатно. С отчаянной силой он вцепился когтями в руки Люситы, но ее хватка была непреклонна.

— Прекрати, — сказала она отрывисто, — Или я позволю теньям держать тебя вместо этого. Ты бы предпочел это?

Носферату яростно замотал головой в отрицательную сторону, по крайней мере, настолько, насколько это было возможно в его нынешнем положении.

— Хорошо. Теперь, в какой-то момент, мне придется сесть с мистером Шреком и напомнить ему, чтобы он не нанимал идиотов. Если у вас есть сообщение, передайте его. Немедленно. Вы не говорите о конфиденциальных делах нигде, кроме как наедине, и этот переулок не подходит. Вы не принимаете удостоверения личности без доказательств — откуда вы знаете, что я Люсита? Потому что я похожа на фотографию, которую вы видели? А если бы я была плотским ремесленником, что тогда!

Она уронила его. Он рухнул в кучу рядом с грабителем, рефлекторно задыхаясь. Люсита сделала короткий, резкий жест, и тени переулка стали приближаться к нему.

— Сегодня тебе повезло. Я именно та, за кого ты меня принимаешь, и я приму это сообщение от тебя сейчас. В чем дело?

Носферату посмотрел на надвигающиеся тени и зарычал, изо всех сил стараясь свернуться в клубок.

— Я должен был сказать вам, чтобы вы оставались в Хартфорде, что цель может прийти сюда! Они складывают город так же, как они сложили Буффало, и думают, что это выманит его к вам. — Одна из теней, более смелая, чем остальные, прикоснулась к увядшей плоти его руки. — О Боже, нет, заставь их уйти, я сказал тебе то, что мне сказали!

Люсита задумалась на мгновение. У нее не было желания оставаться в этом месте дольше, чем придется — даже при нормальных обстоятельствах Хартфорд не был ее любимым городом. С другой стороны, два дня назад Шрек предложил Люсите отправиться в Хартфорд, а теперь он призывал ее к терпению. До сих пор разведка — Носферату — была надежной. Если добычу заманивают к ней, она могла позволить себе сидеть тихо.

Кроме того, у нее был еще один источник, который она могла проверить, чтобы подтвердить местонахождение своей добычи, и который, как она была почти уверена, вел обратно в сам Шабаша.

Приняв решение, она обернулась к дрожащему маленькому родственнику, теперь почти полностью окутанному тенями. — Понятно. Спасибо за вашу любезность при передаче сообщения.

Я прослежу, чтобы господин Шрек узнал, что вы выполнили свое поручение.

С этими словами она сжала пальцы правой руки в кулак. Тени сжались, когда она это сделала. Раздался короткий, тошнотворный хруст, а затем тьма растаяла там, откуда появилась. Люсита посмотрела на трупы, на переполненный мусорный контейнер, а затем с достоинством удалилась.

Вторник, 31 августа 1999 г., 1:31 AM
Хаятт Ридженси Капитол Хилл
Вашингтон, округ Колумбия.

— Сколько именно информации об обороне дал вам ваш информатор в Совете, архиепископ?

В голосе Борхеса прозвучала нотка раздражения, но не более того. Талли взглянул на него и вознес тихую молитву о том, чтобы характер этого человека больше не портился, по крайней мере, не сегодня. Слишком много работы предстояло сделать.

Викос толкнул по столу небольшую пачку бумаг с безучастным выражением лица. К счастью, карта Хартфорда, лежащая на столе, не помялась. — Все, что мне прислали, находится здесь, архиепископ Борхес. Мы знаем столько же, сколько и они, когда речь идет об их численности и силе. Большинство каинитов города будут эвакуированы к завтрашней ночи, оставив лишь сырых детей и гулей-самоубийц для элементарной обороны.

Борхес взглянул на Талли, который кивнул один раз, а затем потянулся за бумагами. В течение нескольких минут не было слышно никаких звуков, кроме шелеста страниц и различных звуков одобрения или неодобрения, которые издавал Борхес, похоже, не зная, что он это делает.

— Хм. Двадцать новых Воплощенных вампиров, дюжина гулей, и больше ничего? — наконец сказал Борхес. — Мы могли бы зачистить город одной стаей. Он выглядел самодовольным, когда клаал бумаги на стол.

— Можем, — сказал Викос, — и тем самым мы подтвердим им, что, опять же, мы точно знали, с чем нам предстоит

столкнуться. От этого короткий шаг до раскрытия моего источника, и потери одного из наших

самые важные активы. На ее лице не было и следа отвращения, которое слегка окрасило ее голос.

— Действительно. И именно поэтому мы должны нанести удар с подавляющей силой. Мы должны смыть их в крови, утопить во врагах! Борхес поднялся на ноги, лицо покраснелось, когда он представил себе еще не одержанную победу. — Никаких потерь, как в Буффало. Силой и числом мы искореним их!

— Я не могу не согласиться, — добавил Полоний. — Атака должна быть ошеломляющей, и вместо того, чтобы поручить ее меньшим, архиепископ должен принять личное командование. Вы, — обратился он непосредственно к Борхесу, — идеальный лидер.—

Борхес, его — мыслительные процессы, очевидно, догнали его браваду, сделал паузу в этом предложении. Он вернулся на свое место.

— Личное командование, в полевых условиях?

— Это не очень хорошая идея, — сразу же сказал Талли. Он ожидал такого предложения от Викоса, но и от Полонии...?

Славы без риска не бывает, — заметила Полония. — А с вами на его стороне, дон Талли, я уверена, что архиепископу Борхесу нечего бояться. В любом случае, мне нужно заняться делами в Нью-Йорке — я слишком долго отсутствовал, а Викос занят с Тремере здесь, в Вашингтоне.

Талли нахмурился. Борхес, неловко переместившись в своем кресле, казалось, был пойман между противоречивыми

мыслями о Люсите, с одной стороны, и сокрушением своих врагов — с другой.

— Вальехо может наблюдать за осадой Тремере так же хорошо, как и я, — внезапно заговорил Викос. — Если это всех успокоит, я буду сопровождать архиепископа Борхеса, разумеется, лишь в качестве наблюдателя при его командовании. С двумя архиепископами, которые по своему назначению и значительные силы, мы должны развеять подозрения, что все уже готово, особенно если мы отложим атаку на этот раз.

Голос Викаса был мягким, но веселым.

Борхес повернулся, чтобы посмотреть на своего коллегу, затем взглянул на бесстрастное лицо Талли. — Тем не менее, — сказал Борхес, — мы приведем с собой людей и позаботимся о том, чтобы вы и я, ваше превосходительство, были на видном месте. Я не ожидаю, что вечер будет для нас с вами большим развлечением, но даже в этом случае, как вы говорите, вашему информатору будет полезно, чтобы нас видели на поле боя. Борхес наклонил голову, как птица, к своему телохранителю. — И я верю, что дон Талли обеспечит нам безопасность, пока мы будем это делать.

Талли быстро нахмурился. — Я могу, если вы не будете слишком сильно выставлять себя напоказ, ваше превосходительство. Я говорю это сейчас, чтобы мне не пришлось напоминать вам об этом позже.

Борхес кивнул и отмахнулся от возражений.

— Да, да. Я понимаю. Будьте уверены, я не стану рисковать без необходимости, и я верю, что архиепископ Викос сделает то же самое.

— Очень хорошо. Талли звучал покорно и совсем не убежденно. Борхес проигнорировал его.

— Архиепископ Викос, — продолжал Борхес, — не хотите ли вы привлечь к участию в опере кого-нибудь из своих людей? Может быть, у Маленького Портного есть домашние животные, которых он хотел бы испытать? Или, возможно, кто-то из ваших адептов становится все более беспокойным и хотел бы провести ночь в поле. Я подумал, что, возможно, трех стай, плюс наше собственное присутствие, будет достаточно? Возможно, мы могли бы использовать университет, здание столицы и вон тот перекресток, — он указал на гражданский центр на карте, — как хорошие места для начала.— Мы не знаем, где будет дислоцироваться враг, архиепископ. Почему бы нам не подождать, пока мой контакт говорит нам об этом?

Голос Викаса был усталым; она явно жалела, что согласилась участвовать в этом.

— Враг — это Камарилья. Все, что нам нужно сделать, это устроить несколько пожаров и подвергнуть опасности их драгоценный Маскарад, и они прибегут к нам. — Борхес дважды постучал пальцем по карте. — Мне нравится эта идея, раз уж я о ней подумал. Если мы заставим их штурмовать наши позиции, они потеряют все преимущества, которые могла дать им подготовка оборонительных сооружений. Это хорошо работает. Теперь перейдем к вопросу о времени.

Талли просто отключался от Борхеса и обдумывал, как он сможет вывести его или Викаса из опасности, когда ситуация начнет ухудшаться. План был неплохим, но неуклюжим, не учитывающим все возможные варианты. Беспокойство было бесконечным: Присутствие Люситы старательно избегалось в разговорах — Талли пытался поднять этот вопрос семь раз, а Викос и Борхес по очереди меняли тему; Люциус мог решить преподавать Викасу еще один урок, послав ложную информацию

и позволив наступлению Шабаша наткнуться на жужжащую пилу в форме Колокола; участие Викоса в делах, как и удобное отсутствие Полонии, все еще вызывало беспокойство. И так все шло своим чередом.

Но архиепископы, оглушенные собственным высокомерием и чувством превосходства, не были склонны слушать Талли. Нет, лучше всего, -решил он, подождать, пока ситуация не станет опасной, а затем убрать цель с места преступления, если Люсита появится — когда появится Люсита. Остальная часть атаки могла удалиться или провалиться по собственным соображениям, но Талли волновала именно его работа.

— Разве вы не согласны, дон Талли? Темплар вышел из своей задумчивости и увидел обоих архиепископов, что смотрели на него с недоумением, хотя, возможно, по разным причинам.

— Конечно, дон Борхес. В данном случае все так и есть, как вы говорите.

Викос выглядел слегка удивленным. Борхес выглядел самодовольным.

И Талли просто желал, чтобы бой уже начался, и ему не пришлось бы больше слушать это.

Четверг, 9 сентября 1999 г., 10:14
Университет Хартфордского кампуса
Западный Хартфорд, штат Коннектикут

Люсита стояла на окраине Западного Хартфорда и смотрела на вход в кампус Хартфордского университета. Лужайка была коричневой, вывеска — уродливой, а за ней простиралось то, что можно было описать только как парковку на целые акры. Это означало, что поблизости не было ни одного укрытия, что очень нравилось Люсите. Она достала телефон и набрала номер пейджера, который ей дали давным-давно, когда началась эта эскапада. Несомненно, после завершения этого разговора ей придется отказаться от еще одного -номера сотового телефона, но Шрек, похоже, был совершенно счастлив снабдить ее всем необходимым, чтобы избежать слежки.

Кроме того, лакей Шрека велел Люсите оставаться в Хартфорде. Это было больше недели назад, и до сих пор не было никаких следов ее цели. Возможно, у ее охристого работодателя будет более полная информация.

Звонок соединился, и раздалась серия щелчков. После необходимого количества гудков и жужжания по линии прозвучало осторожное

— Алло?

— Добрый вечер.

— А. Дофия Люсита. Приятно вас слышать.

Голос вампира на другом конце линии был гладко-вежливым.

— Могу ли я быть вам полезен?

— Пустяковое дело, правда. Я хотел бы узнать, не могли бы вы дать мне хотя бы малейший намек на то, где моя цель может бродить в ближайшие ночи?

Наступила пауза.

— Откуда мне это знать, Дойя Люсита?

— Потому что тот, кто дергает тебя за ниточки, знает, да? Я не слишком слеп, чтобы видеть, что передо мной. Кто это? Полония? Викас? Один из толстых дураков в Мехико?

Еще одна пауза.

— Боюсь, я понятия не имею, о чем вы говорите, Доха. Мне искренне жаль.

— Ты действительно жалкий лжец, и не более того. Так скажи мне: Где он будет?

— В течение двух недель вы можете найти в Хартфорде выгодное место для охоты. Надеюсь, этой информации достаточно?

— Я не буду тебе лгать: Нет, это не так, но это придется сделать. Очень хорошо. Благодарю вас за все ваши любезности.

— С удовольствием, — раздался щелчок, и связь прервалась.

Люсита сложила телефон и убрала его, а затем трусцой перебежала через улицу в университетский городок. Всегда полезно знать, на какой почве придется сражаться, к тому же она была голодна.

Вторник, 21 сентября, 1999, 12:27

**Юридический факультет Университета Коннектикута
Хартфорд, Коннектикут**

Хартфорд умирал по частям, но симптомы были в основном хорошо замаскированы. В Сивик(Хнтер) произошел пожар, еще один — возле станции CBS в центре города. Изысканные резные деревянные двери городской библиотеки были разбиты грузовиком, водитель которого потерял управление, но, похоже, никто не пострадал. Полиция, которую удалось оторвать от других кризисов, захлестнувших город, разыскивала водителя, который, по всей видимости, скрылся с места происшествия пешком. На кладбище Маунт Зион произошла перестрелка, а на мосту Чартер Оукс в восточном направлении образовалось столпотворение из четырех машин. Авария с наездом на пешеходов и смертельным исходом заблокировала трассу 1-91 к северу от развязки 1-84. В элитном торговом центре Корбинс Комерс, расположенном к западу от города, произошла серия грабежей и актов вандализма, совершенных бандой подростков, которых, по словам охраны, они никогда раньше не видели. Вечеринка в кампусе Хартфордского университета переросла в беспорядки, а перед станцией Asylum Avenue сломался автобус, так что никто не мог ни войти, ни выйти.

Где-то посреди этого тщательно продуманного хаоса Талли было позволено снова стать Гончей.

Согласно первоначальному плану, командующие операцией — Борхес, Викас и сам Талли — должны были находиться далеко в стороне от действий, руководя войсками и оставаясь вне линии огня. Более того, настаивая на том, чтобы Викас и Борхес оставались в непосредственной близости друг от друга, Талли одновременно уменьшил возможности каждого из них действовать против другого (если это было запланировано), и увеличивал свои собственные шансы на защиту любого из них.

Теоретически, присутствия Талли было бы достаточно, чтобы заставить обоих архиепископов вести себя прилично, хотя вряд ли это было железной гарантией.

Проблемы начались с удачного выстрела. Какой-то партизан Камарильи, оставленный прикрывать отступление, каким-то образом вычислил местоположение командного центра Шабаша и начал обстреливать трио гулей-бегемотов, которых Викос прихватила с собой в качестве меры предосторожности. Голова одного из них взорвалась со второго выстрела.

Взяв на буксир двух оставшихся гулей, Викос начал обходить нападавшего с фланга. Когда Талли возразил, архиепископ и темплар едва не сцепились из-за этого, их спор сопровождался трещоткой снайперской винтовки. Несмотря на решительные протесты Талли, Викос настоял на своем.

— Отлично! Талли плюнул вслед архиепископу Цимисхи. — Если ты хочешь, чтобы тебя убили, я присмотрю за Борхесом. Талли повернулся, чтобы предупредить Борхеса оставаться на месте, а не то.

Борхеса не было.

Возможно, свежепролитая кровь гулей в сочетании с азартом битвы привели его в бешенство, а может, он просто был настроен на славу. Это не имело значения. В любом случае, человек исчез.

Талли выругался, коротко, но искренне. У него было два варианта: Пойти за Викосом, который пренебрег его советом и был в сопровождении двух боевых гулей; или попытаться найти и защитить Борхеса, который также проигнорировал предупреждения Талли, но был один, и его командование, слишком удобно, было поручено ему.

Полония и Викос. Цимисхия на протяжении веков демонстрировала способность заботиться о себе; Борхес, если быть милосердным, делал это не так хорошо.

В конце концов, выбора не было.

И вот Талли погрузился в освещенную огнями ночь, чтобы найти Борхеса. Убийство всего, что попадалось ему на пути, было просто бонусом.

Вторник, 21 сентября 1999, 1:36 AM
Парк Террас
Хартфорд, штат Коннектикут

В ту ночь Талли был не единственным охотником на улицах. Тихо, без усилий, Люсита скользила от тени к тени, наблюдая. Она бесстрастно наблюдала, как ревуший боевой гуль разбил в кровавое месиво гуля в форме полицейского, а затем перевернул его машину. Пламя лизнуло днище машины, озарив всю сцену ярким желто-красным светом. Она молча смотрела, как стая воющих унтикрибу разбегается в парке Поупа, стреляя во все, что движется, и, почти случайно, уничтожая отряд только что созданных Бруха, которые выпрыгивали на них из деревьев. Нахмурившись, она наблюдала, как Викос разнес на куски человека, оказавшегося на ее пути, просто за то, что он оказался не в том месте и не в то время. Ни один из ее источников ничего не говорил о том, что Викос здесь.

Нигде, однако, она не видела Борхеса. Она знала, что он был там; она слышала, как его имя называли достаточно часто. Однако архиепископ не появился ни разу. Свидетельства его работы были повсюду — в основном трупы, вперемешку с более аккуратной работой Талли, — но сам архиепископ был неуловим, как дым.

К счастью, Талли не было. За неимением ничего лучшего — защита города, в конце концов, не была ее проблемой, по крайней мере, помимо устранения каинита, возглавлявшего нападение, — она стала следовать за Гончей, пока он переходил от места резни к месту резни. Время от времени он останавливался и осмотреть то, что Борхес оставил после себя, но обычно он был в движении, быстрый, злой и смертоносный. Время от времени Люсита ловила его на том, что он наносит удивительные повреждения периферии, когда несется по дороге, и постепенно она поняла, что не только она ищет

Борхеса. Он сорвался с поводка и был на свободе в городе, одному Богу известно где.

Она бы рассмеялась, если бы осмелилась, но это выдавало бы ее присутствие Талли. Люсита знала, что ей повезло, что гончая была занята, иначе он вполне мог бы ее заметить. Она не сомневалась, что Талли сочтет, что остановить ее гораздо предпочтительнее, чем схватить заблудшего архиепископа, пока он не пострадал. В конце концов, если бы она была занята, кто еще в городе мог причинить Борхесу вред, не говоря уже о том, чтобы убить его?

Она, конечно, знала ответ на этот вопрос, но не стала тратить время на рассуждения о том, обоснованно ли это беспокойство.

Тем временем, однако, становилось все более очевидным, что сам Талли ищет Борхеса в пламени и хаосе. У Люситы, как ей казалось, было три выхода. Она могла последовать за Талли к Борхесу и надеяться, что сможет уничтожить архиепископа до того, как Талли успеет вмешаться; она могла действовать самостоятельно и надеяться, что найдет Борхеса раньше Талли; или она могла отказаться от всего этого и ждать другого удобного случая.

Ей хватило доли секунды, чтобы решить, что следовать за Талли — лучший вариант действий. Она была сыта и хорошо отдохнула. Талли время от времени приходилось разбираться с различными беспорядками, которые Борхес не успел закончить в спешке или неистовстве, а он слишком быстро двигался по следу архиепископа, чтобы останавливаться и подкармливать его, чтобы пополнить свои силы. Сам Борхес оставлял за собой впечатляющий след из крови, что, несомненно, означало, что Ложь в значительной степени использует кровь внутри себя. Судя по количеству виты, вытекающей в сточные канавы и разбрызгиваемой по стенам, архиепископ Майами тоже не

останавливался, чтобы подкрепиться. Когда Талли наконец догонит своего подопечного, а Люсита догонит их обоих, оба мужчины будут слабы. Голодными. Не в состоянии противостоять продолжительной атаке. Если повезет, она сможет навсегда расправиться с Талли. Ее дорогой сир был бы недоволен, если бы она сломала одну из его любимых игрушек, но Талли был слишком дикой картой, чтобы позволить ему свободно разгуливать вокруг. Если представится возможность расправиться с ним, она воспользуется ею, а позже пошлет Монкаду открытку с соболезнованиями.

В нескольких кварталах от нас кто-то закричал от ярости. Ему вторил крик ужаса, поднимавшийся по спирали сквозь ночь. Талли даже не потрудился остановиться и посмотреть вверх. Вместо этого он просто помчался в направлении шума с нечеловеческой скоростью. Люсита по-волчьи ухмыльнулась и, не издав ни звука, последовала за ним.

Вторник, 21 сентября 1999, 1:38 AM
Парк Террас
Хартфорд, штат Коннектикут

Талли ругался под нос почти час без остановки, с тех пор как этот идиот Борхес бросился в драку. При нормальных обстоятельствах он поймал бы дурака в считанные минуты, но сейчас были не нормальные обстоятельства. Борхес был одним из вампиров, но это было не то, что требовалось в данной ситуации. Позади него его войска барахтались, лишённые направления. Каждый раз, когда стая одолевала малейшее сопротивление, они чувствовали необходимость шумно праздновать и поджигать все, что попадалось под руку. Это не приносило никакой пользы, кроме как затуманивало следы Борхеса и перекрывало основные транспортные артерии, не говоря уже о том, что несколько вампиров Шабаша, подошедших слишком близко или в диком восторге, были уничтожены. В результате объезды и блокпосты стояли Талли драгоценных секунд, которые превращались в минуты, пока он перемещался по хаотичным городским улицам в попытке переместить след Борхеса. Только запах крови в воздухе служил ему ориентиром, но, к счастью, для Гончей этого было достаточно.

Другая сложность заключалась в том, что не все, кого Борхес разорвал на части, были мертвы. Некоторые проявили удивительную стойкость, когда Талли промчался мимо них, пытаясь преследовать странствующего архиепископа. Один притворялся мертвым, пока Талли не настиг его, а затем всадил две пули в левую руку темплара. Талли перекатился в укрытие и послал теневое щупальце из-под почтового ящика, чтобы раздавить человека (у Талли не было времени проверить, была ли жертва каинита, гуля или вооруженного пистолетом невинного прохожего) до неузнаваемости. Другие жертвы просто стонали, и Талли хватало секунды, чтобы свалить

каждого одним ударом. Никогда нельзя было сказать, кто притворяется, в гуль конце концов, и после первого сюрприза Талли хотел быть уверенным, что их больше не будет. Меньше всего ему хотелось, чтобы какой-нибудь потенциальный герой подобрался к нему сзади в самый ответственный момент. Даже самый слабый гуль мог отвлечь его в самый неподходящий момент пулей или броском быка, а отвлекающие факторы были как раз тем, что ему не нужно, если он собирался сражаться с Люситой.

Впереди слышались новые крики и хриплые возгласы ярости. Талли на мгновение сосредоточился, чтобы завязать раны, нанесенные пулями в его плечо, затем удвоил скорость, надеясь догнать Борхеса и вытащить его из схватки. Надеюсь, архиепископ будет сопротивляться, и это даст Таилею повод избить его до потери сознания.

Талли подумывал о том, чтобы склонить волю Борхеса к вызову -архиепископа, но если бы Борхеса застали в серьезной схватке, скажем, если бы Люсита нашла его, психический зуд от вызова мог бы стать разницей между тем, чтобы избежать удара и почти избежать его. Талли не осмеливался отвлекать мужчину, пока тот снова не окажется в надежных руках. Даже если Борхес не был целью Люситы — а такая возможность все же существовала, — он поставил под угрозу всю операцию, улетев на полусогнутых, и, возможно, все же сумел бы убить себя, Талли был уверен, что Камарилья с радостью обменяла бы Хартфорда на архиепископа.

Даже мчась вперед, Гончая дала себе небольшое обещание. Как только Борхес благополучно покинет поле боя, Талли собирался выбить из этого идиота все живое. Борхес собирался выжить в этой битве, по крайней мере, если Талли будет что сказать по этому поводу, но он будет жалеть, что не сделал этого.

Крики вдалеке стихли, и Талли опустил голову для последнего рывка. Если повезет, то это был звук Борхеса, сходящего с ума от нахлынувшей крови. Если нет, то это означало, что Люсита только что нашла его. В любом случае, Талли хотел быть там. Как безумец, он побежал.

Вторник, 21 сентября 1999, 1:43 AM

Улица Патнэм

Хартфорд, штат Коннектикут

Архиепископ Борхес огляделся вокруг с довольной улыбкой на лице. Перед ним лежало по меньшей мере три мертвых вампира. Все трое находились в разном состоянии, а один был полностью лишен конечностей. Они сражались хорошо, с отчаянной, беспричинной свирепостью, но у них не было ни единого шанса. С таким же успехом можно было просить малышей сразиться с медведем гризли, как и просить необученных, неумелых вампиров, только что вышедших из Объятий, сразиться с архиепископом в зените его могущества.

Перекресток был ничем не примечателен, и он понятия не имел, почему эти три вампира погибли, защищая его. Возможно, он имел какое-то эмоциональное значение, а может, они просто заблудились. В любом случае, им не повезло, что на них налетел архиепископ Борхес в полном безумии. Один из них даже успел вцепиться в лицо архиепископа рудиментарными когтями, но Борхес поймал руку мальчишки на середине удара и переломил ее, как хворост.

Когда первый нападавший упал, Борхес с нечеловеческой скоростью перешел ко второму. Даже когда его противник сделал неуклюжий замах, Борхес опустился на колени и со всей силы ударил прямо вперед. Раздался приглушенный треск, и вампир закричал от боли, сгибаясь так, как человеческое туловище сгибаться не должно. Когда человек упал, Борхес нанес удар кувалдой, который пришелся в подбородок и почти оторвал голову от плеч.

Позади архиепископа первый из них вышел вперед, вцепившись в его руку и завывая. Борхес повернулся и поймал голову мальчика между ладонями. Пока вампир бессильно

тарашил глаза, Борхес резко повернул голову мальчика влево и был вознагражден звуком разлетающихся позвонков. Он повернул голову вправо, получил еще больше того же самого и бросил спазматический, дергающийся труп к своим ногам.

Третий вампир выбрал этот момент для нападения, предупредив Борхеса своим криком. Архиепископ едва не рассмеялся, увидев нападавшего — мужчину средних лет в отвратительном коричневом костюме, лицо которого было искажено ненавистью и бешенством в чудовищную маску. Вампир бросился на Борхеса, который увернулся, повернулся и поймал лодыжку мужчины, когда тот проходил мимо. Импульс прыжка новорожденного был таков, что Борхес смог воспользоваться им в своих целях, с размаху ударив мужчину ногой о неподатливый бетон. Не останавливаясь, Борхес перевернул противника за лодыжку и продолжил поворот. Последовавший за этим хруст по тону не отличался от того, который издала шея его друга, но он позволил жертве издать тонкий крик. Борхес торжествующе зарычал и двинулся к колену мужчины. Оно тоже сломалось, а затем все исчезло в красной дымке воспоминаний.

Борхес моргнул. Талли снова дал ему пощечину, достаточно сильную, чтобы раздробить челюсть более слабого человека.

— Ты полный, никчемный, бессмысленный болван, — сказал темплар. — Какого черта ты так сбежал... Нет, не говори мне. Ты уже нарисовал на своей спине бычий глаз для Люситы, и я не хочу, чтобы ты торчал здесь дольше, чем нужно. Мы уходим, Арч... сейчас же. — Он схватил Мргесс Нана Ана Пуийеа Ним, как вытаскивают из магазина плохо ведущего себя ребенка. — И когда я вытащу тебя из этого, я хочу, чтобы ты стояла на коленях и целый час благодарила Бога за то, что я нашел тебя раньше Люситы. Пойдем.

Борхес разжал хватку, и Талли с отвращением повернулся к нему лицом.

— Ты зашел слишком далеко, тамплиер, — густо сказал архиепископ. — Я выиграл эту битву, а ты пытаешься украсть мою славу для Викоса, удалив меня с поля боя! Я не потерплю этого!

Талли не мог больше терпеть.

— Отлично, — сказал он. — Вы совершенно правы. У меня две пули в плече, потому что мне наплевать, кто из вас, идиотов, получит заслугу за разрушение города, о котором даже Камарилья не заботилась настолько, чтобы его защищать. Блестяще, архиепископ, абсолютно блестяще. А теперь не говори ничего. Ты идешь со мной.

Из каждого шага вырвались группы теней и крепко связали Борхеса; прежде чем тот успел -вскрикнуть в знак протеста, его крепко связали, и он беззвучно рухнул на тротуар. Талли быстро подошел к лежащему Борхесу и взял его под руку. Пора было уходить с поля, и единственным способом быстрого передвижения архиепископа был багаж.

Талли внезапно стало противно от всего этого дела. Последние несколько минут, в частности разглагольствования Борхеса, укрепили подозрения, которые темплар вынашивал уже некоторое время. Он решил, что будет охранять Борхеса до конца битвы, найдет Викоса и завершит это дело, а затем ближайшим ночным рейсом вернется в Мадрид. Там он сам расскажет Монкаду о том, что узнал, и о том, что кардиналу следует найти другого лакея для подобных дел. Талли мог бы отправиться в Шварцвальд и месяц поохотиться на люпинов, возможно, в качестве отпуска. Все было бы лучше, чем оставаться в этой ядовитой паутине ревности и своевольной глупости.

Он продолжал идти к заранее назначенному месту встречи, неся Борхеса так же легко, как человек несет свернутую газету. Люсита еще не давала о себе знать, и Талли впервые задумался, не ошибся ли он и не является ли Полония настоящей целью. Нахмурившись, Гончая ускорила шаг. Скоро все это будет неважно. Впереди виднелась точка встречи, и он двинулся к ней. Скоро все будет кончено.

А затем вокруг Талли опустилась огромная стена черноты, словно столетняя полночь наступила одновременно.

Вторник, 21 сентября 1999 года, 2:04
Пересечение улиц Вест и Парк
Хартфорд, штат Коннектикут

Люсита наблюдала за короткими дебатами между Талли и Борхесом и едва не смеялась от радости. Если бы это был не фокус, лучшего шанса она и желать не могла. Борхес был укутан, как младенец, а Талли, похоже, намеревался как можно скорее покинуть город. Ей оставалось только дожидаться подходящего момента, и Борхес легко станет ее.

Это были считанные секунды до того, как все закончится.

Внезапно Люсита заколебалась. Тонкий крик, едва различимый на грани слышимости, пронесся по воздуху. Люсита знала этот звук: это охотился один из любимых боевых гулей Викоса, и он был неподалеку. Люсита тихо прокляла своего отца и упорство его орудий, а затем развязала тени. Она больше не могла позволить себе ждать. Из канализационных решеток поднялся шар черноты и окутал Талли. Темплар не успел даже вскрикнуть, как его накрыло.

Борхес упал на землю, его тюрьма развалилась в считанные секунды. Спотыкаясь, он поднялся на ноги и огляделся. К его чести, он понял всю ситуацию с первого взгляда. — *Me sago en su madre*, — вздохнул он и сделал шаг назад.

Люсита не теряла времени даром. Она спрыгнула вниз со своего навеса, столбы тьмы за ее спиной раздувались и тянулись к добыче.

Борхес поступил разумно. Он бежал. Используя то небольшое, что в нем осталось от *vitae*, архиепископ

Майами на пятки ему наступал. Без слов, Люсита вышла из тени и помчалась за ним.

Страх окрылил Борхеса. Люсита была более ловкой, лучше бежала и лучше питалась, чем он, но ужас придавал скорость его полету. Он нырнул в переулок, вышел на другую сторону, прошел квартал мимо какого-то строения, а затем налево. Люсита следовала за ним так уверенно и стремительно, как лвица, преследующая свою добычу. Квартал за кварталом она сокращала разрыв, пока не оказалась на шаг позади Борхеса.

Мужчина оглянулся, чуть не споткнулся и прибавил скорость. Люсита метнулась к нему, промахнулась, а затем потянулась к маленькому усiku тени. Один из них прилетел к ней, и она послала его в ноги Борхесу, когда он бежал.

Мужчина споткнулся и упал, проехав пятнадцать футов по тротуару. Он попытался подняться на ноги, но Люсита мгновенно настигла его.

— Мои извинения, архиепископ, — сказал он. — Если это поможет облегчить боль, вас, без сомнения, посмертно будут помнить как одержавшего великую победу. Она отдернула руку для убийственного удара и почувствовала, как что-то зажалось ее запястье. Люсита повернулась и увидела, что вокруг ее предплечья обвилась тень, которая тянула ее назад, к...Т-алки.

— Твой толстый отец сказал, что тебя нельзя обижать, Люсита. Мне придется извиниться перед ним после того, как я убью тебя, не так ли? Он дернул усик назад, и Люситу выдернуло из ее положения на лежащем архиепископе, и она упала на спину на улице. На плече темплара расплылось свежее пятно крови, но он не обратил на него внимания.

Борхес наполовину пошатывался, наполовину отползал.

— Беги, Борхес, — сказал Талли. — Беги очень далеко и очень быстро, и молись, чтобы больше никогда меня не увидеть.

Он сделал еще одно движение, и полоса тьмы на запястье Люситы затянлась с костедробительной силой.

Люсита изо всех сил старалась не обращать на это внимания. Другой рукой она потянулась к правой лодыжке, где всегда хранила запасной метательный нож. Вскрикнув от боли, она метнула заточку в Талли. Бросок был неточным, но Талли понадобилась доля секунды, чтобы оценить траекторию полета ножа. В течение этой доли секунды он не обращал внимания на саму Люситу, и это было все время, которое ей было нужно.

Ее собственная тень разорвала тень Талли в клочья, и она перекатилась влево, даже когда Талли обрушил на нее еще одну. Ее рука поймала обломок, и она швырнула его в него. Теневой усик выбил его из воздуха, но это дало ей еще одну драгоценную секунду, пока он поднимался на ноги и готовился к контратаке.

Полдюжины теней потянулись из канализационных решеток и из-под машин, чтобы обхватить темплара. Он зарычал и сам растворился в темноте, чтобы убежать, но даже когда он это сделал, Люсита повернулась и побежала за мостами.

Удача была с ней. Ему удалось оступиться, но далеко уйти не удалось. Одна из его лодыжек была раздроблена из-за ловушки теней, которая сбила его с ног; для его участка это был бы плохой конец. Он увидел приближающуюся Люситу и зашагал быстрее, на его лице отразился страх. Тени полусформировались вокруг него и исчезли в небытие. Страх и боль лишили его возможности контролировать их.

Люсита не пыталась поймать его. Вместо этого она призвала тьму, не обращая внимания на растущий голод, который грыз

ее. Пара усов устремилась за раненым архиепископом, только чтобы быть отбитыми другими, которые должны были контролироваться Талли. Не обращая внимания, Люсита бросилась вперед за Борхесом. Что-то обвилось вокруг ее лодыжки, и она упала. Окровавленная, она сумела перевернуться и увидела, что пошатывающийся Т-аллей успел зацепить ее одинокой нитью тьмы.

Лицо Люситы покраснело от гнева. Талли явно выдохся; у него ничего не осталось. Она устала, но у нее еще было достаточно сил, чтобы разобраться с ним, а потом преследовать Борхеса. Если уж на то пошло, она могла бы разделаться с архиепископом голыми руками. Закрыв глаза, она перестала сопротивляться. Усок тащил ее, нога за ногой, все ближе к Талли, обвиняя все больше и больше ее ноги. Талли был смертельно опасен, она знала. Даже Фатима говорила о нем с уважением, а Фатима не уважала ни одного фрунджа. Люсита знала его мастерство, знала его решимость. Но сейчас он был еще и зол. Пусть он был изможден, опустошен от крови и изранен. Но он все еще был Гончей.

Люсита сжала кулак. Тень выскользнула из-под машины и подошла к ней. Она напала на нее силой, а затем велела ей поразить Талли. Тень поняла ее по-своему и стала повиноваться. Черная, как ночь, и такая же страшная, она отпрянула назад, чтобы нанести удар.

Сзади Талли раздался громогласный рев. Он устоял перед искушением посмотреть, вместо этого увернувшись от теневого устика, который стрелой метнулся к его сердцу. Люсита выругалась, когда он прижался к мостовой, а тень прошла над ним. Раздался еще один крик, и один из оставшихся боевых гулей Викаса рухнул на землю в ярде от места, где лежал Талли. От удара тени его лицо превратилось в неузнаваемую развалину, но все же, каким-то образом она двигалась. Мимо прогрохотал еще один гуй, оскалившись на Люситу.

— Остановите ее! крикнул Викас, обращаясь к своему жуткому питомцу откуда-то издалека.

Талли вскочил на ноги, оглядываясь по сторонам в поисках архиепископа Цимисхи, но безуспешно. Впереди гуль бросился на Люситу своей бесформенной массой, даже когда Борхес отпрыгнул в сторону. Раздался тошнотворный хруст, и на мгновение Талли показалось, что чудовище совершило невозможное. Затем кулак Люситы с влажным звуком вышел из спины существа, и гуль заскулил в агонии.

Талли не мог больше обращать внимания ни на что, кроме своей миссии. Он прыгнул на Люситу, но опоздал на долю секунды, когда -она толкнула на него хромую массу гуля. Его вес опрокинул его на него, и ему пришлось потратить драгоценное мгновение, чтобы отбросить его в сторону. В это мгновение Люсита повернулась и набросилась на Борхеса, который поднял слабую руку, чтобы защититься. Со звериной дикостью Люсита рвала его, отказываясь от чего-либо более сложного, чем когти и клыки, кромсая руку, грудь и горло архиепископа. Из него вырвался тонкий, высокочастотный вопль, когда он неистово пытался оттолкнуть Люситу. Затем наступила ужасная тишина.

Талли опустил плечо и с костедробительной силой впечатался в спину Люситы, на мгновение запоздав. Она упала и растянулась на асфальте, но черты лица Борхеса уже сгнили. Архиепископ Майами был окончательно, бесповоротно мертв.

Люсита вскочила на ноги, но не раньше, чем Талли снова оказался на ней. Он схватил ее лицо левой рукой и рванул на себя, оставляя кровавые борозды, прежде чем она вырвалась из его хватки. Талли завыл от ярости и разочарование, а затем звук, леденящий кровь, когда она поднялась на ноги. Он нанес удар кулаком, который она парировала, но второй удар мужчины пришелся ей в колено и почти сломал его. Талли

по-волчьи улыбнулся и сделал круг влево, рассчитывая воспользоваться слабым коленом. Шатаясь, Люсита повернулась к нему лицом.

С мрачным выражением лица Люсита оценивала ситуацию, пока Талли прикидывал удар по ее раненой ноге. Она болезненно уклонилась, а затем ей пришлось увернуться от жестокого удара, который мог бы снести ей голову, если бы был нанесен. Борхес был мертв. Она была гораздо слабее, чем ей хотелось бы; слишком много теней потребовалось, чтобы убить Борхеса и отвлечь Талли. А Гончая собиралась заработать свою репутацию заново. Пора было уходить.

С силой, порожденной отчаянием, она нанесла Талли удар ногой с вращением. Он уклонился, но она использовала эту секунду, чтобы заставить целебную кровь прилить к колену. Талли нанес еще одну комбинацию ударов, но она уклонилась от каждого из них, а затем превратила свой последний финт в полноценный спринт. Талли издала вопль ярости и бросилась за ней. Если она правильно запомнила город, река была совсем недалеко. Оставалось миновать еще один ряд зданий, затем пересечь шоссе, и она будет в безопасности. Позади нее шел темплар, его слабость была скрыта жаждой крови и гневом.

Люсита направилась в переулок между двумя складами. Талли зарычал и потянулся к тени, чтобы растянуться поперек ее пути, но его силы угасали, и барьер распался, когда она достигла его. На бегу Люсита бросала за спину мусорные баки, коробки, все, что попадалось под руку, чтобы замедлить Талли. Он пробирался через препятствия, как будто они были пустяком.

За переулком проходило шоссе, с этой стороны возвышавшееся над дорогой. Движение в южном направлении было свободным, но в северном направлении все еще сохранялись помехи после предыдущих аварий. Люсита

прошептала благодарственную молитву, взобралась на насыпь и перепрыгнула через ограждение. Она увернулась от черного Bonnevillе, который наполовину стоял на правой обочине, споткнулась и помчалась дальше. Используя почти последние остатки крови, она выехала на первую полосу движения и пересекла первые четыре полосы. Позади нее Талли добрался до обочины и продолжил движение вперед, машинный в своем упорстве. Автомобили объезжали его, сигналили. Одна машина задела его бампером. Его закрутило, но он продолжал неумолимо двигаться вперед.

Ребенок Монкада не оглянулся. Вместо этого она запрыгнула на багажник автомобиля и, как могла быстро, пробралась через остановившийся поток машин. Через несколько секунд она перебежала дорогу и оказалась в высокой траве на берегу реки. Талли, измученная или нет, следовала за ней по пятам.

Люсита рискнула бросить последний взгляд на своего преследователя. Визави Гончей, отчетливо видневшийся в нескольких шагах позади нее, выражал непримиримую ненависть. Выход был только один.

Затем она поцеловала Талли и нырнула в мутные воды реки Коннектикут. Почти мгновенно исчезла даже рябь от ее проплыва. Она исчезла.

Прибыв с опозданием на несколько секунд, Талли уставился ей вслед. Он мог преследовать ее, но найти ее в иле, выдаваемом за речную воду, было бы практически невозможно. Кроме того, с горечью подумал он, у него есть то, за чем он, собственно, и пришел. Монкада был прав; Борхес, в конце концов, оказался ненужным, пока правда о его смерти была известна. И Викос? Викос проявил удивительную своевременность в этот вечер, зная, когда исчезнуть, а когда появиться. Это было удивительное совпадение, или было бы,

если бы совпадение было тем, чем оно было на самом деле. Почему-то он так не думал.

Талли подозревал, что знает достаточно, чтобы покончить с этим жалким заданием. В отвращении он опустил на берег реки и стал ждать компанию. Они не заставили себя долго ждать.

Викос выглядел весьма обеспокоенным, когда она присоединилась к нему. Гончая повернулась и уставилась на Цимисхи с усталой ненавистью.

— Так о чем именно ты там думал?

Викос уставилась в ответ.

— Я думала изменить шансы для тебя, тамплиер. Я полагала, что ты не будешь возражать против помощи.

— Я против того, чтобы меня чуть не затоптали без предупреждения, и против того, чтобы мне чинили препятствия. Ну же, ты достаточно долго проработал в этой сфере, чтобы знать лучше, чем то, что ты показала сегодня вечером. Ты стала неуклюжим. — Тон Талли был мрачным, хотя и обманчиво мягким.

— Не было времени поступить иначе, Талли. Не забывай свое место и не смей читать мне нотации. — В голосе Викоса прозвучали нотки раздражения. Талли проигнорировал ее.

— Я ничего не забываю, архиепископ. Совсем ничего. На мгновение оба замолчали. В самом городе выли сирены и вспыхивали пожары в наполненном копотью воздухе. Люди Борхеса сооружали ему неплохой погребальный костер, даже если они еще не знали, что он уничтожен.

— Она сбежала? — негромко спросила Викос.

Талли кивнул.

— Она сбежала, как будто это вас удивляет. В реку и, без сомнения, в море. Я не удивлюсь, если она доплывет до Флориды и отправится воровать сигары Борхеса.

Наступила еще одна пауза.

— Мы завоевали город, — сказала наконец Викос.

— Ты выиграла город. Я желаю тебе радости от этого. Теперь мне предстоит вернуться к нашему покровителю и объяснить ему все, что здесь произошло. — Тогда он улыбнулся, и не очень приятно. — Все. Включая то, как Люсита точно знала, где нужно быть, чтобы найти свою добычу.

Викос улыбнулся в ответ, пустой и пластмассовой, как маска на Хэллоуин.

— Я уверен, что кардинал отнесется с пониманием, учитывая невозможность того, что вас попросили сделать.

Темплар поднялся на ноги и пристально посмотрел на Цимисхия, который все еще сидел.

— Я ухожу, архиепископ, — наконец сказал он. — И я уверен, что вы правы. Я не сомневаюсь, что кардинал поймет меня. С бесконечной осторожностью и достоинством он повернулся и направился обратно в сторону города.

Вдали раздался звук взрыва автомобиля, расколовший ночь, и он был почти достаточно громким, чтобы заглушить одиночный тихий смех Викоса.

Вторник, 21 сентября 1999 года 356 утра
Пересечение трасс 99 и 1-91
Роки Хилл, штат Коннектикут

Люсита выловила себя из реки в двух милях ниже по течению. Она -заранее предусмотрела такой потенциальный путь спасения на худший случай и была глубоко благодарна за то, что сделала это. Она сняла с себя мокрую одежду и бросила ее обратно в реку. Они плыли какое-то мгновение, затем затонули и, предположительно, начали свой путь в Лонг-Айленд-Саунд. Ничто из того, что она бросила, не оставалось с ней достаточно долго, чтобы пригодиться врагу, который мог бы использовать против нее тауматургические искусства; она убедилась в этом.

Она бодро зашагала к месту, где припрятала новый комплект одежды, а также все необходимое. Черная сумка лежала там, где она ее оставила, примотанная скотчем к высокому стволу одного из многочисленных деревьев, посаженных вдоль реки. Ловко, как кошка, она вскарабкалась по стволу и достала свои вещи. Она опустила сумку на землю и легко спрыгнула за ней вниз. Быстро расстегнув молнию, она достала свежую одежду. Переодевшись в нее, она не обратила внимания на холод от речного ветерка. По правде говоря, в переодевании не было необходимости, но мокрая одежда была неудобной, а Люсита не любила дискомфорта. Кроме того, вода могла бы сделать неприятные вещи с кожаными сиденьями ее машины.

Полностью одевшись, она снова полезла в сумку. С минимальной суматохой она вытащила ключи, бумажник, горсть ножей и другие мелочи, припасенные накануне на такой случай. Все шло и продолжало идти по плану.

Опустошив сумку, она перекинула ремень через плечо и направилась к дороге. Она припарковала BMW в нескольких

кварталах от шоссе 91, которое здесь по-прежнему шло параллельно реке. Движение здесь было полегче, и от него было легче увернуться, поэтому она перешла шоссе, поднялась по пандусу и направилась к кафе-мороженому, расположенному вдали от дороги и окруженному парковкой, которая была больше, чем нужно. Именно здесь Люсита спрятала свою машину. У нее был арендованный автомобиль, готовый к переезду в Хартфорд, но что-то подсказывало ей, что здесь ей понадобится быстрая машина. Когда ночные нагрузки стали проявляться в виде ломоты и болей, Люсита порадовалась, что прислушалась к своей догадке: ей бы не хотелось бросать BMW в Хартфорде.

Подойдя к кабриолету, Люсита заметила что-то под стеклоочистителем. Оно было ярко-оранжевого цвета, и сначала она подумала, что это парковочный талон. Еще несколько шагов — и предмет оказался в фокусе, а смех, который она подавляла, внезапно затих в ее горле.

Это был не билет. Это вообще не был лист бумаги. Это был оранжевый шарф, аккуратно повязанный вокруг щетки стеклоочистителя в качестве напоминания.

Фатима была здесь. Люсита и раньше думала о другой женщине; теперь это не казалось таким уж совпадением. Люсита стояла, не двигаясь. Как долго Фатима наблюдала за ней? Сколько она успела увидеть?

Была ли она там сегодня вечером? И если да, то ждала ли она Люситу сейчас?

Один из фонарей на стоянке выбрал именно этот момент, чтобы мигнуть и погаснуть, и это решило Люситу. Она потянулась за ножом, который достала из тайника, вытащила его и подошла к машине. Без единого звука она отпилила шарф от дворника лезвие и позволила ему упасть на землю. Затем она

быстро осмотрела машину на предмет бомб и ловушек, не опасаясь ни одной — Фатима никогда бы не убила ее так бесхитростно, — и, удовлетворив свое любопытство, открыла дверь и села внутрь. Мотор быстро заработал, и Люсита с почти неприличной поспешностью выехала со стоянки. В нескольких кварталах от нее манила трасса 91 на юг; позади Хартфорда в потемневшее небо поднимались тонкие клубы дыма.

Мистеру Шреку очень скоро позвонят, решила Люсита. Как и ее таинственный второй клиент. Она собиралась взять их деньги и все остальное, что они предлагали, сказать им обоим, что они могут идти к черту, и покинуть эту несчастную страну.

—Перхагс, пришло время снова принять исповедь, — прошептало то, что когда-то могло быть совестью Люситы. 'Очередь идти к своему сиру.

Люсита нахмурилась и нажала на педаль газа, даже когда эта мысль нашла отклик. Машина рванулась вперед с таким же нетерпением, с каким Талли не так давно рванулся за ней. Но все это было в прошлом. С ней было покончено.

И, возможно, она даже вернется домой, чтобы высказать все, что думает ее отец.

Среда, 22 сентября 1999, 7:45
Iglesia de San Nicolás de los Servitas
Мадрид, Испания

В исповедальне было очень темно. Ходили слухи, что кардинал Монкада насмерть задавил в кабинке любое количество каинитов своим страшным мастерством владения тенями, но Талли сбрасывал эти истории со счетов. Монкада был достаточно силен, чтобы не нуждаться в хитрости. Он услышал, как огромная фигура кардинала всплыла в кабину по ту сторону перегородки. Раздался щелчок, когда задвижка между двумя камерами поднялась вверх, и кардинал сказал:

— Да!

— Благословите меня, отец, ибо я согрешил, — пробормотал он. — Прошло четыреста двенадцать лет, три месяца и шесть дней с моей последней исповеди.

Монкада неодобрительно хмыкнул.

— Это очень долго, сын мой. У тебя было время для многих грехов. Тем не менее, хорошо, что ты вернулся в Церковь. Тогда говори со мной. Скажи мне, какими грехами запятнали тебя четыре века.

— Я убил, Отец. Я лгал, я жаждал, я крал. И я подвел своего кардинала. Талли склонил голову. Тени, казалось, прижались к нему еще плотнее, хотя темплар говорил себе, что это всего лишь обман воображения.

Послышалось шуршание ткани.

— Расскажи мне больше.

— Архиепископ Борхес мертв. От руки твоего ребенка.

— Тск. Это действительно печальная новость, сын мой. Как такое могло случиться? Вокруг Талли тени сжимались все теснее.

Талли в деталях описал прошедшие ночи.

Это заняло удивительно много времени, и он молча надеялся, что не наскучил Монкаде.

Когда темплар, наконец, затих, из исповедальни раздался голос кардинала.

— Очаровательно. И, пожалуй, очень понятно, учитывая обстоятельства. Многое в этом деле странно, особенно конечная цель. Тени отступили от Талли, и он испустил вздох, о котором не подозревал. — Тем не менее, убийство, кража, другие — это серьезные грехи. Четыре столетия ожидания исповеди дали им время глубоко запятнать душу, сын мой. Твоя епитимья не будет легкой, я думаю, и не скоро закончится.

Талли склонил голову.

— Как прикажете, отец.

Монкада усмехнулся.

— Я должен подумать об этом. А пока что, в течение следующих пятидесяти лет совершай пять новен каждое утро, пять — Аве Мария — каждый вечер. Делай их непременно. У тебя много грехов, которые нужно смыть, Талли. *In nomine Puihi, et Filii, et Spiritu Sancti, ego te absolvo.* Можешь идти.

— Спасибо, отец, — сказал Талли и вышел из кабинки. Однако он приостановился и вернулся. — Ваше преосвященство?

— Да? Голос кардинала был едва слышным хрипом.

— Мне кажется, я знаю, почему умер Борхес и кто в этом виноват.

— Конечно, есть. Я был поражен, что вы не включили это в свое признание.

Талли молча пожал плечами. '*Это было не мое, кроме, возможно, гордости'.

Монкада усмехнулся.

— Ты говоришь как иезуит, все хитрости и софизмы. Говори.

— Полония должен был умереть, но он слишком силен. Даже Суды Крови побоялись бы выступить против него. Борхес, с другой стороны, не был силен в одиночку. Однако, стоя на стороне Полония, связанный общими узами рода или ненавистью к другим, обещая славу, власть и кровь, он мог бы стать действительно грозным. Полония не была -склонна брать Борхеса в союзники, но все же такая возможность существовала.

— Очаровательно.

Талли кивнул.

— Мудрость подсказала бы, что его нужно убить в бою, или сделать так, чтобы его уничтожили за какое-то нарушение, но мудрость в дефиците. Викос хотел, чтобы подозрения были как можно дальше от нее, чтобы посеять раздор и скрыть ее роль. Кто бы осмелился предположить, что она, твоя слуга в этих делах, вызовет твой гнев, бросив твоего ребенка против других твоих слуг? Это план безумца или гения, но в нем нет мудрости.

— Викас? Жаль.

— Викас. Это она создала диверсию, которая привела Борхеса в бешенство и заставила меня преследовать его. Если бы я задержался в этом жалком подобии города, несомненно, я бы нашел доказательства того, что стрелок, напавший на наш командный пункт, был каким-то образом на службе у Викаса. Именно Викас отвлек меня в критический момент. Оппортунизм Полонии не помог, но что касается предателя, то все дороги ведут к вашему Цимисхи, ваше преосвященство.

Монкада испустила тяжелый вздох.

— Я боялся этого. Ты хорошо поработал, моя верная гончая. Действительно хорошо.

— Не очень хорошо. Борхес был уничтожен под моим наблюдением, а Люсита сбежала. Я подозреваю, что в деле замешан не только Викас. Другие убийства не несут ее запаха. Блеф, или, возможно, что-то совершенно несвязанное. Я не знаю, но подозреваю, что мы с твоим ребенком никогда больше не будем общаться в гражданском тоне.

— Жаль, что так. Монкада сдвинул свою массивную фигуру в исповедальне и кашлянул один раз, тихо. — Я очень рад, что ты здоров, Талли. И я доволен тобой. Иди. Охоться на ту добычу, которую выберешь. Думаю, ты не понадобишься мне еще долгое время. Иди, и возьми с собой мою благодарность.

Талли моргнул, один раз.

— Конечно, Ваше Преосвященство. Спасибо.

Он, спотыкаясь, вышел из кабинки. Кристобаль Гарсия, гуль, служивший Монкаде по меньшей мере сто лет, ждал его и с подобающей грацией и смирением проводил Талли в свои

покои. Вечером он уйдет с вещественными доказательствами благодарности кардинала, а пока ему нужен был только день сна без сновидений.

Все еще находясь в уютных стенах исповедальни, кардинал Амбросио Луис Монкада плотно обернул вокруг себя плащ из теней, а затем еще один. Темнота, как он обнаружил, давала ему успокоение, а в эти ночи он находил в мире очень мало такого. Напевая про себя беззвучную песню, он закрыл глаза. Здесь Бог и тьма хранили его, как хранили всегда.

— Аминь, — пробормотал он и отдался дремоте и объятиям ночи.